

ПРОПОВѢДИ

АМВРОСІЯ ЕПИСКОПА ДМИТРОВСКАГО,

ВИКАРІЯ МОСКОВСКАГО,

за послѣдніе годы служенія его въ Москвѣ,

за 1873—1882.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ 1).

О НАЗНАЧЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Солнце коꙋдѣше на высокихъ Господ-
ннѣхъ, и доброта женѣ добрыа къ красотѣ
домѣ еѣ (Сир. 26, 20. 21).

Одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе занимающихъ мыслителей нашего времени, есть вопросъ о назначеніи женщины, и одно изъ современныхъ ученій, наиболѣе возмущающихъ мирное и правильное развитіе христіанскихъ дѣвицъ, есть ученіе о высвобожденіи женщины изъ того стѣснительнаго положенія, въ которомъ, по мнѣнію новыхъ философовъ, она нынѣ находится подъ вліяніемъ не древнихъ заблужденій и предрасудковъ, а самаго ученія христіанскаго. Доселѣ послѣдователи ученія Христова радовались, что въ христіанствѣ женщина не раба мужу, какъ была, и доселѣ еще есть въ язычествѣ,—не предметъ грубыхъ наслажденій, какъ въ магометанствѣ, а свободная помощница въ трудахъ и равноправная участница не только въ благахъ жизни земной, но и въ блаженствѣ жизни вѣчной. Нынѣ говорятъ: этого мало. Значеніе помощницы мужу заключаетъ женщину въ строго очерченный и тѣсный

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 27 іюля 1873 г.

кругъ семейной жизни, гдѣ стремленія ея сердца и силы ея ума стѣснены и не получаютъ полного развитія, къ какому онѣ могутъ быть способны. Надобно вывести и ее на то широкое поприще, которое присвоили себѣ мужчины; надобно открыть ей всѣ источники знанія, всѣ роды дѣятельности; надобно сдѣлать ей доступными всѣ общественныя должности и права: только тогда, говорятъ, она явится во всемъ совершенствѣ и блескѣ своей природы и вполне раздѣлится съ мужемъ какъ борьбу и трудъ жизни, такъ и торжество успѣха.

Слово Божіе содержитъ въ себѣ весьма много положительныхъ и ясныхъ указаній на назначеніе женщины и съ подробностію изъясняетъ ея обязанности, или условія, при которыхъ это назначеніе достигается. Соединивши въ одно цѣлое обязанности женщины, изложенныя въ Библии, и описаніе достоинствъ, какія должны раскрыться въ ея природѣ при исполненіи этихъ обязанностей, мы получаемъ чистый и свѣтлый образъ женщины, въ которомъ находимъ всѣ данныя для правильнаго развитія и счастія человѣчества,—данныя, какихъ только можно требовать отъ этой половины человѣческаго рода. По ученію Библии, дѣвица, радость матери, утѣшеніе отца и братьевъ, съ кротостію нрава, съ румянцемъ стыдливости на лицѣ и цѣломудріемъ во взорѣ,—есть цвѣтокъ, которому, по назначенію самой природы, суждено расти въ тѣни, гдѣ только и можетъ онѣ сохранить свою красоту и благоуханіе. Супруга—неизмѣнный другъ мужа, обезпечивающій ему довольство и спокойствіе домашняго крова, участвующій всею душою въ его радостяхъ и печаляхъ, готовый идти съ нимъ всюду и раздѣлять всякую участь. Мать—это неустанная попечительница о дѣтяхъ, насаждающая въ сердцахъ ихъ страхъ Божій и сѣмена всякихъ добродѣтелей. Какъ членъ Церкви, библейская женщина есть душа, полная вѣры и покорности волѣ Божіей, смиренная и вмѣстѣ мужественная, въ скорбяхъ и лишеніяхъ безропотная, въ трудахъ любви неутомимая, ради истины и чести на всѣ жертвы готовая, въ опасностяхъ безстрашная, въ страданіяхъ несокрушимая. Для нея не закрыто поприще общественной дѣятельности, но она

не порывается на него съ самонадѣянностію и съ забвеніемъ коренныхъ свойствъ своей природы, а выходитъ только по особому призванію Промысла Божія; и тогда она является руководительницею военачальниковъ, мудрою царицею и законодательницею, всемірною проповѣдницею вѣры, покровительницею самой Церкви. Высшая равноправность ея съ мужчиною открывається въ томъ исповѣданіи вѣры, что *во Христвъ Исусъ нѣсть мужескій полъ ни женскій* (Гал. 3, 22), что жена наравнѣ съ мужемъ есть участница всѣхъ даровъ Духа Божія, что Пресвятая Дѣва Марія, послужившая тайнѣ искупленія человѣковъ, есть Царица небесная, честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ.

Посему просвѣщеннымъ христіанамъ нашего времени надлежало бы уравнивать только пути и устранять препятствія къ достиженію назначенія, указаннаго женщиной христіанствомъ, а не обращать въ вопросъ того, что уже рѣшено, и не искать того, что давно составляетъ нашу собственность.

Говоря это, мы не имѣемъ въ виду входить въ пренія съ новыми писателями по такъ-называемому женскому вопросу, или съ молодыми горячими ихъ почитателями и почитательницами; въ краткомъ словѣ мы не признаемъ этого возможнымъ, да знаемъ и бесплодность этихъ преній. Мы желаемъ только для христіанскихъ семействъ, гдѣ не чуждаются христіанскаго знанія, гдѣ дорожатъ цѣлостію нравственнаго чувства, гдѣ хотять утвердить въ дѣтяхъ понятія объ истинной и чистой красотѣ,—для нихъ мы желаемъ, подъ руководствомъ библейскаго мудреца, представить достолюбезный образъ доброй жены, вѣрной своей природѣ и своему естественному призванію. Намъ представляется такой предметъ слова вполне приличнымъ и достойнымъ дня, посвященнаго торжеству въ честь Царственной жены, сіяющей на престолѣ, *какъ солнце восходящее на высокихъ Господнихъ*, добродѣтелями христіанскими, семейными и общественными.

„Что восходящее солнце въ небесахъ Господнихъ, то красота доброй жены въ маломъ мірѣ ея дома“. Премудрый раздѣляетъ всю область человѣческой дѣятельности на два міра: малый и великій. Міръ великій—это кругъ дѣятельности об-

щественной, государственной и даже всемирной; міръ малый, очевидно, есть домъ частныхъ людей,—семейство. Чтобы люди наполняли міръ и дѣйствовали въ немъ, для этого нужно, чтобы они раждались. Еще въ отдаленной древности, по простому наблюдению и здравому смыслу, всѣ были убѣждены, что люди не могутъ жить и раждаться на площадяхъ и воспитываться на улицахъ; что для этого и человѣку, какъ птицѣ или звѣрю, нужно гнѣздо или логовище, т.-е. безопасный шатеръ, или домъ; что домъ есть расадникъ не только людей, но и всѣхъ тѣхъ свойствъ, которые люди съ собою изъ него выносятъ въ міръ великій; что слѣд. въ этомъ маломъ мірѣ должны быть свои законы, свой порядокъ, своя многосложная и многолѣтняя дѣятельность, и за всѣмъ этимъ долженъ быть постоянный, неотлучный наблюдатель. Этимъ наблюдателемъ всегда была признаваема женщина, и не нужно обширнаго знанія наукъ естественныхъ для того, чтобы понять, что самое строение женскаго тѣла, особенныя качества женскаго ума, свойства женскаго сердца, природныя инстинкты женщины—все указываетъ на эту главную цѣль и господствующую ея дѣятельность въ земной жизни. Цѣль этой дѣятельности—высокая, и самая дѣятельность въ своемъ родѣ сложна и многосторонняя; посему она требуетъ приготовленія тщательнаго и своеобразнаго, энергіи непрестанной, труда неутомимаго. Женщину вѣрную своему долгу она занимаетъ до такой степени и такъ наполняетъ и ея время и ея сердце, что вызовъ на всякую другую сложную дѣятельность не можетъ не сопровождаться для нея обремененіемъ, а для ея дѣла—ущербомъ. Безъ сомнѣнія, она не можетъ и не должна чуждаться интересовъ общественныхъ; по мѣрѣ ея развитія, ей свойственно сочувствовать всякому честному и великому общественному дѣлу; по мѣрѣ силъ и свободы отъ главныхъ своихъ обязанностей, она и сама можетъ выходить на эту дѣятельность, судя по тому, сколько она сообразна съ ея природою; но все это не уничтожаетъ основнаго понятія, что ея собственный міръ, ея природное царство есть семейство. Потому всякая общественная ея дѣятельность тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ будетъ ближе къ ея главному назначенію, и самую поч-

тенною изъ общественныхъ дѣятельницъ будетъ та, которая откроетъ своимъ подругамъ средства къ наилучшему исполненію главныхъ обязанностей женщины, или съ ними сродныхъ, какъ-то: супруги, матери, воспитательницы, хозяйки, домоправительницы, попечительницы о бѣдныхъ и болящихъ и т. п. И такъ какъ истинная красота всякаго созданія Божія является только тамъ, гдѣ оно поставлено самою природою, и только тогда, когда оно вѣрно законамъ природы: то и женщина во всей своей красотѣ является только *въ маломъ мірѣ дома ея*.

Эту красоту женщины, и притомъ не вообще женщины, а только *доброй*, т.-е. вѣрной своему призванію и обязанностямъ, Премудрый, по свойству языка своего времени, описываетъ образно, или сравнительно, уподобляя ее солнцу. Но онъ не говоритъ, что добрая жена, какъ солнце, въ полномъ блескѣ сіяетъ природными способностями, дарами воспитанія и образованія и нравственными добродѣтелями, а что она прекрасна, какъ *солнце восходящее*. Очевидно, этимъ объясняется радостное чувство мужа при взглядѣ на добрую подругу своей жизни въ ея плодотворной дѣятельности: отъ ея яснаго взгляда, мирнаго слова, сердечной заботы, усерднаго труда оживаетъ домъ и вся семья, какъ отъ восходящаго солнца, его свѣта, во всей природѣ пробуждается жизнь и радость. Вникая въ составныя черты этого прекраснаго образа, мы можемъ опредѣлить и существенныя свойства истинно женской, разумѣется, внутренней красоты, съ увѣренностію впрочемъ, что ими обозначатся высшія качества и красоты внѣшней.

Солнце *свѣтитъ*. И добрая жена, силою своихъ умственныхъ дарованій, свойственнымъ ей свѣтомъ озаряетъ свой малый міръ. Напрасно думаютъ, что женщина только тогда вноситъ въ человѣческое общество полный свѣтъ своего ума, когда она обогащена разнородными свѣдѣніями (часто ей ни на что и не нужными), когда она говоритъ какъ книга, когда почитаетъ себя въ состояніи входить въ ученныя пренія и участвовать въ рѣшеніи самыхъ высшихъ вопросовъ. Всѣ мы знаемъ, что здѣсь-то преимущественно и открываются слабыя

стороны женскаго ума (исключенія рѣдки), и не здѣсь надобно искать высшихъ его достоинствъ. Неумѣтность въ изслѣдованіяхъ, широта и общность взгляда, сила въ постиженіи глубочайшихъ началъ и законовъ бытія, точность и строгая послѣдовательность выводовъ и, наконецъ, прочное обладаніе и цѣлесообразное употребленіе познаній,—это не отъемлемыя принадлежности ума мужскаго, разумѣется, правильно развитаго. Но особенности ума женскаго, которыми восполняются наши недостатки,—это: вниманіе къ подробностямъ и частностямъ, пристальное наблюденіе за теченіемъ дѣйствительной жизни, ясное пониманіе мѣры, а главное—неотлучное соуправленіе сердца при всѣхъ движеніяхъ ума и, вслѣдствіе этого, тонкое чувство истины, нравственнаго достоинства, красоты и приличія, и иногда складывающееся изъ всѣхъ этихъ неумовимыхъ свойствъ и поражающее своею вѣрностію—предчувствіе, или даръ предугадывать послѣдствія еще до полного появленія или развитія причинъ. Отъ матери, жены, сестры сколько всѣ мы получаемъ добрыхъ совѣтовъ, разумныхъ указаній, благовременныхъ предостереженій, которыя иногда имѣютъ вліяніе на всю нашу жизнь! Часто рукою женщины указывается недосмотръ въ широкомъ и тщательно обдуманномъ нами планѣ, или опасность въ предпріятіи, по нашему мнѣнію, самомъ вѣрномъ. Гдѣ въ общественной дѣятельности мы взяли на себя бремя выше нашихъ силъ, гдѣ мы обнаружили гордость, или лишнюю самоувѣренность, гдѣ наше вліяніе начинаетъ угнетать другихъ, гдѣ мы поступили малодушно и не по совѣсти, гдѣ, ради послѣдовательности нашихъ дѣйствій, мы становимся жестокосердыми и безпощадными,—всего этого никто не укажетъ намъ лучше, чѣмъ добрая жена. Она между нашими друзьями лучше, чѣмъ мы сами, отличить истинныхъ отъ ложныхъ; она вѣрно опредѣлитъ достоинство и вліяніе на насъ посѣщаемаго нами общества; она укажетъ во время зарождающуюся въ насъ страсть; ея совѣты и справедливыя упреки, какъ совѣсть, сопровождаютъ насъ на путяхъ нашей общественной жизни, а воспоминаніе о чистотѣ и добротѣ сердца, изъ котораго исходятъ предостереженія, хранитъ насъ отъ паденій. Одно легко выраженное ею со-

мнѣніе, или недоумѣніе, одинъ печальныйъ взглядъ нерѣдко служатъ для насъ лучемъ свѣта, открывающимъ нашу ошибку, или ложь въ нашемъ поведеніи; а иногда слезы, проливаемые изъ опасенія за насъ и представляющіяся намъ неумѣстными и обидными, при нашей гордой увѣренности въ нашихъ силахъ и безошибочности нашихъ дѣйствій,—служатъ предвѣстіемъ нашего паденія и разрушенія нашего семейнаго благосостоянія. Вотъ гдѣ,—въ этомъ нравственномъ влияніи на мужа, которымъ жена содѣйствуетъ ему въ самоусовершенствованіи (какъ и онъ ей своими средствами), она прежде всего есть ему помощница, а не въ хозяйствѣ только, или въ воспитаніи дѣтей, какъ мы привыкли думать. А такъ какъ, по закону Божественному, каждый мужчина долженъ имѣть свою жену: то очевидно, что каждый изъ общественныхъ дѣятелей получаетъ дома восполненіе своихъ силъ изъ особенныхъ даровъ женской природы, и чрезъ то влияніе женщины становится всемірнымъ, чрезъ однихъ только мужей, не говоря уже о дѣтяхъ. Эти-то особенности женской природы, при ясномъ пониманіи назначенія женщины, мы и должны имѣть въ виду при воспитаніи дѣвиць. Съ научнымъ, до крайности сложнымъ и дробнымъ образованіемъ, мы безъ пользы обременяемъ ихъ головы; при насильственномъ принужденіи къ нашимъ школьнымъ законамъ и правиламъ мышленія, мы лишаемъ ихъ драгоценныхъ особенностей ума и неувимыхъ его пріемовъ, исключительно имъ принадлежащихъ; мы срываемъ ихъ съ почвы дѣйствительной жизни, разрушаемъ въ нихъ связь ума съ сердцемъ и, лишивъ ихъ природныхъ достоинствъ, приобретаемъ себѣ нѣсколько лишнихъ товарищей въ общественной дѣятельности съ нашими же недостатками, только гораздо болѣе слабыхъ, чѣмъ мы сами. Намъ скажутъ, что мы враги просвѣщенія, что мы хотимъ держать женщинъ въ невѣжествѣ и порабощеніи. Нѣтъ; мы любимъ науку, мы знаемъ, что жена добрая еще прекраснѣе, если она просвѣщенная; но мы выражаемъ сожалѣніе о томъ, что жена просвѣщенная въ указанномъ нами смыслѣ перестаетъ быть *доброю*; мы выражаемъ только желаніе инаго, болѣе цѣлесообразнаго порядка женскаго образованія.

Солнце *иртѣтъ*. Во всѣ времена и всѣ народы были убѣждены, что сердце доброй жены, какъ свѣтъ, имѣеть притягательную силу, влекущую къ ней и мужа и дѣтей. Въ ея маломъ мірѣ, прибранномъ и благоустроенномъ, мужъ отдыхаетъ, дѣти счастливы. Здѣсь, въ тишинѣ уединенія, незамѣтно для свѣта, дѣятели большаго міра получаютъ такія впечатлѣнія, которыя обнаруживаютъ рѣшительное вліяніе иногда и на громкія общественныя дѣла, и на великія событія. Здѣсь властитель, оскорбленный въ своихъ правахъ и раздраженный сопротивленіемъ его волѣ, или людскими пороками, и дышущій гнѣвомъ и мщеніемъ,—утихаетъ, успокоивается и, примиряясь съ человѣческими слабостями, возвращается къ людямъ съ пощадою и милостію. Здѣсь честный труженникъ, изнемогающій въ борьбѣ съ препятствіями, которыя людская злоба и зависть нерѣдко воздвигаютъ въ дѣлахъ истинно добрыхъ и полезныхъ, получаетъ ободреніе и подкрѣпленіе, и выходитъ на подвигъ съ новымъ мужествомъ и новыми силами. Здѣсь несчастный, доведенный до отчаянія неудачами, или пораженный непоправимою бѣдою, находя утѣшеніе въ любви доброй жены и ободряемый вѣрою въ Провидѣніе, которою преимущественно живетъ женское сердце, получаетъ убѣжденіе, что не все въ жизни для него потеряно, и возвращается къ дѣламъ съ надеждою на лучшее будущее. Нѣтъ столь обиднаго общественнаго положенія, нѣтъ столь тяжкаго труда, нѣтъ столь горькой доли, съ которою не примирила бы мужа любящая и добрая жена. Потому-то съ незапамятныхъ временъ за семейный кровъ, за жену и дѣтей мужа и отцы обливали бранныя поля своею кровію и устилали ихъ своими трупами. Только нынѣ, и преимущественно у насъ, враждебная сила ложнаго просвѣщенія съ яростію нападаетъ на семейный кровъ и всѣми способами развращаетъ женское сердце. Всѣми приманками общественныхъ увеселеній изъ тихой семейной жизни увлекаютъ нынѣ женщину въ жизнь уличную, чтобы сдѣлать ее цѣлюю жадныхъ взоровъ всякаго проходящаго. Ненужнымъ знакомствомъ съ тайнами физиологіи и медицины, соблазнительными зрѣлищами, преждевременнымъ сближеніемъ съ мужскимъ, и не-

рѣдко дурнымъ, обществомъ лишаютъ ее крѣпчайшаго огражденія человѣческой добродѣтели—стыдливости и внутренняго цѣломудрія. Вызывая ее на общественную, несвойственную ей природѣ, дѣятельность, возбуждаютъ въ ней ложную самоувѣренность, иногда доходящую до дерзости. Съ помощію ложныхъ ученій лишая ее вѣры, составляющей основу внутренней ея жизни, дѣлаютъ ее сухою, холодною, озлобленною противъ священныхъ убѣжденій, благочестивыхъ семейныхъ обычаевъ и противъ всѣхъ тѣхъ, которые ихъ цѣнятъ и съ любовію хранятъ. И вотъ, въ новыхъ супружествахъ мы увидимъ хозяекъ,—не тѣхъ, у которыхъ отъ свѣта обитающей въ домѣ любви и гостю привѣтно и радостно, а ученыхъ диспутантокъ, готовыхъ всегда поднимать спорные вопросы, уже наскучившіе намъ и въ книгахъ. Мужья, вмѣсто приглашенія къ отдыху, въ своемъ домѣ будутъ призываемы къ отчету въ ихъ трудахъ, и вмѣсто ободренія и утѣшеній, встрѣтятъ возраженія и порицанія. Ради общественныхъ дѣлъ, хозяйство будетъ брошено; домашній кровъ только въ крайнихъ случаяхъ будетъ видѣть у себя неприванныхъ ревнительницъ общаго блага.

Солнце *животворитъ*. Ясный, просвѣщенный вѣрою, разумъ и доброе сердце матери составляютъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей такую же зиждительную силу, какъ для природы свѣтъ и тепло лучей солнечныхъ. Не наука, не книга полагаютъ въ дѣтской душѣ первыя сѣмена истины и добра, а живые люди, и прежде всѣхъ—матери; по ихъ примѣру прежде всего складывается челоуѣкъ, подъ ихъ наблюденіемъ онъ выдерживается и укрѣпляется. Кто дастъ дитяти первое понятіе о Богѣ, Отцѣ и Промыслителѣ челоуѣковъ, лучше матери, которая всего ожидаетъ отъ Господа, на все призываетъ благословеніе Божіе, при всѣхъ радостяхъ возводитъ благодарные взоры къ небу, во всѣхъ скорбяхъ, колѣнопреклоненная, предъ Богомъ изливаетъ печаль свою? Одинъ образъ благоговѣнно молящейся матери есть для дитяти живое изображеніе самой молитвы, возбуждающее молитвенныя расположенія въ его сердцѣ прежде всякаго наставленія. Отвращеніе отъ грѣха и порока и страхъ отвѣтственности предъ Богомъ, написанныя на лицѣ

матери, раньше уроковъ раскрываютъ дѣтскую совѣсть; взглядъ матери исполненный состраданія, слезы участія, исторгаемыя изъ ея очей чужою скорбію, проникають жалостію и соболѣзнованіемъ сердце дитяти, еще неимѣющаго понятія о томъ, что такое горе. Дѣти возрастающія первые уроки въ жизненной борьбѣ получаютъ въ примѣрѣ матери, неутомимой въ трудѣ, терпѣливой въ лишеніяхъ и семейныхъ невзгодахъ, и первые опыты великодушія—въ ея постоянномъ стремленіи трудъ и скорбь перенести на себѣ, а дѣтямъ доставить удобства и удовольствія.—Этихъ примѣровъ довольно для объясненія нашей мысли: но какой урокъ мы для себя изъ этого получаемъ? Никто не можетъ услѣдить, когда именно въ душѣ дитяти даютъ первые ростки сѣмена добра и зла; но вѣрно то, что если хорошія, или дурныя свойства взрослыхъ людей возрастають изъ этихъ сѣмянъ: то большее количество добра, или зла, вносимое въ общество каждымъ поколѣніемъ, зависитъ отъ первоначальнаго семейнаго воспитанія. Посему ясно, что въ образованіи дѣвиць самое существенное должно быть—правильное христіанское міросозерцаніе, доброе нравственное настроеніе, ясное сознаніе ихъ прямаго назначенія и, прежде всѣхъ другихъ наукъ, знаніе христіанскихъ правилъ первоначальнаго воспитанія. Ясно также безъ доказательствъ, что для этого великаго дѣла, на которомъ зиждется благо нашего отечества, отъ матерей новаго направленія, о которомъ мы говорили, намъ добраго нечего ждать.

Въ заключеніе, дадимъ краткій отвѣтъ на возраженіе, которое обыкновенно дѣлають при разсужденіи о несвойственности женскому полу многихъ общественныхъ должностей и занятій, на которыя вызываютъ нынѣ женщинъ. „Не всѣ, говорятъ, выходятъ за мужъ и могутъ быть матерями семействъ; нужно же и дѣвицамъ искать себѣ самостоятельнаго труда для пріобрѣтенія средствъ жизни“. Если жизнь образованныхъ народовъ нынѣ уклонилась отъ естественной простоты и порядка; если роскошь такъ усилилась, что здоровый и способный мужчина одинъ поѣдаетъ весь свой трудъ и, подъ предлогомъ трудности содержать семейство, уклоняется отъ

законнаго супружества: то участь женщинъ, остающихся въ несвойственномъ ихъ назначенію положеніи, не облегчится, если онѣ будутъ поставляемы въ другія положенія, столько же, или еще и болѣе, несогласныя съ ихъ природными свойствами. Зло зломъ не исправляется.

Блазъ еси Ты, Господи, и благостію Твоею научи насъ оправданіемъ Твоимъ (Пс. 118, 68)! Аминь.

С Л О В О

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНІЯ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖЕНІЯ ВЪ САНѢ СВЯЩЕНСТВА

ПРОТОІЕРЕЯ І. А. ВЛАГОВѢЩЕНСКАГО ¹⁾

Начало премудрости страхъ Господень, и
совѣтъ събѣхъ разумъ: разумѣти ко законъ
помысла съеть блгаго: умъ ко образомъ
многое поживѣши время и приложатся текѣ
лѣта жикотѣ твоегѣ (Притч. 9, 10, 11).

Премудрость Божія устами Соломона призываетъ насъ къ познанію, вмѣстѣ съ другими тайнами духовнаго вѣдѣнія, и тайны продленія жизни человѣческой. Познаніе этой тайны должно быть всѣмъ намъ пріятно, потому что мы такъ любимъ нашу земную жизнь, и такъ тяжела намъ мысль о близости смерти. Но къ области ли духовнаго вѣдѣнія это познаніе принадлежитъ? Не есть ли оно плодъ изученія естественныхъ законовъ природы, климатическихъ условий, средствъ питанія и врачеванія нашего тѣла, искусства устроенія одеждъ, сооруженія, отопленія и провѣтриванія нашихъ жилищъ и т. под., чѣмъ такъ занята современная наука? Соломонъ не отрицаетъ важности и пользы всего этого: онъ, какъ извѣстно, самъ любилъ естествознаніе, хотя впослѣдствіи и предпо-

¹⁾ Произнесено въ Спасо-Преображенской, что въ Наливкахъ, церкви, 8 ноября 1873 года.

цель ему боговѣдѣніе. Но по ученію Божественной Премудрости, которое онъ возвѣщаетъ, тайна долготѣія лежитъ глубже: въ познаніи Самого Всевышняго, въ страхѣ и благоговѣніи предъ Нимъ.

Какимъ же образомъ богопознаніе и богопочтеніе могутъ имѣть вліяніе на наше долготѣіе?

Жизнь наша сокращается и пресѣкается прежде времени или отъ того, что мы сами не бережемъ ее, или отъ причинъ, отъ насъ независящихъ и неустранимыхъ. Премудрость Божія научаетъ насъ и беречь нашу жизнь, и устранять опасности для нея, даже превышающія человѣческое знаніе и человѣческія силы. Объяснимъ то и другое.

Всѣмъ извѣстно, что нынѣ многіе весьма легко смотрятъ на жизнь и безжалостно оканчиваютъ ее самоубійствомъ, какъ бы сбрасывая ее съ себя, какъ тяжелое бремя. Это недугъ нашего времени,—и напрасно естествоиспытатели стараются объяснить его изъ причинъ физическихъ: это недугъ нравственный. Причина его—усиленное стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ жизни и недостатокъ развитія внутренней, духовной ея стороны. Человѣкъ не можетъ жить только для того, чтобы наслаждаться чувственными удовольствіями: удовольствія вкуса, слуха, зрѣнія, даже самаго эстетическаго чувства не могутъ долго удовлетворять его. Они обременяютъ его требованіемъ разнообразія и усиленія впечатлѣній на тупѣющія чувства, утомляютъ изысканіемъ средствъ и трудами для ихъ устроенія; удручаютъ болѣзненною тоскливостію, ощущаемою всякій разъ, когда въ употребленіи ихъ переступается мѣра. Это—истина, и будетъ вѣрно, если мы выразимъ ее такъ: наслаждайся чаще, наслаждайся больше, если хочешь, чтобы жизнь тебѣ опротивѣла. Человѣкъ живетъ дѣятельностію, и дѣятельностію плодотворною. Его истинно и существенно утѣшаетъ собственное саморазвитіе, дающее ему чувствовать, что изъ глубины его природы притекаютъ новыя силы, что въ его собственномъ человѣческомъ облигѣ являются новыя черты красоты и совершенства, что кругозоръ его мысли и знанія расширяется, что его жизнью восполняется жизнь другихъ, что за нею упрочивается по праву принадлежащее ей мѣсто

въ области человѣческой дѣятельности. При этомъ направленіи, продолжаемость жизни есть потребность; охранять, защищать ее становится необходимостію, потому что въ ней такъ много дорогаго для насъ—уже сдѣланнаго, или только еще начатаго, задуманнаго, желаемаго. Здѣсь, въ этой возрастающей жаждѣ дѣятельности, въ этой способности человѣка развиваться изъ себя безъ конца нить жизни, такъ живо чувствуется безъ всякихъ доказательствъ наша склонность къ вѣчному продолженію жизни, или вѣра души въ собственное бессмертіе. А именно все это и внушаетъ намъ откровенное богопознаніе: ищи въ Богѣ первообраза твоего совершенства, уподобляйся Ему и, складываясь, развиваясь по образу твоего Создателя и Отца, полюбишь истину, полюбишь добро, полюбишь самую любовь,—эти основныя стихіи твоей жизни, а съ ними и самую жизнь, какъ питательный трудъ и какъ чистую, награждающую за трудъ радость.

Богочтеніе требуетъ отъ насъ исполненія воли Божіей или соблюденія святыхъ Божіихъ заповѣдей. Въ этомъ для насъ вѣрный способъ приготовленія себя къ жизни вѣчной и вмѣстѣ охраненія жизни земной. Слово Божіе свидѣтельствуетъ, что *заповѣди Господни тяжки не суть* (1 Іоан. 5, 3). Это значитъ, что въ соблюденіи ихъ заключается наше благо, и именно, охраненіе насъ отъ пороковъ и страстей, разрушающихъ нашу жизнь, какъ духовную, такъ и тѣлесную. Кто остерегается отъ обременяющаго наши тѣлесныя органы объяденія, отъ разрушающаго пьянства, отъ растлѣвающаго сладострастія, отъ расслабляющей сонливости и лѣности, отъ волнующаго гнѣва и самолюбія, отъ изнуряющаго корыстолюбія, отъ иссушающей зависти и ревности: тотъ устраняетъ множество опасностей, угрожающихъ его жизни болѣзнями и преждевременнымъ пресѣченіемъ.

Памятованіе о Богѣ, Всесвятомъ и Всеправедномъ, побуждаетъ насъ остерегаться не только всякаго преступнаго дѣла, но и всякаго грѣховнаго помысла, всякаго нечистаго движенія сердца; а это опасеніе заставляетъ держать тѣло наше въ строгомъ подчиненіи духу, и никакіе совѣты врачей, ни даже самая опасность болѣзней и смерти не могутъ приучить чело-

вѣка къ такому строгому воздержанію, какъ постоянное христіанское наблюденіе, чтобы тѣло наше не сдѣлалось источникомъ страстныхъ помышленій и движеній, возмущающихъ миръ души и чистоту совѣсти. Это охраненіе душевнаго мира и стремленіе содержать духъ въ постоянной готовности и способности къ размышленію о предметахъ возвышенныхъ и къ молитвенному общенію съ Богомъ, заставляетъ подвижниковъ благочестія подвергать тѣло лишеніямъ, продолжительному бдѣнію и трудамъ. А раннее пробужденіе отъ сна, постоянное движеніе, питаніе не до насыщенія—не всѣми ли признанныя это условія сохраненія здоровья? Человѣкъ истинно благочестивый—врагъ изнѣженности и роскоши; по своей ли обязанности, на помощь ли ближнему,—онъ всегда готовъ являться всюду, гдѣ можетъ быть полезнымъ, не боясь никакихъ воздушныхъ перемѣнъ, никакихъ неудобствъ путешествія; а простота и нѣкоторая суровость жизни—не почитается ли всѣми наилучшимъ предостереженіемъ отъ простудъ и другихъ непредвидимыхъ опасностей, угрожающихъ нашему здоровью? Бодрость и спокойствіе духа даже врачами, не вѣрующими въ бытіе духа, признается наилучшимъ пособіемъ при излѣченіи самыхъ опасныхъ болѣзней; но кто можетъ быть мужественнѣе и спокойнѣе человѣка, который ни къ чему земному особеннаго пристрастія не имѣетъ, ко всякой борьбѣ привыкъ, въ терпѣніи искушень, которому и жить хорошо, и умереть не страшно?

Симъ образомъ многое проживеши время. Нѣтъ сомнѣнія, что благочестіе, по изреченію Ап. Павла, на все полезное, какъ имѣющее обѣтованія жизни временной и вѣчной (1 Тим. 4, 8), содержитъ насъ въ самыхъ благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ для продолженія нашей жизни до послѣднихъ предѣловъ; но,—что еще важнѣе,—оно приближаетъ насъ къ Самому источнику жизни—Богу, изъ котораго мы можемъ почерпать и восполнять нашу жизнь по мѣрѣ вѣры нашей. Мы рождаемся и живемъ на землѣ по волѣ Божіей, для цѣлей Его премудрости и подъ Его постояннымъ наблюденіемъ и промысленіемъ. И такъ какъ мы сотворены для дѣланія добра, на пользу собственную и для ближнихъ: то не въ волѣ ли

Божіей и не въ силѣ ли Божіей продолжать нашу жизнь и восполнять ее сколько Ему угодно, доколѣ Онъ признаетъ полезнымъ, чтобы мы дольше оставались на землѣ? Если Онъ повелѣвалъ Израильтянамъ истреблять изъ среды ихъ людей, плодящихъ на землѣ зло: то не ясно ли, что въ цѣляхъ Его промысленія—хранить дѣлающихъ и распространяющихъ на землѣ добро? Итакъ, дѣлай больше добра,—и *приложатся тебѣ лѣта живота*, и пройдешь, не замѣчая, мимо многихъ опасностей, угрожающихъ твоей жизни, и получишь исцѣленіе отъ многихъ болѣзней, вопреки всякимъ законамъ и приговорамъ науки. Мы даже видимъ въ исторіи вѣры, что люди благочестивые для окончанія начатыхъ ими добрыхъ дѣлъ могутъ испрашивать у Господа продолженія жизни. Такъ царь іудейскій Езекиа, уже послѣ объявленнаго ему Пророкомъ наступленія часа смерти, испросилъ себѣ пятнадцать лѣтъ жизни для покаянія и окончанія начатыхъ имъ дѣлъ; такъ св. Василій Великій прожилъ, сверхъ всякаго ожиданія, лишній день жизни для обращенія ко Христу врача-еврея съ его семействомъ. Св. Апостоль Павелъ съ удивительнымъ дерзновеніемъ и свободою духа разсуждаетъ о своей смерти: мнѣ уже соблюдается вѣнецъ правды (2 Тим. 4, 8), говоритъ онъ, мнѣ лучше отойти ко Христу, но для васъ (вѣрующихъ) нужнѣе, чтобы я оставался во плоти. И я вѣрно знаю, что останусь и пребуду со всѣми вами для вашего успѣха и радости въ вѣрѣ (Филип. 1, 23—25). И онъ остается, какъ бы имѣющій жизнь въ своихъ рукахъ.

Очевидно, всѣ эти мысли имѣютъ близкое отношеніе къ настоящему празднеству нашему. Мы собрались изъявить наше сочувствіе и уваженіе къ настоятелю сего храма и вмѣстѣ съ нимъ принести Господу благодареніе за дарованную ему великую милость—въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ санѣ священства предстоять престолу Господню и служить спасенію душъ человѣческихъ. Было бы оскорбительно для его скромности, если бы мы его долголѣтіе стали объяснять его христіанскими свойствами и добродѣтелями. Христіанское смиреніе не терпитъ открытаго восхваленія живыхъ. Близко его знающіе все изъясняютъ сами. Но мы также знаемъ, что для

него ничего не можетъ быть утѣшительнѣе, какъ именно это наше открытое исповѣданіе особой милости Божіей, явленной ему какъ въ продолжительности, такъ и въ благополучіи его жизни, прославленіе за него имени Божія и нравственная польза, которую кому либо изъ насъ можетъ принести весь этотъ, въ честь его устроенный, праздникъ. Если мы унесемъ съ этого праздника убѣжденіе, что жизнь дорога, что нужно заботиться объ ея охраненіи и продолженіи, такъ какъ она есть средство приобрѣтенія блаженной вѣчности; что любя жизнь, мы должны любить и христіанское благочестіе, которое одно дѣлаетъ ее счастливою и для вѣчности плодоною,—если мы унесемъ отсюда такое убѣжденіе, то это будетъ лучший ему подарокъ. Аминь.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

О НАЧАЛЬНЫХЪ ПРИЕМАХЪ ХРИСТИАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

Взыскати Господа, да поне ѡбращѣтъ Его
и ѡбращѣтъ, ꙗко не далече ѡ Единаго ко-
егѡждо насъ съща (Дѣян. 17, 27).

Начало настоящаго года ознаменовано объявленіемъ двухъ новыхъ великихъ законоположеній Благочестивѣйшаго Государя нашего ко благу отечества. Первое относится къ средствамъ защиты страны силою оружія, второе къ обезпеченію христіанскаго просвѣщенія и нравственнаго развитія народа. Предметы обоихъ чрезвычайно важны; но не усумнимся сказать, что второй важнѣе перваго. Оружіе сильно только въ рукахъ народа цѣльнаго, понимающаго свой долгъ и свое призваніе, мужественнаго, способнаго къ подвигу и самоотверженію; но оно выпадаетъ изъ рукъ народа умственно-растлѣннаго, нравственно-опустѣвшаго, чувственно-изнѣженнаго и слабодушнаго.

На дѣла государственнаго управления и благоустройства Православная Церковь только призываетъ Божіе благослове-

¹⁾ Произнесено въ Моск. Большомъ Успенскомъ соборѣ, 19 февраля 1874 года.

ніе, почитая ихъ собственно принадлежащими богодарованной власти царей и правителей; но дѣло попеченія о христіанскомъ просвѣщеніи и нравственномъ развитіи народа не можетъ быть ей чуждымъ: она для этой цѣли и учреждена на землѣ ея Основателемъ, Господомъ Иисусомъ Христомъ.

Послѣ многихъ, изданныхъ въ послѣдніе годы, законоположеній относительно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время отеческій взоръ Царя обращенъ на школу народную, слѣдовательно, школу начальную. На стражѣ ея, вмѣстѣ съ духовенствомъ и всѣми просвѣщеннѣйшими людьми страны, поставляется преимущественно доблестное Россійское дворянство. Ему вручается власть охраненія въ народной школѣ основныхъ началъ вѣры и нравственности христіанской „отъ всякаго колебанія и отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній“¹⁾; но за духовенствомъ, кромѣ заботы объ охраненіи, остается еще обязанность разъясненія тѣхъ приемовъ начального христіанскаго воспитанія, при которыхъ эти основныя начала вѣры и нравственности могутъ быть примѣняемы къ раннему дѣтскому возрасту и обращаемы въ сѣмена христіанскихъ добродѣтелей, которыя въ свое время должны принести свои плоды. Какіе же это приемы и способы, которыми высочайшія начала вѣры и нравственности могутъ быть приближаемы къ дѣтскимъ душамъ, и въ нихъ вселяемы въ качествѣ основаній свободной дѣятельности будущихъ взрослыхъ людей и гражданъ?

Въ послѣднее время мы слишкомъ положились на *науку*, на *ученіе*; мы сосредоточили все просвѣщеніе на образованіи *ума*; его мы признали приемникомъ не только познаній, но и всякаго человѣческаго совершенства. Многіе изъ нашихъ мыслителей и писателей доселѣ на его развитіи и обогащеніи познаніями основываютъ всѣ надежды преуспѣянія народа какъ въ нравственномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи. Но, во первыхъ, немислимо, чтобы полное научное развитіе ума и высшее образованіе когда нибудь могли быть доступны цѣлымъ массамъ народнымъ; а полуобразованіе, соединенное съ ложною самоувѣренностію, какъ извѣстно, есть источникъ не-

¹⁾ Высоч. рескр. на имя министра народн. проsv. 25 дек. 1873 г.

исчислимыхъ золь. Вовторыхъ, самый умъ есть частная сила духа человѣческаго, и его образованіе есть только часть человѣческаго совершенства. Много другихъ сторонъ и силъ въ духѣ человѣческомъ, которыя развиваются не наукою; много всякихъ благотворныхъ и вредныхъ вліаній проходитъ въ душу человѣческую *мимо ума* и дѣйствуетъ на нее рѣшительно—въ пользу, или во вредъ правильному развитію человѣка. Кромѣ того, раннее дѣтство есть возрастъ недоступный для науки, но въ этомъ возрастѣ многое закладывается въ наши души помимо нашего сознанія и впоследствии обнаруживаетъ вліаніе на всю жизнь и судьбу нашу. Наконецъ, люди всѣхъ возрастовъ и цѣлыя народныя массы, по необходимости остающіяся чуждыми научнаго развитія, не могутъ быть и руководимы наукою, а между тѣмъ въ нихъ заключаются громадныя силы, которыя должны быть чѣмъ нибудь руководимы и направляемы къ благимъ цѣлямъ, къ добрымъ дѣламъ какъ нравственнаго, такъ и общественнаго характера. Гдѣ же эти истины, которыя могутъ проникать во всякую душу? Гдѣ способности ученія, примѣнимыя ко всякому возрасту и всякому развитію человѣка? Гдѣ цѣли, обнимающія и объединяющія стремленія многихъ милліоновъ душъ человѣческихъ? Гдѣ столь сильныя побужденія, которыя бы могли двигать эти массы вѣрно и безостановочно по пути къ совершенству и благосостоянію?—Въ Церкви Православной.

Великое воспитательное значеніе начальныхъ приемовъ, предлагаемыхъ Церковію, мы видимъ еще и нынѣ во многихъ истинно-христіанскихъ семействахъ. Они имѣли полное свое примѣненіе и обнаруживали свое благотворное дѣйствіе на народъ нашъ въ теченіи многихъ столѣтій, когда у него не было никакихъ школъ, ни высшихъ, ни низшихъ; именно подъ вліаніемъ ихъ „сбиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія“. Укажемъ ихъ въ краткомъ очеркѣ.

Основное начало человѣческой нравственности есть вѣра въ Бога. Органъ духа нашего, которымъ усваивается эта вѣра, есть сердце. Жизнь сердца шире жизни умственной. Оно пробуждается раньше ума, и не мыслями, не понятіями, а впечатлѣніями. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ о цѣлыхъ наро-

дахъ, что Богъ поселилъ каждый изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ и окружилъ благами и красотами природы съ цѣлю, „не ощущать ли Его, и не найдутъ ли Его, хотя Онъ не далеко отъ каждаго изъ насъ“. Если цѣлые народы въ извѣстной странѣ должны сначала *ощутить* Бога, какъ благодѣтеля, потомъ *найти* Его по слѣдамъ дѣлъ Его, и затѣмъ уже вышпаться умомъ въ познаніи Его: то тѣмъ болѣе этимъ путемъ богопознанія должны идти дѣти въ семействѣ, которое составляетъ для нихъ весь міръ. И какъ облегченъ этотъ способъ богопознанія въ области Божественнаго откровенія и въ Православной Церкви! Мать-христіанка, даже не получившая никакого научнаго образованія, становится учителемъ богопознанія для дитяти съ самаго его рожденія. Принявъ его отъ купели крещенія съ вѣрою, что оно есть чадо Божіе, возрожденное для вѣчной жизни, она смотритъ на него не только съ любовію, но и съ уваженіемъ. Она наблюдаетъ, чтобъ оно не оставалось ни на минуту безъ св. креста, возложеннаго на него при крещеніи; она предъ глазами дитяти прикрѣпляетъ къ колыбели св. икону; она призываетъ къ ней Ангела-хранителя. Едва покажутся въ глазахъ дитяти первые признаки сознанія, едва начнетъ языкъ его намекать первыя слова,—она подноситъ его къ кивоту, освѣщенному лампадою, и указывая на икону Спасителя, говоритъ ему: это Богъ! И счастливо дитя, которое вмѣстѣ съ первыми рѣченіями, доступными для его языка, усвоить это святое и достопокланяемое имя! Отъ этого простаго приема происходитъ то, что многіе христіане не заповнятъ времени, съ котораго образъ Спасителя сталъ для нихъ любезнымъ. И какое великое приобретеніе—полюбить Его съ младенчества! Любовь направляется не къ какому нибудь вымышленному искусственному изображенію божества, отъ котораго впоследствии еще нужно будетъ отвлекать умъ человѣка къ чистому представленію о Богѣ; нѣтъ, это истинный образъ Божества, снисшедшаго во плоти къ человѣчеству и сдѣлавшагося доступнымъ даже для дѣтскаго созерцанія: это Богъ! Предъ Нимъ дитя будетъ приносить свои первыя молитвы, предъ Нимъ, по возрастѣ, будетъ исповѣдывать свои грѣхи, предъ Нимъ будетъ проливать слезы и про-

силь помощи въ скорбяхъ жизни, на Него будетъ съ упованіемъ взирать на смертномъ одрѣ; къ Нему, Богу познанному съ младенчества, оканчивая земную жизнь, будетъ стремиться въ вѣчность. Это первое истинное представленіе о Богѣ, заложенное въ чистое воображеніе дитяти, мать пополняетъ и поясняетъ изображеніями Богоматери и святыхъ Божіихъ, съ посильными изъясненіями ихъ значенія. Все это предъ взоромъ возрастающаго дитяти, въ храмѣ, куда его часто носятъ для приобщенія св. Тайнъ, постепенно развертывается въ полную картину священныхъ предметовъ и знаменій вѣры, производящихъ свойственное имъ впечатлѣніе на чистое дѣтское сердце. Кто можетъ объяснить эти впечатлѣнія? По слову Спасителя: „оставьте дѣтей идти ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ“ (Лук. 18, 16), по воспоминанію о томъ, что Онъ Самъ возлагалъ руки на нихъ, обнималъ и благословлялъ ихъ (Марк. 10, 16),—христіанскіе родители вѣрятъ, что въ храмѣ дѣти получаютъ Божіе благословеніе, что здѣсь преимущественно всѣваются въ ихъ души сѣмена вѣры и благочестія. Мы помнимъ только, что въ раннемъ дѣтствѣ наши сердца проникались благоговѣніемъ, когда благоговѣнно молились всѣ стоящіе въ храмѣ; мы помнимъ чувство чистаго умиленія, обывавшее насъ въ великіе праздники и особенно во дни Страстной седмицы; мы помнимъ, какъ радостно трепетали сердца наши въ Свѣтлый день Пасхи. Мы знаемъ, что съ этихъ поръ напечатлѣлись не въ памяти только, но и въ сердцахъ нашемъ главнѣйшія событія изъ жизни Спасителя, что съ этихъ поръ знакомы намъ чистыя молитвенныя расположенія и любезенъ храмъ Божій. А все это вмѣстѣ взятое—великое приобрѣтеніе; это опыты зараждающейся духовной жизни и святыхъ ощущенія общенія съ Богомъ. И кто не приобрѣлъ этихъ духовныхъ сокровищъ въ дѣтствѣ, тотъ едва ли когда приобрѣтетъ ихъ. Чувствъ сердечныхъ втолковать нельзя; любви къ Богу нельзя выучиться по учебникамъ. Пока просвѣщенные родители, чуждающіеся этихъ приемовъ первоначальнаго христіанскаго воспитанія, ожидаютъ въ своихъ дѣтяхъ пробужденія ума и сознанія, пока признаютъ ихъ способными слушать уроки закона Божія,—воображеніе дѣтей такъ засорится представле-

ніями земныхъ, а иногда и нечистыхъ предметовъ, ихъ сердца столько приобрѣтутъ разныхъ склонностей и привязанностей, что чистыя духовныя представленія и чувствованія будутъ не по вкусу ихъ одичавшимъ душамъ.

По руководству Церкви, въ добрыхъ христіанскихъ семействахъ еще до школьной науки дѣти получаютъ такіе назидательные практическіе уроки изъ ученія о Богѣ, которые глубже залегаютъ въ ихъ памяти и сознаніи, чѣмъ уроки школьные. И эти практическіе уроки состоятъ не въ изъясненіи только, но въ дѣятельномъ исповѣданіи вѣры, остаются въ душахъ дѣтей не въ качествѣ голыхъ мыслей и понятій, а въ качествѣ усвоенныхъ навыковъ. Когда ни одинъ членъ семейства не можетъ остаться безъ вечерней и утренней молитвы; когда отецъ не выходитъ изъ дому на свое дѣло, не помолвившись передъ святыми иконами, а мать ничего не начинаетъ безъ крестнаго знаменія; когда и малому дитяти не позволяютъ дотронуться до пищи, пока оно не перекрестится: не приучаются ли этимъ дѣти просить во всемъ Божіей помощи и призывать на все благословеніе Божіе и вѣровать, что безъ помощи Божіей нѣтъ безопасности въ жизни, а безъ Его благословенія нѣтъ успѣха въ дѣлахъ человѣческихъ? Какія одушевленные рѣчи о молитвѣ такъ привьютъ ее къ сердцамъ дѣтей, какъ простое наставленіе матери при постели болящаго отца: „молитесь дѣти“? Или когда отецъ, выходя изъ комнаты, гдѣ мать семейства страдаетъ въ смертной опасности, поставитъ дѣтей на колѣна отъ малаго и до большаго и станетъ самъ съ ними, и плачетъ и молится?... Не можетъ остаться бесплодною для дѣтей вѣра родителей, когда они при нуждѣ и бѣдности, со слезами на глазахъ, говорятъ: „что дѣлать? буди воля Божія“; при опасности: „Богъ милостивъ“; при трудныхъ обстоятельствахъ: „Богъ поможетъ“; при успѣхѣ и радости: „слава Богу, Богъ послалъ“. Здѣсь всегда и во всемъ исповѣдуется Божія благодать, Божіе промышленіе, Божіе правосудіе. Не есть ли это живое ученіе о Богѣ и Его свойствахъ? И такъ какъ для дѣтей нѣтъ ничего выше и дороже родителей, а родители съ любовію и благоговѣніемъ исповѣдуютъ, что они сами все имѣютъ отъ Бога и во всемъ

надѣются на Бога, что Онъ есть общій и всеблагій Отецъ и Благодѣтель всѣхъ: то не *ощутятъ* ли дѣти и не *поймутъ* ли, что всѣ „Богомъ живутъ и движутся и существуютъ“, и затѣмъ не полюбятъ ли Бога? Многіе изъ доблестнаго Россійскаго дворянства вспомнятъ, какъ благочестивыя матери, назначая ихъ въ военную службу, заставляли ихъ заучивать на память псаломъ: „*Живыи въ помощи Вышняго*“, и какъ, отпуская ихъ на войну, возлагали имъ на грудь святую икону съ молитвою, и какъ въ минуту опасности вселили въ нихъ бодрость и мужество и св. икона, и воспоминаніе о молитвѣ матери. Это—проявленіе одного изъ тѣхъ началъ, которыя они должны охранять въ народныхъ школахъ.

Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ въ дѣлѣ воспитанія есть раскрытіе совѣсти. Человѣкъ безъ совѣсти—изва общества; человѣкъ съ совѣстію нечувствительною, или слишкомъ уступчивою, или изворотливою есть ненадежный членъ общества. Въ этомъ всѣ согласны—и сколько желательны и дороги честные люди и честные граждане, столько же желательны и вѣрные приемы и способы воспитанія честныхъ людей. Гдѣ же они? Гдѣ эти способы воспитанія честныхъ людей? Наука и образованіе ума, сколько мы знаемъ, не спасаютъ отъ безчестныхъ поступковъ. Говорятъ: пробудите въ человѣкѣ гордость и самолюбіе; тогда онъ не позволитъ себѣ сдѣлать что либо безчестное. Но довольно двухъ опытовъ, которые мы часто видимъ, чтобы убѣдиться въ ненадежности и хрупкости этихъ опоръ честности. Первый опытъ: тамъ, гдѣ за доброе и истинно-честное дѣло приходится пострадать и понести уничтоженіе и порицаніе, бѣгутъ отъ него прежде всѣхъ люди съ сильно развитыми гордостью и самолюбіемъ. Второй: чуждаясь мелкихъ безчестныхъ дѣлъ, люди гордые всегда чувствуютъ великое искушеніе, когда, однажды наступивши на совѣсть, могутъ на цѣлую жизнь составить себѣ блестящее положеніе въ свѣтѣ. Они утѣшаютъ себя тѣмъ, что безчестное дѣло останется втайнѣ, или забудется, или загладится будущими добродѣтелями, а блестящее положеніе такъ лестно для ихъ самолюбія! Наконецъ, говорятъ: преподайте дитяти и юношѣ твердыя правила чести и нравственности и, безъ со-

мнѣнія, изъ него выйдетъ честный человѣкъ. Но самыя твердыя правила тверды только сами по себѣ, по своей внутренней истинности; а чѣмъ мы можемъ быть обезпечены въ томъ, что эти правила привьются къ совѣсти и сердцу человѣка? Опытъ свидѣтельствуетъ, что самыя лучшія мысли, самыя полезныя свѣдѣнія и самыя строгія правила могутъ храниться въ нашей памяти очень твердо, но такъ же мало могутъ оказывать вліянія на наше сердце и жизнь, какъ еслибы онѣ оставались въ книгахъ, изъ которыхъ мы ихъ почерпнули.

Не то мы видимъ въ христіанскомъ воспитаніи. Тамъ наставленіе направляется главнымъ образомъ не на внѣшніе признаки, или принадлежности, или послѣдствія худаго дѣла, а на внутреннее состояніе духа, которое отъ него происходитъ, т.-е. на страданіе сердца и совѣсти. Поэтому христіанскіе родители слѣшаютъ прежде всего сообщить дѣтямъ понятіе о томъ, что грѣшно, чѣмъ прогнѣвается Богъ, за что Онъ наказываетъ грѣшника и лишаетъ его Своей любви и надежды вѣчнаго блаженства. Соединеніе въ сознаніи дитяти мысли о Богѣ, къ Которому уже возбуждено его благоговѣніе, съ представленіемъ о любви Божіей, которой оно уже причастно, и съ естественнымъ страданіемъ совѣсти, которое при невинности въ немъ особенно сильно,—производитъ то недоступное для точнаго описанія, но и неизобразимое во всѣхъ своихъ благотворныхъ дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ состояніе духа, которое называется *страхомъ Божіимъ*. Это чувство, съ первыхъ лѣтъ жизни возбужденное, постоянно поддерживаемое и постепенно углубляемое, становится тѣмъ внутреннимъ стражемъ души, который одинъ только можетъ охранить ее отъ всякаго порочнаго и безчестнаго дѣла. При немъ доброе дѣло приноситъ душѣ истинную радость и потому само по себѣ вождѣльно; грѣхъ и порокъ производятъ въ ней глубокую печаль и страданіе, и потому сами по себѣ ненавистны. Когда душа уже знакома съ этимъ чувствомъ,—въ ней заложено основаніе, на которомъ съ несомнѣнною пользою могутъ быть утверждаемы всѣ познанія и правила, относящіяся къ нравственному ученію и доброй жизни. Но важнѣе всѣхъ правилъ—чтобы человѣкъ возросъ, раз-

вился и нравственно сложился подъ вліаніемъ этого чувства; а это возможно только при тѣхъ духовныхъ упражненіяхъ, которыя предписываются Церковію Православному христіанину съ дѣтства. Упражненія эти извѣстны: молитва, очищающая сердце и приближающая душу къ Богу; постоянное посѣщеніе богослуженія, какъ часто повторяемый опытъ пребыванія души въ чувствѣ присутствія Божія; неопустительное говѣніе, при которомъ постъ высвобождаетъ душу изъ-подъ тяжести тѣла, самоиспытаніе обозрѣваетъ и обсуждаетъ прошедшую жизнь и настоящее состояніе души, исповѣдь освобождаетъ отъ тяжести содѣланныхъ грѣховъ, пріобщеніе св. Таинъ возрождаетъ къ новой жизни умиротвореніемъ духа и надеждою лучшаго будущаго при ободреніи и утѣшеніи благодати Божіей. Посмотрите внимательно въ большихъ храмахъ въ минуты пріобщенія на сотни людей, обращенныхъ умиленными взорами къ алтарю Господню и св. чашѣ; подумайте, что въ тѣ же часы въ тысячахъ храмовъ милліоны Православныхъ людей, потрясенные до глубины души, повторяя священныя слова: „Вѣрую Господи“, торжественно исповѣдуютъ свою грѣховность и просятъ исцѣленія болящимъ душамъ отъ чаши жизни,—подумайте, что это за дѣйствіе? Это—судъ надъ народами, судъ верховный, Богомъ совершаемый; судъ внутренній, объемлющій тайныя дѣла и сокровенныя помысленія; судъ, сопровождаемый непрекословнымъ согласіемъ судимыхъ; судъ, обличающій ради исправленія; судъ, изрекающій помилованіе. Какой судъ человѣческой можетъ потрясти совѣсть столькихъ людей, исторгнуть сознание въ ихъ преступленіяхъ и получить обѣты исправленія?... Вотъ гдѣ училище страха Божія,—гдѣ Богъ вселяется въ душу чловѣка и становится въ его совѣсти незримымъ свидѣтелемъ его жизни, помысловъ и дѣлъ! Съ Нимъ, съ Богомъ въ совѣсти, чловѣкъ вездѣ хорошъ и вездѣ надеженъ. Это знаютъ и простые люди и выражаютъ очень опредѣленно: „Бога въ тебѣ нѣтъ“, говорятъ они чловѣку, потерявшему совѣсть. Мы удивляемся, отъ чего нынѣ многіе при образованіи, при обилии и разнообразіи познаній, рѣшаются на безчестныя поступки по отношенію къ родителямъ и родственникамъ, на

крупныя похищенія, на возмущенія противъ властей, на самоубійства; отъ чего?—Бога въ нихъ нѣтъ.

Мало знать доброе и желать его; надобно еще имѣть силу его достигнуть. Каждое доброе дѣло представляетъ двѣ задачи: сначала нужно одолѣть трудности и препятствія, которыми оно всегда окружено, потомъ употребить усилія, чтобы совершить его. То и другое требуетъ отъ человѣка твердой воли, выдержки, духовной бодрости, неутомимости и, кромѣ всего этого, постоянного исправленія и нещаднаго понужденія себя къ добру, такъ какъ препятствій къ дѣланію добра больше въ насъ самихъ, чѣмъ внѣ насъ. Посему, какъ навыкъ къ напряженію ума, необходимому для ученаго труда, приобрѣтается въ дѣтствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ упражненіемъ въ мышленіяхъ и разнообразныхъ предметахъ, такъ и навыкъ къ напряженію воли, требуемому подвигами добра, приобрѣтается не иначе, какъ съ малыхъ же лѣтъ и также упражненіями. Гдѣ же, въ какой человѣческой системѣ воспитанія вы найдете столько предметовъ для упражненія воли, такую близость ихъ ко всякой доброй дѣятельности и такое приспособленіе ко всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, какъ въ божественномъ училищѣ Православной Церкви?—И замѣчательно, что всѣ эти упражненія отъ большей части людей просвѣщенныхъ нынѣ подвергаются нареканіямъ. Зачѣмъ, говорятъ, дитя рано будить и заставлять безъ пользы стоять цѣлые часы въ Церкви? Это напрасное истязаніе. Нѣтъ; это нужно за тѣмъ, чтобы постепенно приучить его къ бодрствованію, вниманію, собранности мыслей, терпѣнію въ подвигѣ, безъ чего не совершается ни одно доброе дѣло. Зачѣмъ дѣтямъ въ храмѣ всегда выслушивать одно и то же? Затѣмъ, что въ Православномъ богослуженіи, которое поверхностному взгляду представляется только повтореніемъ одного и того же, заключается неисчерпаемое обиліе впечатлѣній и истинъ, поэвѣвающихъ и располагающихъ насъ къ духовному совершенству, внушеній и примѣровъ, пристыжающихъ наше нерадѣніе о добродѣтели и нашу лѣность. Зачѣмъ во вредъ здоровью заставлять дѣтей употреблять грубую и непитательную

пищу, или надолго оставаться безъ пищи? Затѣмъ, чтобы приучить ихъ подвергать себя лишеніямъ и мужественно выносить ихъ, безъ чего не обходится ни одинъ подвигъ, ни христіанскій, ни общественный. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „кто не привыкъ обуздывать своего чрева, тотъ не началъ никакой добродѣтели“. И повѣрьте, что всѣ возраженія нападающихъ на эти упражненія происходятъ отъ того, что для нихъ самихъ они тяжелы, и что въ нихъ самихъ нѣтъ навыка къ истинно-христіанскимъ добродѣтелямъ. Кто эти добродѣтели имѣетъ, отъ того, и при высокомъ образованіи, никакихъ подобныхъ возраженій не слышно.

Эту суровую школу духовныхъ упражненій нашъ народъ съ усердіемъ проходилъ, подъ руководствомъ христіанскихъ подвижниковъ, въ теченіи почти тысячи лѣтъ, и въ ней приобрѣлъ тѣ высокія свойства, которыя сдѣлали его народомъ великимъ. А намъ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, приходится, къ сожалѣнію, видѣть его нравственно разслабѣвающимъ. Отъ суровости школы церковной не вымерли и не оскудѣли дарованіями древніе дворянскіе роды, не разслабѣло, не измелъчало населеніе, не упалъ духъ народный. Народъ нашъ чувствомъ сердца понимаетъ, какія сокровища онъ изъ Церкви выносить. Въ ней онъ получаетъ ясныя понятія о Богѣ и вѣчной жизни, о грѣхѣ и добродѣтели, обличеніе своихъ слабостей, побужденія къ исправленію, утѣшеніе въ скорби; въ ней онъ живетъ духомъ, въ ней торжествуютъ священныя празднества вѣры и воспоминанія великихъ событій отечественной исторіи. Отъ того онъ и готовъ всегда положить жизнь свою за вѣру Православную, за храмы Божіи, за святыни родной земли.

Скуденъ внутреннимъ содержаніемъ, въ сравненіи со всѣмъ этимъ, возможный для начальныхъ народныхъ школъ запасъ научный. Итакъ ясно, что въ народной школѣ церковности должно быть дано преобладаніе предъ научностію. Пробужденіе и охраненіе въ дѣтяхъ духа благочестія и страха Божія, разъясненіе имъ понятій о вѣрѣ Православной, раскрытіе для нихъ духовныхъ сокровищъ Церкви—вотъ условія, при

которыхъ возможно охраненіе въ народной школѣ началъ, подъ сѣнію которыхъ „сбиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія“. О примѣненіи всего этого къ дѣлу и осуществленіи въ практикѣ начальныхъ школъ Благочестивѣйшій Государь далъ великую думу своему правительству, духовенству, доблестному дворянству и всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ Русской земли. Аминь.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

„Екѹю свобода моѹ сѹдится ѿ иныхъ
совѣсти“ (1 Кор. 10, 29)?

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, требующихъ, по нуждамъ нашего времени, тщательнаго разъясненія, есть вопросъ *о свободѣ совѣсти*.

Мы знаемъ, что одною попыткою приступить къ разъясненію и разрѣшенію этого вопроса съ церковной кафедры мы возбуждаемъ во многихъ недоумѣнія и опасенія. Онъ нынѣ въ христіанскихъ странахъ сталъ вопросомъ *политическимъ*, и потому многимъ можетъ представиться, что мы входимъ въ область не принадлежащую церковному слову, или, по крайней мѣрѣ, не можемъ быть безпристрастны въ сужденіяхъ о немъ. Но для устраненія всякихъ недоразумѣній мы должны сказать, что вопросъ о свободѣ совѣсти прежде всего есть вопросъ *нравственный*, какъ и сама совѣсть есть главный дѣятель нравственной жизни. Итакъ, даже для того, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ и съ какихъ сторонъ онъ можетъ

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ, 19 февраля 1875 г.

входить въ область политическихъ вопросовъ и не угрожаютъ ли какія либо опасности нашей нравственной жизни отъ неправильнаго его пониманія и невѣрныхъ приемовъ въ его разрѣшеніи,—даже для этой цѣли мы должны возвратить вопросъ на свое мѣсто и рассмотретьъ его въ той сферѣ понятій, въ которой онъ только и можетъ быть вѣрно поставленъ и разрѣшенъ.

Скажемъ даже больше: это именно *нашъ* вопросъ, принадлежащій къ области ученія *церковнаго*, потому что самое ученіе о свободѣ совѣсти стало извѣстно міру только изъ Божественнаго Откровенія. Древніе языческіе философы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли и домыслиться до той высоты нравственнаго совершенства, гдѣ начинается для человѣка свобода совѣсти; а философы новаго времени только запутали это ученіе, какъ и многія другія чистыя христіанскія понятія, перемѣшавши ихъ съ идеями философскаго характера. Поэтому мы со всѣмъ дерзновеніемъ яснаго сознанія истины утверждаемъ, что въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти, объ этомъ высшемъ проявленіи истинной свободы человѣка, первое мѣсто должно принадлежать Православной Церкви. А кто Православную Церковь и духъ ея хорошо знаетъ, тотъ раздѣлитъ съ нами и то убѣжденіе, что она никогда и никого ни въ ложное, ни въ неясное нравственное или общественное положеніе не поставитъ, только бы мы, проповѣдники ея ученія, неуклонно слѣдовали ея указаніямъ и руководству.

Главные затрудненія въ примѣненіи къ жизни христіанскаго ученія о свободѣ совѣсти нынѣ происходятъ отъ того, что многіе обращаютъ къ властямъ церковнымъ и государственнымъ требованія на свободу жизни по праву неприкосновенности совѣсти, исходящія изъ невѣрнаго пониманія этого ученія. Всѣ такія требованія, при всемъ разнообразіи взглядовъ и выводовъ, на которыхъ основываются, сводятся къ одному общему положенію: „всякій имѣетъ свою совѣсть, а потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали личной свободы другихъ и общественнаго порядка и безопасно-

сти“. Правда, что совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго; она есть главный внутренній руководитель его въ стремленіи къ усовершенствованію по пути истины и правды, и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти, это значитъ лишить ихъ внутренняго свѣта и силы, нравственно исказить и развратить ихъ. Въ общемъ смыслѣ, или, какъ говорятъ философы, въ отвлеченномъ, идеальномъ представленіи о человѣкѣ, какимъ онъ долженъ быть, это совершенно справедливо. Но не къ такому заключенію мы приходимъ при тщательномъ наблюденіи надъ человѣкомъ въ опытахъ дѣйствительной жизни. Чего бы, кажется, лучше, какъ пустить людей идти свободно по прямому пути къ познанію истины, не задерживая и не стѣсня ничѣмъ чужимъ вліяніемъ самостоятельнаго развитія въ нихъ разнообразныхъ умственныхъ силъ и дарованій? Но на дѣлѣ оказывается, что большую часть изъ нихъ приходится во всю ихъ жизнь учить и руководить на пути къ истинѣ; потому что они сами этого пути не находятъ, и даже не видятъ и не узнаютъ, когда его ясно указываютъ имъ. Чего бы лучше, какъ дать людямъ волю упражнять свою свободу въ самостоятельной дѣятельности по законамъ правды божеской и человѣческой, безъ всякаго вмѣшательства стороннихъ руководителей, и только радоваться проявленію въ нихъ свойственныхъ каждой личности особыхъ совершенствъ человѣческой природы? Но на дѣлѣ оказывается, что они до того иногда забываютъ и попираютъ эти законы, что приходится вязать ихъ и заключать въ темницы. Если таковы люди по отношенію къ познанію истины и къ свободной дѣятельности по законамъ правды: то могутъ ли они быть иными въ своей совѣсти, которая есть выраженіе общаго внутренняго состоянія и направленія человѣка и, такъ сказать, выводъ изъ всей его дѣятельности? Очевидно, нѣтъ.

Разъяснимъ эти мысли подробнѣе. Что такое совѣсть? Ее называютъ закономъ Божиимъ, напечатлѣннымъ въ душѣ человѣка, внутреннимъ свидѣтелемъ нашей жизни, неотлучнымъ судіею нашихъ помысловъ и дѣлъ и т. под. Всѣ эти выраженія хотя и вѣрно, но только сравнительно описываютъ раз-

личныя дѣйствія и состоянія нашей совѣсти. По точному опредѣленію, совѣсть есть внутреннее чувство мира и благосостоянія, испытываемое нами при соблюденіи закона, и чувство скорби и страданія при нарушеніи его. Какой здѣсь разумѣется законъ? Тотъ, по которому мы созданы и жить должны, т. е. законъ Божій. Этотъ законъ жизни, вложенный въ природу каждаго существа, вездѣ обнаруживаетъ одинаковыя дѣйствія: при соблюденіи его вездѣ разливается порядокъ и благосостояніе, при нарушеніи—разстройство и страданіе. Это, такъ сказать, совѣсть всей природы въ совокупности и каждаго созданія порознь. Разность по отношенію къ различнымъ существамъ состоитъ въ томъ, что природа неодушевленная дѣйствій въ себѣ и на себѣ этого закона не чувствуетъ; животныя чувствуютъ, но не сознаютъ; человѣкъ и чувствуетъ и сознаетъ. Возьмемъ опыты нарушенія закона. Растеніе не развивается въ свойственную ему форму, чахнетъ и вянетъ, когда не соблюдены условія его питанія и содержанія, но не чувствуетъ этого. Животное въ болѣзни чувствуетъ страданіе (какъ и человѣкъ, живущій только одною животною жизнію, какъ напримѣръ, въ младенчествѣ или безпамятствѣ), но не сознаетъ ни причины своихъ страданій, ни возможности выхода изъ тяжкаго положенія. Но человѣкъ, вполне обладающій своими силами во внутренней духовной своей жизни, напримѣръ, при потерѣ невинности, нарушеніи законовъ чести, справедливости, любви къ ближнему, и страдаетъ и, въ то же время, сознаетъ, отъ чего страдаетъ, и какъ онъ впалъ въ это состояніе, и что онъ чувствовалъ до своего паденія,—и тѣмъ убѣждается, что ему для возвращенія внутренняго мира и довольства самимъ собою непременно нужно выдти изъ этого неестественнаго состоянія. Ясно, что здѣсь привходитъ дѣятельность собственно человѣческихъ способностей: разумаго самообсужденія и свободнаго самоопредѣленія. Посему, совѣсть человѣческая, какъ все основанное на постепенно развивающемся познаніи себя и другихъ и постепенно возвышающемся свободномъ саморазвитіи, удобоизмѣняема; а при возможности свободнаго нарушенія законовъ со стороны человѣка и разнообразныхъ ошибокъ и заблужде-

ній, и легко возмущается, колеблется, затемняется и извращается. Никто такъ хорошо не знаетъ различныхъ болѣзненныхъ состояній совѣсти человѣческой, какъ св. Церковь. По ея указаніямъ, больше чѣмъ по всякимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, намъ извѣстно, что есть совѣсть *грубая, нечувствительная* къ внутреннимъ страданіямъ духа даже при совершеніи тяжкихъ преступленій, при которой человѣкъ, подобно умирающему, не чувствующему разрушенія своего тѣла, не сознаетъ близости вѣчной гибели, или подобно бѣдняку, привывшему къ душному воздуху своего жилища, дышетъ въ своей зараженной нравственной атмосферѣ безъ тягости и отвращенія. Къ такимъ людямъ относится увѣщаніе: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ* (Ефес. 5, 14). Есть совѣсть *безпечная и нерадивая*, когда человѣкъ, не наблюдая за своими мыслями и дѣлами, отъ легкихъ нарушеній закона переходитъ къ болѣе важнымъ и, перемѣшивая проступки съ преступленіями, не слушая обличеній, постепенно день ото дня глубже развращается и, какъ говоритъ Писаніе, *приидѣ во глубину золь нерадитъ* (Прит. 18, 3). Есть, по указанію Апостола Павла, *сожженная* совѣсть *лицемѣровъ* (1 Тим. 4, 2), когда по привычкѣ къ расчетамъ самолюбія, честолюбія, корысти, ложныя ученія и лжетолкованія становятся въ умѣ человѣка на мѣстѣ истины, а торжество страсти въ развращенномъ сердцѣ замѣняетъ утѣшенія совѣсти. Есть совѣсть *буквалистовъ*, которые скорѣе готовы прощать преступленія, чѣмъ уклоненія отъ внѣшняго обряда, на что указываетъ Апостоль Павелъ, говоря: *буква убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Есть совѣсть *лукавая*, когда человѣкъ худыя дѣла свои извиняетъ и оправдываетъ благовидными предложениями. Объ избавленіи отъ этого порока церковь научаетъ молиться и самихъ совершителей таинствъ: *очисти, Господи, мой умъ и сердце отъ совѣсти лукавыя*. Есть совѣсть *фанатическая*, когда человѣкъ по горячему стремленію къ распространенію вѣры, или къ водворенію закона и порядка, готовъ дѣйствовать мѣрами насильственными, съ забвеніемъ личныхъ правъ и свободы другихъ, что Апостоль называетъ *ревностію не по разуму* (Рим. 10, 2). Есть совѣсть *рабская*, когда чело-

вѣкъ, подавляемый силою грѣховныхъ привычекъ, или страстей, и страдаетъ внутренно, и страшится вѣчнаго осужденія и ищетъ выхода изъ своего тяжкаго положенія и не находитъ. Къ этимъ нравственнымъ состоянїямъ относится слово Спасителя: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Иоан. 8, 34). Есть совѣсть *робкая, страшливая*, когда человѣкъ теряетъ спокойное и ясное настроеніе духа, смущаясь страхомъ осужденія за неизбѣжные грѣхи человѣческой немощи. Здѣсь мы указали только главнѣйшіе виды болѣзненныхъ состояній совѣсти. Въ дѣйствительной жизни эти пороки совѣсти въ душахъ нашихъ такъ соединяются, переплетаются, получаютъ такіе разнообразныя оттѣнки и степени силы, что ни услѣдить ихъ, ни описать въ подробности невозможно. Но и въ этомъ общемъ очеркѣ каждый изъ насъ, внимательно всмотрѣвшись въ себя, найдетъ много такого, что близко относится и къ нему, что составляетъ и его внутреннюю болѣзнь. Подумавши такимъ образомъ о людяхъ нравственно недужныхъ и испорченныхъ (каковы всѣ мы, болѣе или менѣе), какой *свободы совѣсти* мы можемъ пожелать для нихъ? Позволенія и разрѣшенія говорить во всеуслышаніе о томъ, чего они внутренно еще стыдятся? Разоблачать предъ всѣми то, что они тщательно скрываютъ? Дѣлать открыто и на глазахъ всѣхъ то, что, по остаткамъ совѣсти, еще дѣлается въ чetyрехъ стѣнахъ и во тьмѣ ночной? Или, съ другой стороны, дать волю во вредъ другимъ дѣлать то, что пожелаютъ по своей совѣсти дѣлать интригующіе, подъ разными именовапіями, лицемѣры, неукротимые фанатики, безстыдные развратники, воры и разбойники? Но не значить ли это растворить настежь двери тому неизобразимому количеству зла, которое кроется въ сердцахъ человѣческихъ, и дозволить ему беспрепятственно вырываться наружу, на соблазнъ и развращеніе невинныхъ и неопытныхъ, на искушеніе колеблющихся, на ослабленіе терпящихъ и трудящихся въ подвигахъ добра и чести?... Ясно, что это будетъ не свобода совѣсти, а высвобожденіе людей изъ-подъ надзора и суда совѣсти, или иначе, поправіе и уничтоженіе самой совѣсти.

Намъ скажутъ: „кто же такъ понимаетъ свободу совѣсти? Это очевидная несообразность“.—Согласны. Но именно эта несообразность, или внутренняя ложь, прикрываемая разными софизмами, и заключается въ современномъ понятіи о свободѣ совѣсти, указанномъ нами въ началѣ. „Предоставьте каждому дѣйствовать *по своей* совѣсти, такъ какъ совѣсть священна и неприкосновенна“. Что это значитъ? Отдайте нравственный порядокъ обществъ на личную совѣсть каждаго чевѣка, и во-первыхъ, *на нашу* совѣсть,—на совѣсть, какая *у насъ*, проповѣдниковъ новыхъ ученій. Но мы въ правѣ сказать имъ: покажите намъ сначала, какая у васъ совѣсть, чтобы мы знали, можно ли ей довѣриться. Есть совѣсть общечеловѣческая, на основаніи которой поставлены общечеловѣческіе законы жизни, заключенные въ письменахъ, преданіяхъ, правилахъ и обычаяхъ цѣлыхъ народовъ. Не представляетъ ли ваша личная совѣсть чего нибудь не соответствующаго этой высшей совѣсти, чего нибудь болѣзненнаго, искаженнаго, уродливаго? Есть совѣсть христіанская, руководимая Божественными законами. Какъ ваша совѣсть относится къ этимъ святымъ и непреложнымъ законамъ нравственности, которые чтить лучшая часть челоѣчества и, въ томъ числѣ, вся Православная Церковь? Не представляетъ ли ваша совѣсть по отношенію къ нимъ чего нибудь оскорбительнаго, враждебнаго, разрушительнаго?

Но совѣсть матеріалистовъ и ихъ послѣдователей нельзя обсуждать по законамъ какой бы то ни было религіи, когда они отвергаютъ всякую религію. О нихъ можно судить только по совѣсти общечеловѣческой и исторической. Мы и возьмемъ изъ ихъ дѣйствій такіа, которыя подлежатъ этому суду. Когда челоѣкъ, состоящій въ супружествѣ, соблазняетъ невинную дѣвицу, и оставляя жену и дѣтей, вступаетъ съ нею въ открытое сожитіе,—по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Когда жена говоритъ мужу: я люблю другаго, отпусти меня безъ огласки, отдай мнѣ всѣхъ или половину дѣтей и возврати мнѣ приданое, или назначь приличное содержаніе изъ своего состоянія,—изъ какой совѣсти исходитъ такое предложеніе? Когда мужъ, уважая эту мнимую святѣню чувства своей же-

ны, самъ отдаетъ ее въ руки другому, награждаетъ ее, и самъ присутствуетъ на торжествѣ новаго брака, не скрывая его и отъ своихъ дѣтей,—по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Не по свободной совѣсти, а по совѣсти отупѣвшей въ сладострастїи, по совѣсти оглохшей ко всѣмъ внушенїямъ стыда, нравственнаго приличїя, родительской любви и здраваго разума, по которому даже народы, едва возникающіе изъ невѣжества, въ единобрачїи полагаютъ истинное семейное счастье и прочныя основы воспитанїя и народнаго благосостоянїя. Они говорятъ: „мы не стѣсняемъ личной свободы другихъ, не производимъ общественныхъ безпорядковъ“. Но всему міру извѣстно, что для нравственной свободы больше представляютъ опасностей соблазнъ и дурной примѣръ, чѣмъ внѣшнее принужденіе и стѣсненіе; что семейные безпорядки суть смена всякихъ безпорядковъ и бѣдствїй общественныхъ. Пора, въ предостереженіе христіанскихъ семействъ, положить печать не только общественнаго, но и церковнаго осужденїя на этихъ пресловѣдниковъ разврата подъ именемъ свободы совѣсти.

Въ чемъ же однако состоитъ истинная свобода совѣсти? Не во внѣшнихъ правахъ и преимуществахъ, общественныхъ и политическихъ, а во внутреннемъ освобожденїи духа отъ всѣхъ препятствїй къ соблюденїю закона, встрѣчаемыхъ въ поврежденной человѣческой природѣ, и затѣмъ въ сознанїи правоты, въ невозмущаемомъ чувствѣ внутренняго мира и благосостоянїя и въ правѣ относиться къ постановленїямъ закона обрядовымъ по высшему разумѣнїю законовъ и цѣлей нравственныхъ.

Мы сказали, что ученїе о свободѣ совѣсти есть собственно христіанское ученїе; потому и разъясненїя его надобно искать въ области христіанскихъ истинъ и церковныхъ учрежденїй. Въ церкви мы знаемъ два рода законовъ: законы нравственные, утвержденїе которыхъ въ жизни и дѣятельности духа есть цѣль всѣхъ человѣческихъ трудовъ и усилїй, и законы обрядовые, или воспитательные, вспомошествоющіе человѣку овладѣть всѣми своими нравственными силами для соблюденїя первыхъ. Св. Апостолъ Павелъ обрядовый законъ ветхаго завѣта, налагавшїй на членовъ ветхозавѣтной Церкви

строгія правила о тѣлесной чистотѣ, о жертвахъ, праздни-кахъ, разборѣ пищи, называетъ *нѣстумомъ* во Христа (Гал. 3, 24), или воспитателемъ, руководителемъ ко Христу. То же значеніе имѣютъ и подобные обрядовые законы въ Церкви новозавѣтной, каковы: времена богослуженій, праздники, по-сты, правила о говѣнн и молитвѣ домашней и другія рели-гіозныя упражненія. Цѣль ихъ—пріучить христіанъ путемъ опытовъ, или нравственныхъ уроковъ, къ собранности ума, различенію помысловъ и сердечныхъ движеній, самообладанію и терпѣнію въ борьбѣ съ страстями плоти, къ самоотверже-нію въ дѣлахъ челоувѣколюбія, къ ощущеніямъ высшихъ влі-яній изъ міра духовнаго, пробуждающихъ въ душѣ нашей стремленіе къ жизни высшей и вѣчной. Въ этихъ упражне-ніяхъ непрестанно внушаются чистыя понятія о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ челоувѣка, объ его истинномъ совершенствѣ, о способахъ исправленія прирожденной порчи; здѣсь есте-ственныхъ внушеній совѣсти проясняются, исправляются и ут-верждаются, такъ что законъ Божественный вызывается и изъ самой души, какъ прирожденный, и въ то же время вводится въ нее извнѣ, какъ богооткровенный, положительный, изъ че-го въ совокупности и слагается полное и ясное познаніе и сознаніе воли Божіей о челоувѣкѣ. И все это дѣлается подъ живымъ вліяніемъ пастырей и учителей Церкви, гдѣ совѣсть челоувѣческая охраняется покровомъ глубокой тайны, гдѣ че-лоувѣкъ къ нравственнымъ подвигамъ убѣждается, но не принуждается, гдѣ внѣшнія упражненія, видимыя со стороны, переходятъ во внутреннее, невидимое дѣланіе предъ очами Божіими, гдѣ нравственно-больной съ любовію обличается и врачуется, но не оскорбляется и не уничивается. Но внут-реннюю силу, существо, душу всѣхъ этихъ законоположеній и упражненій составляютъ святаыя Таинства, въ которыхъ, по силѣ крестной жертвы Испытателя, сообщается христіанину благодать Божія, возраждающая нашу поврежденную природу, вспомошествовавшая намъ, очищающая и освящающая насъ. Только „кровь Христова, по ученію Апостола, очищаетъ со-вѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ (Евр. 9, 14) и освобожда-етъ насъ „отъ порочной совѣсти“ (10, 22). *Аще Сынъ вы*

свободитъ, говорить Господь,—*воистину свободни будете* (Иоан. 8, 36).

Очевидно, что эти законоположенія, трудныя для начинающихъ, становятся болѣе легкими для успѣвающихъ и нечувствительными, какъ бы теряющими свою обязательную силу, для христіанъ совершенныхъ. Кому все равно, какъ Апостолу Павлу,—терпѣть голодь, или насыщаться, быть въ изобиліи, или недостатѣ (Филип. 4, 12), для того незамѣтны, столь тяжелые для насъ, посты; кто непрестанно молится (1 Сол. 5, 17), для того не трудны продолжительныя богослуженія; кто живетъ духомъ (Гал. 5, 16), для того не соблазнительны наслажденія плоти—вкусныя яства, дорогія вина, пиры, зрѣлища и пр. Вообще, кто ввелъ въ свою природу какъ потребность, какъ необходимость, исполненіе закона нравственнаго, для того теряютъ силу средства, только ведущія къ этому совершенству. „Кто имѣетъ“, говоритъ св. Апостоль Павелъ, „плоды Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе, на таковыхъ нѣтъ закона“, (Гал. 5, 22). „Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ“ (1 Тим. 1, 9). „Если вы Духомъ водитесь, то вы не подъ закономъ“ (Гал. 5, 18). Вотъ на какой нравственной высотѣ водружено знамя свободы совѣсти! Здѣсь говоритъ человѣкъ: „мнѣ все позволено“ (1 Кор. 10, 23),—потому что знаетъ, что не только не сдѣлаетъ, но и не пожелаетъ ничего вреднаго, или противозаконнаго; онъ говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ Христѣ* (Филип. 4, 13), потому что чувствуетъ въ себѣ обиліе испытанныхъ борьбою и восполняемыхъ благодатію Божіею нравственныхъ силъ. Онъ говоритъ: „для чего моей свободѣ быть судимою чужою совѣстію“ (Кор. 10, 29)?—потому что носитъ въ себѣ Духа Божія, озаряющаго его совѣсть (Рим. 9, 1). Какіе внѣшніе знаки свободы, какія права можетъ дать такимъ людямъ церковная власть? Церковь сама почитаетъ ихъ своими учителями, руководителями, образцами, свѣтилами на церковномъ небѣ, въ какомъ бы званіи они ни были—епископы, смиренныя иноки, рабы, или рудокопы. Какія права на свободу совѣсти можетъ дать имъ власть госу-

дарственная? Они никаких не желаютъ, потому что всё имѣютъ. Они радуются, когда Церковь Божія не въ гоненіи, а мирно и свободно совершаетъ великое дѣло спасенія людей; но терпятъ и гоненія съ покорностію попускающей ихъ волѣ Божіей, и затѣмъ внушаютъ всѣмъ христіанамъ: „повинуйтесь всякому человѣческому начальству (единовѣрному и ино-вѣрному) Господа ради“ (1 Петр. 2, 13); „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ не только за гнѣвъ, но и за совѣсть (Рим. 13, 5). По отношенію ко всѣмъ властямъ они даютъ христіанамъ одно общее правило, обезпечивающее ихъ отъ всякаго неудовольствія власти: *хочещи ли не боятися власти, — благое твори* (Рим. 13, 3). Счастливо христіанское государство, въ которомъ не оскудѣваютъ эти свободные исполнители и ревнители закона! Изъ нихъ выходятъ слуги отечества, трудящіеся для него въ цѣлую жизнь безъ мысли о чинахъ и наградахъ; изъ нихъ неподкупные судіи, правдивые и безбоязненные царскіе совѣтники; изъ нихъ въ войскахъ составляются *громоносные леіоны*.

Посмотрите, какъ съ этой высоты ярко освѣщается ложное направленіе тѣхъ христіанъ, которые требуютъ себѣ свободы совѣсти, не имѣя, не утвердивши въ себѣ ни одного изъ нравственныхъ свойствъ, составляющихъ существенныя черты этой свободы. Св. Апостолы предвидѣли, что въ христіанскихъ обществахъ будутъ злоупотребленія этимъ высокимъ ученіемъ. Апостоль Петръ, опредѣляя отношенія первенствующихъ христіанъ именно къ правителямъ, или гражданскимъ властямъ, и притомъ языческимъ, говоритъ имъ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу *для прикрытія зла*, но какъ рабы Божіи“ (1 Петр. 2, 15. 16). Апостоль Павелъ остерегаетъ съ другой стороны: „къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была *поводомъ къ уожденію плоти* (Гал. 5, 13). Въ этихъ двухъ наставленіяхъ точнымъ образомъ опредѣляются два рода современныхъ искателей свободы во имя совѣсти. Одни требуютъ, чтобы въ христіанскихъ странахъ изъ всѣхъ государственныхъ учреждений и законоположеній, относящихся къ

воспитанію и охраненію народной нравственности, были устранены всякія мѣры, имѣющія религиозный характеръ, какъ на примѣръ: обязательное преподаваніе закона Божіе въ учебныхъ заведеніяхъ, охраненіе христіанскихъ браковъ и церковныхъ временъ, требующихъ особаго благоговѣнія, и т. п., на томъ основаніи, что всякій имѣетъ право дѣйствовать по своей совѣсти. Такое требованіе есть *прикрытіе зла* или злонамѣренности именовъ свободы. Какъ можетъ вредить свободѣ христіанской совѣсти сообщеніе юношеству основательныхъ научныхъ познаній въ христіанской религіи, охраненіе чистоты семейной жизни именно отъ этихъ незаконныхъ сожитій, о которыхъ мы говорили выше, или остереженіе невѣжественныхъ массъ отъ пьянства и буйства въ священныя церковныя времена? Это—пособія, а не препятствія къ достиженію истинной свободы совѣсти. Но искатели свободы здѣсь радѣютъ не о совѣсти и ея правахъ, а о безпрепятственномъ распространеніи своихъ ложныхъ, противухристіанскихъ ученій. Церковной власти послушаться легко, и во вредъ Церкви дѣйствовать удобно, но съ государственною властію бороться трудно. Вотъ гдѣ истинная причина ихъ жаркихъ нападеній на покровительство христіанской нравственности, оказываемое государственнымъ законодательствомъ!

Другой родъ злоупотребленія ученіемъ о свободѣ совѣсти, предуказанный Апостолами, относится къ обрядовымъ, или воспитательнымъ церковнымъ законоположеніямъ. Въ этомъ злоупотребленіи виновны всѣ тѣ, такъ называемые, образованные люди въ нашемъ обществѣ, которые встаютъ противъ строгихъ уставовъ Православной Церкви. „Оставьте“, говорятъ они намъ, „всѣ ваши напоминанія о вечернихъ и утреннихъ богослуженіяхъ, о постахъ и говѣніи; не препятствуйте намъ быть въ театрахъ и концертахъ наканунѣ праздниковъ; мы желаемъ, чтобы театры были открыты и на великій постъ, чтобы было убавлено и самое число вашихъ праздниковъ, потому что намъ нужны рабочія руки для множества необходимыхъ дѣлъ и пр. Къ чему принужденіе?“ Здѣсь христіанская свобода обращается *въ поводъ къ угоденію плоти* и обнаруживается явное непониманіе того, что

именно въ этихъ церковныхъ правилахъ и лежитъ путь къ свободѣ совѣсти. Страсть къ плотскимъ наслажденіямъ всегда будетъ бунтовать противъ церковныхъ правилъ; потому что плоть съ великимъ трудомъ подчиняется духу и его высшимъ стремленіямъ. Но Православная Церковь не знаетъ принужденія. Въ крайнихъ случаяхъ она только отрывается отъ своихъ непокорныхъ чадъ и отчуждаетъ ихъ отъ себя. Эти любители наслажденій вольны дѣлать, что хотятъ, все, что выносить ихъ совѣсть. Но жаль, что эту распущенностію по отношенію къ уставамъ Церкви нарушаются единообразіе и порядокъ, столь важные для успѣховъ христіанской жизни, нравственно разслабляются молодья поколѣнія, соблазняется простой народъ, возмущается совѣсть ревнителей христіанской нравственности. Здѣсь кроется великая опасность развращенія— прежде цѣльнаго, нравственно-крѣпкаго русскаго народа. Не такъ поступаютъ истинные ревнители свободы совѣсти: они всегда—самыя строгіе исполнители церковныхъ уставовъ, и пользуются правомъ уклоненія отъ нихъ, какъ мы сказали, только для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но и въ этихъ случаяхъ они остерегаются, чтобы своею свободою не повредить кому-нибудь, чтобы, какъ говоритъ Ап. Павелъ, „ихъ свобода не послужила соблазномъ для немощныхъ, чтобы отъ ихъ высшаго знанія не погибъ немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ“ (1 Кор. 8, 9, 11). Въ виду такихъ опасностей они говорятъ: *не имамъ ясти мяса во отвки, да не соблазну брата моего* (1 Кор. 8, 13).

Итакъ, свободы совѣсти надобно искать не въ области правъ земныхъ, а въ области совершенствъ духовныхъ. Ее надобно ждать не отъ законовъ государственныхъ, а отъ нашихъ собственныхъ нравственныхъ трудовъ и подвиговъ, и просить не у земныхъ царей и властителей, а у Господа Бога. Въ смыслъ расширенія разумной свободы въ общественной жизни разсуждайте: о свободѣ мысли, о свободѣ слова, о свободѣ убѣжденій, о свободѣ вѣроисповѣданій,—но не о свободѣ совѣсти. Всѣ эти роды свободы могутъ быть только путями къ свободѣ совѣсти; но она сама стоитъ выше ихъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Аминь.

С Л О В О

въ недѣлю православія и въ день празднованія

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾

О ПРАВАХЪ СОВѢСТИ.

Молимъ вы, братіе, вразумляйте безчін-
ныя, оутѣшайте младшныя, заступайте
немощныя, долготерпите ко всѣмъ (1. Солун.
5, 14).

Въ прошедшемъ году здѣсь, въ этотъ же самый торже-
ственный день и предъ этимъ же именитымъ собраніемъ, мы
бесѣдовали о свободѣ совѣсти. Не смѣемъ думать, чтобы со-
держаніе нашего слова сохранилось въ памяти слушателей, и
даже просимъ извиненія въ этомъ напоминаніи, находя себѣ
оправданіе только въ томъ, что напоминаніе это нужно для
уясненія предмета, который мы намѣрены теперь предложить
вашему вниманію, и который составляетъ необходимое про-
долженіе прежде изложеннаго ученія.

Мы напомнимъ вамъ, къ какимъ заключеніямъ мы пришли
послѣ точнаго изложенія ученія Православной Церкви о сво-
бодѣ совѣсти. Свобода совѣсти не есть какая-либо привилле-

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, 22
февраля 1876 года.

гія, принадлежащая намъ отъ рожденія, во имя которой мы можемъ требовать себѣ отъ властей гражданскихъ и церковныхъ какихъ-либо уступокъ, расширяющихъ свободу нашей жизни. Она есть совершенство духовное, и притомъ для всѣхъ насъ еще искомое, и вполне принадлежащее только праведникамъ. Она состоитъ въ безпрепятственномъ, охотномъ, неуклонномъ и совершенномъ исполненіи закона нравственнаго, чѣмъ мы не можемъ еще похвалиться. Она состоитъ въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумнѣю законовъ и цѣлей нравственныхъ, чего мы не можемъ еще себѣ позволить, за немногими исключеніями. А если у насъ нѣтъ самаго основанія для нашего права: на чемъ же мы утвердимъ наше право чего-либо себѣ просить или требовать? Итакъ въ устныхъ бесѣдахъ, въ литературѣ, въ самыхъ даже разсужденіяхъ о законахъ, относящихся къ расширенію правъ вѣроисповѣдныхъ, супружескихъ, семейныхъ и проч., мы несправедливо употребляемъ слова: „свобода совѣсти“. Для правильнаго опредѣленія основаній терпимости вообще, и вѣротерпимости въ особенности, и указанія предѣловъ той и другой требуется иное понятіе, и иное выраженіе, именно: „права совѣсти“. Когда Св. Апостоль Павелъ умоляетъ насъ вразумлять безчинныхъ, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ,—очевидно, онъ разумѣетъ здѣсь людей, у которыхъ совѣсть не только не свободна, но еще поработана страстями, доводящимъ до безчинства, или изнемогаетъ въ борьбѣ съ искушеніями и препятствіями къ исполненію закона Христова. Когда онъ молить долготерпѣть ко всѣмъ, то очевидно, имѣетъ въ виду многихъ, нуждающихся не только въ снисхожденіи, пощадѣ, но и въ *долготерпѣніи*,—слѣдовательно, страдающихъ разными, иногда тяжкими недугами совѣсти. Какія же права всѣ эти люди имѣютъ на терпѣніе и попеченіе со стороны братьевъ болѣе ихъ твердыхъ въ исполненіи закона Христова? Права совѣсти. Какая здѣсь имѣется въ виду цѣль долготерпѣнія и попеченій? Уврачеваніе душъ, болящихъ недугами совѣсти.

Что же такое „права совѣсти“, и какъ на нихъ (а не на свободѣ совѣсти) могутъ быть утверждаемы здравыя правила христіанской терпимости и вѣротерпимости?

Права каждаго живаго существа и каждой живой силы опредѣляются цѣлю ихъ бытія, законами дѣятельности и средствами для достиженія цѣли. Чѣмъ важнѣе жизнь какого-либо существа для окружающей его среды и порядка природы, тѣмъ больше оно имѣетъ правъ на существованіе; чѣмъ важнѣе силы извѣстнаго существа и законы его дѣятельности для достиженія имъ цѣли бытія, тѣмъ больше эти силы и законы имѣютъ правъ на уваженіе и охраненіе. На этомъ общемъ законѣ основано преимущественное уваженіе къ жизни человѣка и заботливое охраненіе его силъ и правильной ихъ дѣятельности. Отсюда происходятъ права разума и заботливость о правильномъ развитіи и направленіи его дѣятельности посредствомъ воспитанія, образованія и т. п., такъ какъ разумъ есть распорядитель всей жизни человѣческой. Отсюда права свободы, такъ какъ свобода есть существенная принадлежность человѣка, возвышающая его надъ всею видимою природою и сообщающая его дѣйствіямъ духовное и нравственное достоинство. Отсюда права тѣла нашего на охраненіе его цѣлости и здоровья, такъ какъ тѣло есть орудіе духовной дѣятельности человѣка. Отсюда же происходятъ и права совѣсти, какъ принадлежности, наиболѣе необходимой для правильной жизни человѣка и достиженія имъ разнообразныхъ цѣлей его бытія. Если разумъ открываетъ и уясняетъ пути человѣческой дѣятельности, если свобода движетъ человѣка по этимъ путямъ: то совѣсть провѣряетъ въ нравственномъ отношеніи правильность самыхъ путей и уравниваетъ свободныя движенія по нимъ человѣка. Въ ней хранилище законовъ нравственныхъ; ея ощущеніями провѣряются какъ наши понятія о правѣ, правдѣ, чести, достоинствѣ и благородствѣ человѣка, такъ и самыя дѣйствія, направляемыя согласно съ этими понятіями. Въ смущеніи, производимомъ совѣстію при видѣ грѣха или соблазна, называемомъ стыдливостію, заключается охрана невинности и спасительное предостереженіе отъ преступленій. Въ ея обличеніяхъ и угрызеніяхъ—неизбѣжны, всюду насъ преслѣдующія, наказанія за содѣянные преступленія. Въ ея утѣшеніяхъ, въ пробуждаемомъ ею радостномъ чувствѣ и сознаніи сдѣланнаго

добра—неотъемлемая и высшая награда за подвиги чести и добродѣтели. Наступите вы на совѣсть человѣка, принудите его страхомъ и насиліемъ, или пріучите ложью, хитростью, обманомъ дѣйствовать противъ совѣсти, заглушать ея требованія, или обходить ихъ—вы исказите, развратите, погубите въ человѣкѣ именно то, что составляетъ въ немъ истиннаго человѣка. Такъ велики и неприкосновенны права совѣсти! И такъ какъ человѣкъ можетъ развиваться только самодѣятельностію и притомъ свободно: то права совѣсти, доколѣ не утратилъ ихъ человѣкъ, не допускаютъ по отношенію къ нему со стороны другихъ ничего иного кромѣ наблюденія, направленія, посредствомъ дѣйствованія на его разумъ, его убѣжденія и чрезъ то на его свободу.

Но человѣку, по его назначенію и цѣли бытія, предложить необозримый рядъ ступеней для восхожденія кверху въ нравственной дѣятельности по пути добра, а по прирожденной порчѣ, къ несчастію, всегда угрожаетъ нисхожденіе книзу, по пути зла и порока. И это нисхожденіе въ область зла бываетъ иногда въ степени неопасной, иногда очень глубоко, а иногда и безвозвратно. Вѣками оправданные опыты и утвержденные законы даютъ попечительной любви и наблюдающей власти, религіозной, государственной и семейной, разнообразныя основанія для опредѣленія степеней развращенія людей и употребленія по отношенію къ нимъ мѣръ исправительныхъ и карательныхъ, начинающихся отъ выговора и оканчивающихся смертною казнью. И во всякомъ случаѣ, мѣриломъ надежды на исправленіе человѣка, или безнадежности служить изслѣдованіе—насколько собственная его совѣсть сохранила надъ нимъ свои права и, сверхъ того, насколько его развращеніе опасно для окружающей его среды, для общественной совѣсти, а затѣмъ и нравственности. Чувство совѣсти легко можетъ притупиться, какъ обоняніе, и къ пороку такъ же легко привыкнуть, какъ къ зараженному миазмами воздуху; поэтому власть, бдительно охраняющая порядокъ обществъ, всегда высоко держитъ знамя закона не только на страхъ преступникамъ, но и на предостереженіе слабымъ. Въ этомъ смыслѣ значительная доля обязанности охраненія об-

шественной нравственности лежит и на самомъ христіанскомъ обществѣ. По христіанскому братолюбію, мы всѣ должны помогать другъ другу въ нравственной жизни—участиемъ, совѣтомъ, поощреніемъ, утѣшеніемъ, пособіями вещественными и всѣми средствами, на которыя такъ изобрѣтательна истинно-христіанская любовь. Но мы обязаны дѣлать и нѣчто большее. вмѣсто безплодныхъ разсужденій о ложнопонимаемой свободѣ совѣсти, намъ полезнѣе принять въ руководство ученіе объ охраненіи правъ совѣсти и, вмѣсто такъ называемыхъ либеральныхъ отношеній къ людямъ, глумящимся надъ законами нравственными и заповѣдями церковными, воспользоваться наставленіемъ Апостола: *вразумляйте безчинныя*.

Тѣ же священныя права совѣсти охраняются и вѣротерпимостію—этою высокою чертой въ характерѣ современныхъ христіанскихъ правительствъ. Трезвая и прямая совѣсть чловѣка ни къ чему не относится съ такимъ благоговѣніемъ и страхомъ, какъ къ Богу и Его верховной волѣ. Посему всякая религія, заслуживающая это имя, какъ совокупность понятій о Богѣ, законовъ, отъ Его имени изрекаемыхъ, и правилъ, опредѣляющихъ различныя виды служенія Богу, тѣмъ глубже чтится и тѣмъ строже соблюдается извѣстнымъ чловѣческимъ обществомъ или народомъ, чѣмъ тверже совѣсть этого общества или народа. Отъ того, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, гнать и преслѣдовать людей за религію или заставлять ихъ силой отречься отъ нея—это значить сдѣлать ихъ врагами власти и утвердить еще болѣе въ исповѣдуемой ими религіи, а стараться подорвать въ людяхъ благоговѣніе къ религіи значить лишить ихъ души и нравственной силы. Посему Евангеліе, которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе. Высокій образецъ подобнаго дѣйствованія показали намъ св. Апостолъ Павелъ въ своей рѣчи, сказанной имъ въ Ареопагѣ Аѳинскомъ. При видѣ Аѳинъ, полныхъ идоловъ,

онъ, по свидѣтельству *Дѣяній Апостольскихъ*, возмутился духомъ; но послушайте, что онъ сказалъ идолопоклонникамъ въ Ареопагѣ: „*Афиняне! по всему вижу, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашелъ и жертвенникъ: неведомому Богу. Сего-то, Кого вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ*“ (Дѣян. 16, 17. 22. 23).

Какимъ образомъ можно опредѣлять качества совѣсти людей, исповѣдующихъ извѣстную религію, и ихъ права на большую или меньшую терпимость? Во первыхъ, изъ совокупности тѣхъ истинъ, которыя проповѣдуетъ извѣстная религія своимъ послѣдователямъ, или изъ того міросозерцанія, которое слагается въ ихъ умахъ подъ вліяніемъ ихъ вѣрованій; потомъ изъ правилъ нравственности, преподаваемыхъ религіей и ея установленій относительно богослуженія и богоугожденія и, наконецъ, изъ самыхъ дѣйствій и поведенія послѣдователей извѣстной религіи, какъ прямыхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ содержаемаго ими ученія. Извѣстно, что прирожденная совѣсть человѣка истинною христіанскою религіей просвѣщается и утверждается, чрезъ усвоеніе умомъ и сердцемъ нашимъ откровеннаго ученія о Богѣ и Его законѣ, а ученіями ложныхъ религій запутывается и искажается. Когда, напримеръ, магометанство учитъ, что человѣкомъ управляетъ судьба, что для просвѣщенія людей довольно одного Корана, что правовѣрные призваны господствовать надъ цѣлымъ міромъ, что чувственные наслажденія—ихъ удѣлъ не только въ этой жизни, но и въ будущей: то очевидно, что отъ его послѣдователей нельзя ожидать ни любви къ наукамъ, ни самостоятельнаго духовнаго развитія, ни человѣколюбія, ни нравственной чистоты. Примѣра этого довольно для поясненія нашей мысли, но остается рѣшить вопросъ: какой видъ должна принять терпимость по отношенію къ религіямъ не только ложнымъ, но и особенно вредно дѣйствующимъ какъ на послѣдователей ихъ, такъ и на другихъ людей, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе? Мы должны относиться съ особою заботливостію къ ихъ послѣдователямъ, въ видахъ обращенія ихъ на путь истины, и притомъ съ особою бдительностію

предупреждать распространение подобныхъ религій между чуждыми имъ населеніями. Наше дѣло—изучать эти религіи, приобрѣтать довѣріе ихъ послѣдователей, давать имъ всѣ способы познанія истины и очищать ихъ совѣсть словомъ и примѣромъ,—а преслѣдованіе преступленій противъ государственныхъ законовъ, происходящихъ отъ ложныхъ вѣрованій и убѣжденій, предоставлять государственной власти.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ совѣсти, мы пришли къ странному, невиданному въ исторіи состоянію умственному и нравственному. Мы вообразили, что какъ мы сами, такъ и другіе вольны думать и дѣлать что хотимъ, вѣровать и невѣровать, признавать надъ собою обязательную силу нравственнаго закона и не признавать, и соблюдать вѣками установленныя правила благоповеденія и не соблюдать ихъ. Мы забыли, что наша совѣсть имѣетъ надъ нами свои природныя, неотложныя права, что совѣсть другихъ также имѣетъ права на наше вниманіе и уваженіе. Своей совѣсти мы не провѣряемъ, чужой—не щадимъ,—сами идемъ на все безъ оглядки, другимъ поставляемъ всевозможныя соблазны и обольщенія. Наша терпимость дошла до того, что мы и людей безъ всякой вѣры почитаемъ просвѣщенными людьми; думаемъ, что и безъ мысли о Богѣ, Виновиѣ и Охранителѣ закона совѣсти, можетъ быть у человѣка добрая совѣсть; что ее могутъ замѣнить какія-нибудь научныя системы и познанія. Мы дошли, осмѣливаемся сказать, до несообразности, полагая, что можетъ устоять въ обществѣ и въ цѣломъ народѣ единомысліе, единодушіе и нравственный порядокъ, когда каждый безнаказанно можетъ нарушать всякіе законы, избѣгая только тюрьмы и ссылки. Что же дѣлать? Разбудить совѣсть собственную, отрезвить общественную, вмѣсто повторенія чужихъ философскихъ мыслей и безсодержательныхъ фразъ, обратиться къ изученію души человѣческой, ея священныхъ правъ и обязанностей, и къ изученію христіанства не по дѣтскимъ учебникамъ, а изъ коренныхъ его источниковъ; а это и есть путь и къ вѣрѣ, и къ правильной жизни, и къ доброй совѣсти.

По мнимой свободѣ совѣсти, мы желаемъ вѣротерпимости, при которой все было бы не только мирно во внѣшней жизни (чего всегда требовали отъ христіанъ и Апостолы Христовы), но не было бы и въ области мысли и вѣрованій ни борьбы, ни преній, благодушно говоря: пусть каждый вѣруеть, какъ хочетъ! Но мы забываемъ, что этотъ миръ есть нравственная мертвенность и гніеніе. Христось Спаситель не обѣщаль намъ этого мира; огонь и мечь Онъ пришелъ низвестъ на землю (Лук. 12, 49. Матѣ. 10, 34),—огонь ревности и духовный мечъ борьбы истины противу лжи и добра противу зла. Религіозныя общины—не бездушныя сады или огороды, которые могутъ мирно процвѣтать одинъ подлѣ другаго. Въ нихъ живые люди, которые не признаютъ нашей широкой вѣротерпимости: они движутся, нравственно живутъ, ревнують о своей вѣрѣ и ея распространеніи. Мы удивляемся, отъ чего такъ у насъ усиливается магометанство, разные расколы и секты? Вспомнимъ, какъ объясняетъ Евангельская притча, откуда у хозяина поля проявились плевелы посреди пшеницы: *когда люди спали, говоритъ притча, пришелъ врагъ господина и посялъ между пшеницею плевелы* (Матѣ. 13, 25).

Мы не довольствуемся тѣмъ, что желаемъ нашимъ согражданамъ иныхъ исповѣданій или религій благоденствія внѣшняго наравнѣ съ нами: мы хотимъ чтобы и вѣры ихъ были ограждены законами и процвѣтали, какъ будто на насъ лежитъ нравственная обязанность заботиться и объ этомъ. Здѣсь одно изъ двухъ: или мы не убѣждены въ истинности вѣры, исповѣдуемой нами самими, или намѣренно хотимъ закрѣпить совѣсти людей подѣ влияніемъ и властію ихъ ложныхъ религій.

Есть религіи языческія въ нашемъ отечествѣ, до того темныя и скудныя по отношенію къ истинамъ вѣры и нравственности, что ихъ вѣрнѣе назвать скопленіемъ суевѣрій, какъ на примѣръ, шаманство. Ихъ послѣдователи у своихъ боговъ и ихъ служителей просятъ только хлѣба и безопасности отъ звѣрей и болѣзней, и для этого приносятъ омерзительныя жертвы. Когда миссіонеры общаются имъ этотъ хлѣбъ и безопасность въ средѣ христіанъ, привлекая ихъ чрезъ это и къ

просвѣщенію вѣрою Христовою, наши образованные люди вос-кликають: „это подкупъ, это противно свободѣ совѣсти“! Но какому началу нравственности противно чрезъ внѣшнія выгоды привлекать къ свѣту истины людей, которые и отъ своей религіи ничего не ищутъ, кромѣ этихъ выгодъ, и въ умы которыхъ прямо иногда нельзя провести ни одного луча духовнаго свѣта? Неужели безнравственно—дита или малоумнаго челоуѣка вывести гостинцемъ изъ горящаго дома? Бояться такого образа дѣйствованія можетъ только тотъ, кто самъ не увѣренъ, что такимъ косвеннымъ путемъ онъ выводитъ ближняго изъ тьмы къ свѣту истины. Это значитъ, что онъ самъ колеблется взять душу и судьбу ближняго на свою совѣсть и отвѣтственность, и потому лучше готовъ оставить его коснѣть и гибнуть во тьмѣ грубаго идолопоклонства и невѣжества. Если бы св. князь Владиміръ водился воззрѣніями современныхъ намъ мыслителей и почиталъ противнымъ совѣсти воспользоваться чувствомъ преданности къ нему его народа для привлеченія его къ христіанству, можетъ быть, еще нѣсколько лишнихъ вѣковъ наши предки блуждали бы во тьмѣ язычества.

Много плевеловъ насѣялъ врагъ на чистомъ полѣ Православной Церкви, *намъ спящимъ!* Обыкновенно, винятъ въ этомъ пастырей Церкви, духовенство. Не оправдывая себя, однакоже еще разъ скажемъ, что Апостоль говоритъ не намъ однимъ, а и всѣмъ членамъ Церкви: *молимъ вы, братіе, разумляйте безчинныя, утѣшайше малодушныя.* За нимъ и мы въ правѣ молить васъ: обновляйте въ себѣ сознаніе, что вы собственно Церковь Христова, а мы—только служители Церкви, что вы—то единое живое тѣло, которое, по Апостолу, болитъ все, когда страдаетъ одинъ его членъ (1 Кор. 12, 26). Проникнетесь заботой о цѣлости и безопасности этого великаго тѣла, отъ котораго всѣ мы, какъ члены, получаемъ духовную жизнь и нравственную силу и единство. Замѣчайте, чтѣ свое, чтѣ чужое. Различайте голоса наемниковъ отъ гласа единаго нашего Пастыря—Христа. Держитесь въ оградѣ Церкви: за нею рыщутъ волки-хищники... Аминь.

С Л О В О

НА ОСВЯЩЕНІИ

МОСКОВСКОЙ ТРОИЦКОЙ, ВЪ ПОЛЯХЪ, ЦЕРКВИ ¹⁾.

Взыщѣте Бѣга, и живѣте въ дѣтѣхъ душѣ каѣша
(Псал. 68, 33).

На торжествѣ освященія храма всего приличнѣе говорить о значеніи храма. И въ этомъ въ настоящее время есть особенная, настоятельная нужда.

Въ нашемъ Православномъ народѣ недавно замѣчена новая нравственная болѣзнь, которая была въ немъ доселѣ неизвѣстна: это *скука жизнию*, или отягощеніе жизнью. Мы знаемъ, что народъ нашъ во все время своего историческаго существованія терпѣлъ много невзгодъ, бѣдъ и страданій; мы знаемъ, что онъ былъ изнуряемъ междуусобіями, былъ врагами разоряемъ, избиваемъ и порабощаемъ, терпѣлъ бѣдность и лишенія, выносилъ неоднократно борьбу тяжкую и труды великіе, обливалъ свою родную землю потоками своей крови,—но не скучалъ жизнью. *Скука жизнию*, къ нашему удивленію, является у насъ въ времена мира, благоденствія и славы. Явленіе странное и печальное.

Современные мыслители ²⁾ указываютъ на нее какъ на одну изъ причинъ другаго, еще болѣе печальнаго, явленія—умноженія самоубійствъ. Указаніе вѣрное. Зачѣмъ человѣку

¹⁾ Произнесено 8-го августа 1875 г. ²⁾ Недѣля № 26, 1875 года.

жизнь, когда она для него составляет тяжелое бремя? Лучше съ нею разстаться.

Но сколько противоестественны и отвратительны самоубійства, сколько страшно ихъ умноженіе: столько же должна быть страшна и причина, которая ихъ производитъ. Чтò же она такое? Откуда она? Современные философы не объясняютъ намъ этого. Они говорятъ только, что скука жизни есть явленіе извѣстное въ языческой древности,—чтò для насъ весьма не утѣшительно; откуда въ христіанскомъ обществѣ могла взятъся такая страшная языческая нравственная болѣзнь? Лучшія средства противъ этой болѣзни, по ихъ мнѣнію,—указывать нашему обществу больше *идеаловъ*, знакомить его съ великими людьми и талантами и пробуждать его отъ апатіи, вызывая его къ самодѣятельности и открывая просторъ лучшимъ его силамъ. Но и здѣсь мало утѣшенія: идеалы изображаемые людьми не всегда отличаются вѣрностію и совершенствомъ; гоньба за идеалами и идеальнымъ счастіемъ, при недостаткѣ силъ, составляетъ сама по себѣ скуку жизни; великіе люди и таланты едва ли не первые знакомятъ человечество со скукою жизни: они сами называютъ жизнь даромъ напраснымъ и случайнымъ и, изливая въ поэтическихъ пѣснопѣніяхъ тоску жизни, даютъ вкушать людямъ незнакомымъ съ этою тоскою подслащенный ядъ унынія и отчаянія. А что касается до пробужденія апатіи, развитія въ обществѣ лучшихъ силъ, открытія имъ простора,—то указаніе этихъ средствъ отличается у современныхъ мыслителей крайнею неопредѣленностію. Чѣмъ пробудить апатію? Какія возбудить силы? Въ чемъ ихъ просторъ? На это напрасно вы будете искать у нихъ отвѣта.

Скука жизнию, какъ болѣзнь языческая, есть естественное наказаніе христіанамъ за ихъ уклоненіе отъ христіанскихъ возрѣній и правилъ жизни къ языческимъ. Чтò она такое? Она есть скорбь души, утратившей высшую цѣль жизни и сознаніе этой цѣли. Мы знаемъ, что все живое въ природѣ любитъ жизнь, трудится для ея охраненія, борется за нее до послѣдняго изнеможенія, потому что находитъ наслажденіе въ самой жизни, цѣлесообразно развивая въ себѣ силы и дѣй-

ствуя въ кругѣ очерченныхъ природою правъ и обязанностей. Если же человѣкъ тяготится жизнію, то ясно, что жизнь его стѣснена и онъ не чувствуетъ наслажденія, сопровождающаго ея развитіе и расширеніе; онъ не чувствуетъ въ себѣ и силъ для борьбы за жизнь, потому что онѣ сдавлены въ стѣсненномъ кругѣ жизни; онъ не видитъ, за чтò и для чего ему бороться, потому что не знаетъ, для чего живетъ; его не утѣшаетъ надежда успѣха и торжество побѣды въ борьбѣ, потому что не знаетъ, чтò онъ найдетъ послѣ борьбы и побѣды. Скука жизнію есть вопль души, запертой въ тѣсномъ кругѣ міра чувственнаго и ищущей выхода на просторъ и широту роднаго ей міра духовнаго, вѣчнаго и безграничнаго.

Древніе язычники, и особенно лучшіе изъ нихъ, томились и тосковали въ этой тѣснотѣ міра вещественнаго, гдѣ цѣли не соотвѣтствуютъ порывамъ души, гдѣ блага не прочны, наслажденія не питательны, жизнь коротка,—томились—и не находили выхода. Намъ, христіанамъ, открыть этотъ выходъ: вѣчность приближена къ нашему разумѣнію, доступна нашимъ стремленіямъ, небо отверсто для нашего созерцанія, нашихъ желаній, моленій, надеждъ,—и мы добровольно погружаемся въ эту безотрадную тьму язычества. Матеріализмъ научный и практическій—вотъ та темница, гдѣ томится и тоскуетъ душа человѣческая, вотъ гдѣ родина скуки жизнію!

Взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Вотъ приглашеніе опытно убѣдиться, что только стремясь къ Богу душа наша получаетъ полное развитіе своей жизни во всю свойственную ея природѣ широту и высоту. Взыщите Бога, но не тѣмъ томительнымъ исканіемъ, какое видимъ въ древнемъ язычествѣ, гдѣ человѣкъ добивается ему нужнаго, смутно желаемаго, но неизвѣстнаго и непостижимаго; а тѣмъ трудолюбивымъ исканіемъ извѣстнаго сокровища, къ которому нужно пройти только извѣстный путь, болѣе или менѣе далекій, судя по тому, сколько вы сами уклонились отъ него. Взыщите Бога не для того только, чтобы приобрѣсти холодное познаніе о Немъ, но чтобы вступить въ живой союзъ съ Нимъ, почерпать изъ полноты Его всесовершенной жизни не-

достающее вашей ограниченной и поврежденной природѣ,—и оживетъ душа ваша, или сердце ваше.

Усиленное стремленіе къ знанію обратило для насъ и христіанство въ сухую, отвлеченную науку, и отодвинуло за предѣлы нашего сознанія опыты христіанской жизни. Между тѣмъ какъ мы всегда можемъ приближаться къ Богу познанному, среди насъ обитающему, всякую минуту намъ доступному и всегда готовому открыть намъ сокровищницу своей истины, любви и благодатной силы. Это—по преимуществу въ христіанскихъ храмахъ. Наши храмы—не школы по произволу людей устрояемыя, не простыя зданія удобно расположенныя и украшенныя для общественныхъ собраній, публичныхъ чтеній, свиданій, совѣщаній и т. п. Это мѣста Божія присутствія, Божія обитанія. Убѣждаемся же мы въ этомъ только опытомъ.

Когда мы, помня, что мы христіане, переступаемъ порогъ храма съ мыслью, что входимъ въ домъ Отца нашего небеснаго; когда, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, говоримъ въ глубинѣ сердца словами мытаря: *Боже, буди мнѣ милостивъ грѣшнику*,—насъ невольно обьмаетъ благоговѣйное чувство присутствія Божія.

Когда въ священный часъ Божественной литургіи, отвергая гнетущія насъ сомнѣнія, мы устремляемъ безъ развлеченія нашъ взоръ къ алтарю Господню; когда усиливаемся вѣровать съ вѣрующими, что предъ лицомъ и при соучастіи самихъ небожителей приносится очистительная Жертва за грѣхи наши и за наше спасеніе! когда присоединяемъ къ общей молитвѣ предстоящихъ хотя одинъ вздохъ нашего удрученнаго сердца,—мы чувствуемъ, что есть дѣйствительный высшій міръ, соотвѣтствующій вѣрѣ нашей, что незримо совершаются дѣйствія, оживотворяющія душу, что *сердцемъ втрется въ правду*.

Когда здѣсь въ сердце наше, успокоенное, отъ житейскихъ волненій и страстей и умягченное молитвою, мощно ударяютъ слова Евангелія о безконечной любви къ намъ Сына Божія, о любви къ ближнимъ, о прощеніи враговъ, о благотвори-

тельности: какъ стыдно намъ становится нашего эгоизма, жестокосердія, корыстолюбія и роскоши!

Когда внимательно слушаемъ здѣсь прославленіе святыхъ, изображеніе ихъ подвиговъ, нравственной чистоты и дивныхъ добродѣтелей: какъ искренно мы желаемъ для себя подобной жизни, какъ намъ становится жалко времени прожитаго въ праздности и суетѣ, и какъ глубоко проникаютъ въ сердце наше слова праведниковъ: *„яко соніе, яко цвѣтъ время житія течетъ; что всуе мѣтаемся!“*

Когда сердце наше, отзываясь на слова обличенія, проникается скорбію о грѣхахъ, страхомъ вѣчной гибели: мы плачемъ и молимъ Господа о помилованіи, но не горьки наши слезы, но не постылѣтъ намъ жизнь, не смерти мы жаждемъ, а очищенія и обновленія.

Когда, получивъ прощеніе грѣховъ въ Таинствѣ Покаянія и приобщившись благодатной жизни со Христомъ въ Таинствѣ Евхаристіи, мы выходимъ изъ храма въ дома наши: какъ намъ хочется сохранить навсегда эти чувства умиленія, этотъ миръ души, эту чистоту помысловъ, намѣреній и желаній и эти святыя обѣты, которые мы принесли отсюда съ собою!...

Въ послѣднее время въ воспитаніи дѣтей многими у насъ не почитается дѣломъ важнымъ и неотложнымъ неопустительное посѣщеніе храмовъ и богослуженія въ дни праздничные. И въ самыхъ взрослыхъ и зрѣлыхъ образованныхъ христіанахъ весьма замѣтно отчужденіе отъ храмовъ. Такое опущеніе въ дѣлѣ воспитанія и порядкѣ жизни, какъ мы сказали, не можетъ оставаться безнаказаннымъ: вотъ вамъ послѣдствія предъ глазами: это охлажденіе къ жизни, этотъ презрительный взглядъ на нее, эта легкость въ совершеніи самоубійствъ и возрастающее умноженіе ихъ. Намъ скажутъ, что мы смотримъ на дѣло односторонне, что мы преувеличиваемъ значеніе храмовъ. Нѣтъ. Посѣщеніе храмовъ, духовныя упражненія въ нихъ—это и есть самая духовная жизнь человѣка. Учащеніе, усиленіе, умноженіе и тщательное прохожденіе этихъ опытовъ и упражненій—это и есть самое развитіе и возрастаніе въ насъ духовной жизни. Храмъ христіанскій,

вмѣстѣ съ соотвѣтствующими его назначенію церковными уставами и правилами домашней жизни, есть и начинатель, и двигатель, и совершитель нашего духовнаго воспитанія отъ младенчества и до смерти. Въ этомъ убѣжденъ весь міръ христіанскій, и только между матеріалистами и ихъ слѣпными послѣдователями сложилось мнѣніе, что его можно замѣнить театрами, музеями, читальнями, публичными аудиторіями. Самое богословское образованіе, или научное приобрѣтеніе христіанскихъ убѣжденій, находитъ ближайшее опытное приложеніе прежде всего въ храмахъ. Безъ этого всѣ убѣжденія и познанія христіанскія испарятся, затеряются и должнаго вліянія на практическую жизнь имѣть не будутъ. Чтобы получить духовное настроеніе и удержаться въ немъ, христіанинъ значительную часть своей жизни долженъ провести въ храмѣ. Здѣсь пробуждается въ немъ дѣйствіемъ благодати внутренней человѣкъ, здѣсь отъ частаго повторенія впечатлѣній изъ высшаго духовнаго міра развиваются въ немъ органы, составляющіе особья чувства высшей стороны нашей природы, обращенной къ міру духовному. Здѣсь даются опыты жизни безъ возрѣнія на внѣшній міръ, безъ ястія и питія, безъ житейскихъ развлеченій и чувственныхъ наслажденій, жизни сосредоточенной внутри человѣка, какъ бы уединяющей его отъ всего остальнаго міра, но жизни пріятной, усладительной, не зависящей отъ внѣшнихъ перемѣнъ, неотъемлемой. Здѣсь собираются и крѣпнютъ побужденія къ развитію въ себѣ этой жизни путемъ доброй практической дѣятельности, къ охраненію ея отъ расхищенія и растраты въ соблазнахъ и грѣхахъ, къ борьбѣ за нее съ вредными сторонними вліяніями. Здѣсь зачинается склонность къ безкорыстному служенію добру во имя Божіе, по потребности сердца, для восполненія своихъ духовныхъ силъ и совершенствъ. Здѣсь приобрѣтается опытное понятіе о довольствѣ собою и своимъ жребіемъ по чувству внутренняго міра и счастья, независящаго отъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Отсюда покорность волѣ Божіей, и прозрѣніе во внутреннюю связь судебъ человѣческихъ съ волею Божіею и служенія людямъ съ служеніемъ Богу. Отсюда крѣпость и неутомимость въ трудѣ добродѣтели, терпѣніе въ

бѣдствіяхъ, ревность къ приобрѣтенію даровъ духовныхъ и, затѣмъ, притокъ, внутренней жизни, простирающей свои стремленія, и, такъ сказать, переливающейся за предѣлы смерти. Отсюда, наконецъ, несокрушимая вѣра въ безсмертіе и готовность на все для приобрѣтенія блаженной вѣчности. Мы удивляемся, отъ чего наши предки имѣли такую склонность къ построенію и умноженію храмовъ. Они въ нихъ жили духомъ, и изъ нихъ вносили въ жизнь общественную ту нравственную силу, которой мы удивляемся, но которой сохранить не умѣемъ.

Мы не станемъ изображать печальной картины нравственнаго упадка и разложенія въ тѣхъ жалкихъ личностяхъ, которыя такъ презрительно относятся къ святынь и благодати храмовъ. Мы можемъ видѣть ихъ самихъ и наблюдать за ними всякій день. Жажда къ наслажденіямъ чувственнымъ безъ разбора дозволеннымъ и недозволеннымъ, пресыщеніе когда эти наслажденія доступны, раздраженіе и вопли когда нѣтъ средствъ для ихъ приобрѣтенія, въ цѣляхъ труда—одна корысть, въ отношеніяхъ къ ближнимъ—эгоизмъ, при невзгодахъ—упадокъ духа, при бѣдности—презрѣніе къ жизни, при богатствѣ—малодушный страхъ предъ смертію,—вотъ ихъ общія характеристическія черты.

Будемъ молить Господа, чтобы сохранялась любовь къ созиданію, украшенію и посѣщенію храмовъ въ той, по милости Божіей, еще большей части нашего народа, которая въ этомъ отношеніи остается вѣрною завѣтамъ Церкви и преданіямъ отцовъ, и чтобы другая часть, увлекаемая, на погибель себѣ, ложнымъ просвѣщеніемъ къ инымъ воззрѣніямъ и привязанностямъ, возвратилась къ этимъ преданіямъ. Возблагодаримъ обновителей этого храма, и особенно одному изъ нихъ, достопочтенному и достолюбезному общественному дѣятелю ¹⁾, молитвенно пожелаемъ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни. Аминь.

¹⁾ Старшина Московскаго купечества В. Мих. Бостанджогло.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ

ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ¹⁾).

Да бѣдѣтъ... кѣпѣющіи ꙗко не содержаще
и требѣющіи міра сегѡ ꙗко не требѣюще:
прехѡдитѣ ко образу міра сегѡ (1 Кор. 7,
29—31).

На годичномъ праздникѣ нашего Братства, имѣющаго характеръ благотворительнаго учрежденія, мы почитаемъ излишнимъ для общей пользы коснуться весьма важнаго современнаго вопроса объ *источникахъ благотворенія*.

Вопросомъ этимъ заняты во всемъ образованномъ мірѣ ревнители челоѡколюбія, политико-экономисты, мужи государственные и, наконецъ, философы, безъ участія которыхъ не обходится рѣшеніе ни одного высшаго вопроса челоѡческой жизни. Такая усиленная дѣятельность разнородныхъ мыслителей можетъ быть вызвана только настоятельною нуждой. И нужда эта есть,—нужда дѣйствительная, неотложная, вопіющая. Всѣ просвѣщенные народы жалуются на чрезвычайное развитіе бѣдности, какъ какого-то общественнаго недуга, и изобрѣли для этого недуга особое названіе—*наперизмъ*, бѣдность. Въ странахъ, отличающихся наибольшимъ, повидимому, благосостояніемъ бѣдные классы общества, гнетомые нуждой и

¹⁾ Произнесено въ Московской Николаевленской, на Арбатѣ, церкви, 19 октября 1875 года.

чувствуя себя какъ бы обиженными, начинаютъ возмущаться противъ богатыхъ. Картины нищеты самыя поразительныя являются въ городахъ самыхъ богатыхъ: тамъ бѣдные подбираютъ остатки пищи, выбрасываемые съ соромъ, задыхаются въ подвалахъ безъ свѣта и воздуха, спятъ стоя, умираютъ на улицахъ. Въ этихъ явленіяхъ обнаруживается какой-то новый, доселѣ незамѣченный законъ человѣческой жизни: именно тамъ, гдѣ наиболѣе изящною и увлекательною является жизнь богатыхъ, наиболѣе ужасными и поразительными представляются и страданія бѣдныхъ.

Филантропы выбиваются изъ силъ, отыскивая и собирая пособія для бѣдныхъ. Весьма разумно на одно дѣло человѣколюбія они призываютъ силы многихъ и, не отягощая благотворителей большими пожертвованіями, изъ множества малыхъ составляютъ иногда огромныя суммы и сооружаютъ великія благотворительныя учрежденія. Но бѣдность такъ увеличивается, что едва устроить благотворительное общество для облегченія одного ея вида, является множество другихъ, требующихъ учрежденія новыхъ обществъ. А благотворители все одни и тѣ же; частые сборы понемногу составляютъ многое, и начинаютъ прискучивать жертвователямъ. Встрѣчая холодность въ благотворителяхъ, филантропы начинаютъ соблазнять ихъ наградами и увеселеніями въ пользу бѣдныхъ, пускаются на разные извороты и хитрости, и такимъ образомъ только засариваютъ чистые источники благотворенія.

Политико-экономисты возлагаютъ надежды на успѣхи просвѣщенія, на разработку сокровищъ, накопленныхъ вѣками въ нѣдрахъ земли, на облегченіе труда съ помощію машинъ, на развитіе промышленности, на умноженіе удобствъ жизни; но отчего-то на опытѣ выходитъ такъ, что почти всѣ плоды современныхъ изобрѣтеній и улучшеній достаются въ руки богатыхъ, а на долю бѣдныхъ выпадаетъ опять, большею частію, одинъ суровый трудъ; жизнь становится дороже; при умноженіи удобствъ жизни, а съ ними и новыхъ привычекъ, нужда становится еще тяжелѣе, и бѣдность при образованіи—еще больнѣе, еще унижательнѣе.

Мужи государственные и правители озабочены облегченіемъ участи бѣдныхъ, готовы открывать имъ пути къ улучшенію ихъ быта, облегчать налоги, прощать недоимки; но строй государственной жизни годъ отъ году становится все сложнѣе и напряженнѣе, такъ что власть государственная едва успѣваетъ удовлетворять потребностямъ защиты отечества, общественной безопасности, просвѣщенія, правосудія и порядка; съ нея довольно нынѣ быть справедливою и человѣколюбивою, а быть еще и благотворительною—почти невозможно.

Въ виду такихъ затрудненій, новые философы-соціалисты и коммунисты, восходя къ высшимъ точкамъ зрѣнія, предлагаютъ совершенное переустройство современныхъ человѣческихъ обществъ. По ихъ понятіямъ, богатые, вслѣдствіе вѣковыхъ злоупотребленій, несправедливо присвоили себѣ большія имущества въ ущербъ бѣднымъ, и пользуются ими такъ, что иногда одинъ человѣкъ или небольшое семейство проживаютъ такой доходъ, какого достанетъ для безбѣдной жизни многихъ сотенъ и даже тысячъ людей. Надобно, говорятъ, отобрать у нихъ эти имущества и раздѣлить поровну всѣмъ людямъ одного племени, или одной страны. Далѣе: другая несправедливость въ дѣйствіяхъ богатыхъ, по ихъ мнѣнію, та, что пуская въ обороты свои капиталы и приглашая бѣдныхъ на тяжкія работы въ ихъ заведенія, они одни пользуются большими выгодами отъ своихъ предпріятій, а бѣднымъ уступаютъ только малую поденную заработную плату. Надобно, говорятъ, капиталы сдѣлать общественными и, раздѣливъ между всѣми участниками коммерческихъ предпріятій труды, раздѣлять поровну и прибыль.

Много книгъ написано въ разъясненіе этихъ новыхъ началъ общественной жизни; много незрѣлыхъ умовъ увѣровало въ это новое ученіе; много добродушныхъ молодыхъ людей въ разныхъ странахъ погибло въ попыткахъ примѣненія его къ практической жизни. Главный недостатокъ этого ученія, видный сразу для ума непредубѣжденнаго, есть его односторонность; причина односторонности—незнаніе, или отрицаніе внутренней, духовной стороны человѣческой жизни. По началамъ

матеріалізма, приравнивая чело́вѣка и его жизнь къ неизмѣнному порядку видимой природы, новые философы думаютъ, что надобно только вещи разложить на новыя мѣста и людей разставить въ новомъ порядкѣ,—и машина общественной жизни пойдетъ лучше, и всѣ будутъ благоденствовать. Но исторія всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуеть, что главный дѣятель въ жизни чело́вѣчества есть духъ чело́вѣческой, и затѣмъ—умъ чело́вѣка, съ безконечнымъ разнообразіемъ дарованій, знаній и любимыхъ мыслей, его совѣсть, съ неувимыми видоизмѣненіями понятій о правѣ и правдѣ, о чести и добродѣтели,—его свобода, со всѣми уклоненіями подѣ влияніемъ его убѣжденій, привычекъ, пороковъ и страстей. Приведите сначала въ желательный для васъ порядокъ и единообразіе этотъ внутренний міръ чело́вѣчества, и потомъ уже устанавливайте новыя начала внѣшней чело́вѣческой жизни. Безъ этого условія, если вы раздѣлите утромъ между бѣдными имѣнія, отнятыя у богатыхъ, къ вечеру явятся новые бѣдняки и новые богачи; если приставите нынѣ къ общему дѣлу людей на твердо поставленныхъ условіяхъ, завтра увидите, какъ эти условія различно будутъ поняты и неравномѣрно соблюдаемы. Бѣдный, чтобъ онъ могъ поправиться, требуетъ помощи, поддержки, попеченія; но онъ вѣчно будетъ бѣденъ, если не способенъ, не умѣетъ и нравственно безсиленъ поддержать свое улучшенное положеніе. Всегда будутъ люди малоумные, мало-способные, больные, малолѣтніе, вдовы и сироты; съ другой стороны, всегда будутъ люди грѣшные, порочные, развратные,—и отъ всѣхъ этихъ недостатковъ для самостоятельной и правильной дѣятельности всегда будутъ люди бѣдные. Иисусъ Христосъ ясно сказалъ намъ это: *всегда нищія имате съ собою* (Матѣ. 26, 11). И такъ, бѣдная часть чело́вѣчества, это—бремя, которое должны носить на своихъ плечахъ люди даровитые, умные, способные, сильные и богатые, и носить съ сознаниемъ, убѣженіемъ, свободно, съ искреннею любовію; но никакъ не согласно съ здравымъ разумомъ и справедливостью, чтобъ эти лучшіе люди въ чело́вѣчествѣ черезъ насильственный раздѣлъ имуществъ періодически были ограбляемы въ пользу бѣдныхъ.

Вопросъ о павперизмѣ въ ученіи Христа Спасителя изъясненъ всесторонне и рѣшенъ окончательно, но истины и правила жизни, заповѣданныя по сему предмету Иисусомъ Христомъ и Его Апостолами, и опыты жизни, указанные истинными христіанами, кажутся слишкомъ строгими для плотскихъ людей нашего времени. Имъ хотѣлось бы сохранить для себя во всей полнотѣ всѣ наслажденія жизни и совершенно уничтожить на землѣ бѣдность и нищету.

По ученію Божественнаго Откровенія, у насъ нѣтъ ничего своего, а все—Божіе, и потому всѣмъ мы должны распоряжаться по волѣ Божіей. На землѣ мы не вѣчные жители, а временные жильцы, проходящіе путемъ земной жизни въ другой міръ. Цѣль земной жизни есть приобрѣтеніе вѣчнаго блаженства въ жизни будущей. Оно приобрѣтается борьбой съ грѣхомъ и преуспѣяніемъ въ добродѣтеляхъ, дѣлающихъ человека достойнымъ блаженной жизни въ вѣчности. Отсюда постоянная забота объ устраненіи препятствій на пути добродѣтели, каковы страсти корыстолюбія, сластолюбія, гордости и пр., и всѣ расслабляющія душу плотскія удовольствія. Отсюда цѣлое ученіе о христіанскомъ смиренномудріи, духовной нищетѣ и самоотверженіи, на которое указываетъ Апостолъ: „Да будутъ покупающіе какъ не приобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ какъ не пользующіеся; ибо переходитъ образъ міра сего“. Введите это ученіе въ жизнь, исполняйте его требованія какъ исполняли во всѣ времена добрые христіане,—и ваши избытки потекутъ рѣкою въ руки бѣдныхъ. Вамъ нельзя много пить и ѣсть, потому что тѣло ваше должно быть легко для сохраненія чистоты сердца и совѣсти, и бодро для труда добродѣтели. Вамъ нельзя много предаваться свѣтскимъ удовольствіямъ, изъ опасенія расцѣпанности, разлѣненія духа, воспламененія страстей плоти. Вамъ стыдно будетъ строить себѣ дворецъ при мысли о внутреннемъ убожествѣ, которое откроетъ вамъ христіанское самоиспытаніе. Вамъ совѣстно будетъ изысканныхъ одеждъ, потому что строгость вашего собственнаго христіанскаго взгляда укажетъ вамъ въ этомъ суетность и дѣтское легкомысліе. Вы не пойдете во многолѣтнія сложныя спекуляціи, потому что мысль о смерти

и внутренняя честность заставляют вас держать дѣла ваши въ строгомъ порядкѣ. Дѣла ваши будутъ цвѣсти сами собою, потому что вы всегда трезвы, умъ вашъ чистъ, время не тратится даромъ. При такомъ настроеніи, при заботѣ о спасеніи своей души, объ очищеніи грѣховъ, о пріобрѣтеніи милости и благоволенія Божія, вы не можете не проникнуться любовью къ ближнимъ и жалостью къ бѣднымъ. Ваше сердце, ваша совѣсть непрестанно будутъ напоминать вамъ о нихъ, и вы будете почитать преступленіемъ употреблять ваши избытки на прихоти, а не на помощь имъ. Вотъ свободный раздѣлъ богатствъ между бѣдными, вотъ Божественный планъ уничтоженія павперизма, вотъ единственный способъ уравненія и примиренія богатыхъ съ бѣдными, вотъ неизсякающій источникъ благотворенія. Одно изъ двухъ: или богатые должны подчиняться этимъ правиламъ жизни, или видѣтъ неизбежное и постоянно возрастающее умноженіе бѣдныхъ и общественныхъ беспорядковъ. Здѣсь хитрые проекты не помогутъ: *сильные должны немоги немощныхъ носить, а не себѣ угождать.*

Образованная часть современнаго человѣчества, увлекаемая материалистическимъ духомъ времени, задалась мыслію устроить себѣ рай на землѣ. Отсюда стремленіе ко всевозможнымъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, нужнымъ и ненужнымъ; отсюда гигантскія предпріятія, пожирающія громадныя капиталы, лишаящія иногда богатыхъ свободы въ распоряженіи своими средствами, притягивающія милліоны людей на черную тяжелую работу и порабощающія ихъ неизмѣнному плану предпріятія, неумолимой цифрѣ разчета. Умноженію утонченныхъ удобствъ жизни конца нѣтъ. Чтобы воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ, надо добиваться большаго достатка, а чтобы имѣть все—большаго богатства. Но что еще замѣчательнѣе, нынѣ хотятъ сдѣлать жизнь не только удобною, но и изящною. Мало имѣть домъ просторный, чистый, теплый: надо имѣть художественный, чтобы все въ немъ до послѣдней незначущей вещицы было изящнымъ произведеніемъ искусства; мало имѣть одежду чистую, даже цѣнную, приличную званію и состоянію человѣка: надобно одѣваться

такъ, чтобы представлять и изъ самого себя нѣчто художественное, и чтобы возможно чаще обновлять весь рисунокъ своей особы, изъ опасенія наскучить себѣ и другимъ образомъ. Этотъ вкусъ къ изящному простирается и на всѣхъ людей, окружающихъ современнаго богатаго человѣка, и на всѣ принадлежности его хозяйства, разбросанныя иногда не только по разнымъ мѣстностямъ отечества, но и по разнымъ государствамъ. Здѣсь никакое богатство не велико, здѣсь всякаго дохода мало. И на этотъ рай современной роскоши смотрятъ миллионы небогатыхъ людей, и въ нихъ разгорается жажда удобствъ и наслажденій жизни; смотреть съ озлобленіемъ и бѣдные, не имѣющіе необходимаго для себя и дѣтей. При общемъ стремленіи къ роскоши, низшіе классы общества, чувствуя себя пристыжаемыми и унижаемыми изысканною жизнью высшихъ, особенно при равенствѣ по образованію, стремятся не отстать отъ нихъ и, живя не по состоянію, разоряются и умножаютъ собою количество бѣдныхъ. Развитіе новыхъ потребностей простирается и на рабочіе классы, и имъ нужно прожить больше прежняго, и потому надобно возвышать плату за работу. Вотъ отчего жизнь становится дороже, отчего на всѣхъ, отъ великаго до малаго, лежитъ, какъ гнѣтъ, забота покрыть постоянно увеличивающіеся расходы по содержанію себя и семейства. Какъ тутъ думать о бѣдныхъ? Что удѣлять имъ? Самимъ недостаетъ!

Намъ скажутъ: „Чего вы хотите? Къ чему усиливаетесь? Неужели вы думаете измѣнить направленіе вѣка?“—Нѣтъ; мы знаемъ, что направленіе вѣковъ и духа времени измѣняются по законамъ историческаго движенія событій, руководимаго перстомъ Божественнаго Провидѣнія. Мы знаемъ, что вѣковы заблужденія людей врачуются только тяжкими опытами, великими переворотами. Но мы исполняемъ нашу обязанность—охранять, по возможности, въ средѣ вѣрныхъ чадъ Православной Церкви правильный взглядъ на современное теченіе жизни и убѣжденіе, что только ученіе Христово и жизнь христіанская могутъ приводить въ порядокъ дѣла человѣческія и устроить благосостояніе людей, что одно *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имуще живота нынѣшняго и*

грядущаго (1 Тимое. 4, 8). Въ частности, думаемъ, что, можетъ быть, кто нибудь, при размышленіи о томъ, что возрастающая роскошь однихъ людей увеличиваетъ страданіе другихъ, иногда и удержится отъ исполненія какой-либо своей прихоти, съ цѣлью пожертвовать ее для бѣднаго. А какъ много останется изъ нашихъ расходовъ въ пользу бѣдныхъ, если мы только въ своей жизни отсѣчемъ прихотливое, изысканное, излишнее, вредящее намъ самимъ! Св. царь Давидъ, помѣстившись въ ново-построенномъ своемъ домѣ и размышляя о замѣнѣ скинии свидѣнія благолѣпнымъ храмомъ Богу Израилеву, говорилъ съ заботою Пророку Наѳану: „Вотъ, я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ“ (2 Цар. 7, 2). Да не умираетъ подобное чувство въ сердцахъ нашихъ по отношенію къ бѣднымъ, которыхъ Господь назвалъ Своєю братіею! Мы живемъ въ довольствѣ, покоѣ, мы жизнью наслаждаемся, а у сосѣдей нашихъ и холодно и голодно, дѣти и босы и наги! Одно это чувство есть уже сѣмя благотворенія и не останется безъ благословенія Господа, *Иже насъ ради обнища, богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9).

Десятилѣтнее существованіе Братства св. Николая и его благоуспѣшная дѣятельность, какъ и многихъ другихъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, представляютъ намъ утѣшительное свидѣтельство, что христіанскія чувства любви къ Богу и ближнимъ еще живы и дѣйственны въ сердцахъ Православныхъ. Принося благодареніе Господу за прошедшее, помолимся, чтобъ и въ будущемъ Онъ не попустилъ возобладать надъ нами духу времени, чтобы соблазны вѣка и ложныя ученія не затмили въ душахъ нашихъ вѣчной истины, что съ любовію къ наслажденіямъ богатства и роскоши нельзя совмѣстить успѣшное служеніе дѣлу человеколюбія: *никто же можетъ двумя господинома работати: не можете Богу работати и мамонѣ* (Мате. 6, 24). Аминь.

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ

ЮРІЯ ФЕДОРОВИЧА САМАРИНА ¹⁾.

СѢ КОИСТИНЪ ИЗРАИЛЬТАНИНЪ, КЪ НѢМЪ ЖЕ
ЛЪСТИ НѢСТЬ (Іоан. 1, 47).

Прежде нежели прибыли въ отечество послѣдніе останки Юрія Федоровича для погребенія въ родной землѣ, много уже было высказано въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ воспоминаній о немъ и сужденій объ его дарованіяхъ, характерѣ, литературной и общественной дѣятельности. Всюду и единогласно выражаются сожалѣнія о преждевременной его кончинѣ и глубокое уваженіе къ его личности, трудамъ и заслугамъ. И слово церковное не можетъ не принять участія въ этомъ, говоря языкомъ библейскимъ, о общемъ плачѣ о достойномъ соотечественникѣ. Намъ онъ извѣстенъ со стороны внутренней, недоступной для свѣта. Поднять завѣсу, отдѣляющую слова и внѣшнія дѣйствія человѣка отъ сокровенныхъ его мыслей, тайныхъ сердечныхъ движеній и побужденій, это значитъ закончить и открыть полный его образъ,— всего человѣка. Къ несчастію, между нами раздвоеніе жизни

¹⁾ Произнесено въ церкви Московскаго Университета, 30 марта 1876 года.

внутренней и внѣшней есть обычное явленіе, особенно тамъ, гдѣ человѣкъ является мыслителемъ, общественнымъ дѣятелемъ, поборникомъ извѣстныхъ началъ. Проповѣдывать ихъ въ словѣ такъ легко, а проводить въ своей собственной жизни такъ трудно, особенно когда эти начала нравственнаго характера. Но въ этомъ именно смыслъ для насъ и утѣшительно коснуться внутренней жизни почившаго, насколько смерть даетъ на это право, потому что онъ, отъ публичной рѣчи, печатнаго слова, до дружеской бесѣды, до самыхъ искреннихъ сердечныхъ изліяній,—вездѣ одинъ и тотъ же. И въ этихъ тайникахъ его души, извѣстныхъ людямъ близкимъ къ нему по духу и сердцу, надобно искать истиннаго смысла и значенія всей его дѣятельности. Здѣсь мы увидимъ, что онъ былъ не человѣкъ кружка, или извѣстнаго политическаго направленія; нѣтъ, онъ могъ такимъ казаться только отъ разрозненности воззрѣній и смѣшенія религіозныхъ и философскихъ понятій въ нашемъ образованномъ обществѣ; онъ былъ тѣмъ, чѣмъ желательно было бы видѣть всѣхъ Русскихъ просвѣщенныхъ людей,—онъ былъ человѣкъ съ древнею любовью къ своей вѣрѣ и Церкви, со старинною ревностью о благѣ своего отечества и съ богатствомъ новаго образованія. И то и другое такъ сложилось, примирилось и объединилось въ его духѣ, что его личность можетъ быть образцомъ практическаго рѣшенія трудной задачи, отъ правильнаго рѣшенія которой зависитъ все благо, вся будущность нашего отечества, именно—сохраненія въ современныхъ Русскихъ людяхъ древняго русскаго религіознаго и патріотическаго настроенія и совмѣщенія его съ истинными сокровищами новаго образованія.

Извѣстно, что Юрій Ѳеодоровичъ имѣлъ блестящія природныя дарованія: умъ глубокій, точный, послѣдовательный, съ особеннымъ отгѣнкомъ способности къ тонкому, всеразлагающему анализу, сердце впечатлительное и воспріимчивое, рѣдкій даръ живаго, плавнаго, свободно льющагося, блиставшаго остроуміемъ слова. Заботливость родителей дала ему образованіе широкое, воспитаніе тщательное. Ко всему этому при-

соединялась въ немъ, отчасти какъ черта наслѣдственная, отчасти какъ плодъ нравственнаго воспитанія, внутренняя честность, прямота, правдивость, по которой для него невозможно было дѣйствовать не по убѣжденію, не по своему мнѣнію, не по правдѣ предъ собою, предъ людьми, предъ закономъ. Положеніе ясное, опредѣленное, пути прямые, точное разграниченіе и опредѣленіе истины и лжи, друга и недруга, съ совершеннымъ устраненіемъ полустинъ, полумъръ, софизмовъ, малодушныхъ уступокъ, натяжекъ, сдѣлокъ,—вотъ сфера, въ которой онъ любилъ вращаться и дѣйствовать съ твердостью, неустрашимостью, самопожертвованіемъ и трудолюбіемъ.

Получивъ высшее образованіе въ здѣшнемъ университетѣ, который и отдастъ ему послѣднюю почесть, Юрій Ѳеодоровичъ, по природному призванію, то-есть по силѣ и качеству своихъ дарованій, желалъ посвятить себя служенію наукъ и искать кафедры профессорской; но на это не было воли его отца, и онъ покорился этой волѣ безпрекословно. Онъ вышелъ изъ университета послѣдователемъ господствовавшей здѣсь въ его время философіи Гегеля; но отчасти впечатлѣнія домашняго воспитанія, отчасти сближеніе съ современными его молодости просвѣщенными ревнителями Православія и нашей народности, отчасти изученіе твореній Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, избранныхъ имъ для сочиненія на магистерскую степень—расположили его обратиться къ христіанству. И прежде всего въ этомъ нравственномъ переворотѣ, или сознательномъ возвращеніи отъ философскихъ убѣжденій къ христіанскимъ, примѣръ его особенно поучителенъ для нашихъ отечественныхъ философовъ послѣдняго времени. Онъ не поработился любимому философскому ученію, не отдалъ ему безвозвратно своей вѣры, не ограничился и по отношенію къ христіанству не требующимъ труда дѣтскимъ отрицаніемъ; онъ отнесся къ христіанству своимъ пытливымъ умомъ, своимъ прямымъ сердцемъ, своею честною совѣстью; онъ принялъ вліяніе его истинъ, его духа, его правилъ, всею своею духовною природой, всѣмъ существомъ. Онъ увѣровалъ снова по

убѣжденію, изучивъ тщательно слово Божіе, творенія отеческія, исторію Церкви и всѣ разности христіанскихъ исповѣданій. Онъ понялъ Божественное установленіе и значеніе Церкви, оцѣнилъ истинный духъ христіанскаго аскетизма, и въ жизни истинныхъ христіанъ увидѣлъ образцы человѣческаго совершенства, руководимые идеаломъ небеснымъ. Такимъ образомъ онъ явилъ въ себѣ изъ древности извѣстный, но немногимъ доступный пріемъ сильныхъ душъ, по которому человѣкъ, честно сознавая ограниченность человѣческаго знанія и силъ, чувствуя потребность высшаго озаренія для рѣшенія великихъ вопросовъ нравственной жизни, съ радостію принимаетъ Божественное Откровеніе и отдастъ свой умъ въ послушаніе вѣры (2 Кор. 10. 5). Затѣмъ онъ не сочинилъ себѣ, какъ многие, особой раціональной религіи, не вошелъ въ Православную Церковь съ гордостью распорядителя, принимающаго одно и отвергающаго другое по своему вкусу; онъ органически слился съ нею, какъ живой членъ, чувствующій въ себѣ обращеніе ея крови, біеніе ея сердца. Для него, при всей силѣ философскаго мышленія и богатствѣ знанія, Распятый Христосъ былъ истиннымъ Искупителемъ, благодать—истинною духовною силой, просвѣщающею и врачующею, молитва—общеніемъ съ Богомъ, Таинства Церкви—источниками благодати, церковные обряды—духовными упражненіями, питающими религиозное чувство и отрезвляющими душу. Что это не были только новыя мысли, замѣнившія собою прежнія,—какъ у насъ иногда понимаютъ убѣжденія,—а убѣжденія дѣйствительныя, объемлющія и проникающія всю душу человѣка—это доказалъ Юрій Ѳедоровичъ своею жизнію. Надобно было видѣть его стоящимъ во храмѣ, благоговѣйнымъ, углубленнымъ, сосредоточеннымъ, чтобы понять, что онъ проникнуть страхомъ Божіимъ и чувствомъ Божія присутствія, что это не гордый мыслитель, а кающійся мытарь, не смѣющій и очи возвести не небо. Нельзя было безъ глубокаго уваженія смотрѣть на него и слышать его въ священныя минуты исповѣди: какъ этотъ человѣкъ, испытующій и строго разбирающій всѣхъ и все, строже и нещаднѣе всѣхъ судить себя самого, какъ отвергаетъ облегчающія и утѣшаю-

щія объясненія его нравственныхъ состояній, съ какою полнотою и глубиной обозрѣваетъ (особенно при болѣзняхъ) цѣлую свою жизнь, какъ искренно признаетъ заслуженною, примѣчаемую имъ въ упадкѣ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, по его собственному выраженію, „кару Божию“, и какъ смиренно, будто простѣйшій изъ простыхъ, преклоняетъ колѣна для пріятія таинственнаго отпущенія грѣховъ. При искреннихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ о чемъ онъ больше скорбѣлъ? Объ этой, какъ онъ говорилъ, несчастной склонности и способности поражать противника въ преніяхъ и огорчать его торжествомъ своей мысли. Въ этой способности ума онъ винилъ свое сердце, почиталъ себя жестокимъ. Нѣжнѣйшій сынъ, добрый братъ, беззавѣтно преданный другъ, разумный и щедрый благотворитель, — онъ впадалъ иногда въ глубокую печаль отъ мысли, что у него любви мало. Такъ и слышится во всемъ этомъ сильный духъ жаждущій совершенства, какъ путникъ, нетерпѣливо стремящійся къ вождѣльной цѣли и жалующійся на медленность движенія.

Порядкомъ своей жизни Юрій Ѳедоровичъ напоминалъ древнихъ аскетовъ, т. е. христіанъ, жившихъ среди міра, но въ отчужденіи отъ него и въ служеніи Богу и ближнимъ. Ради свободы духовной и умственной дѣятельности, онъ отказался отъ супружества и семейнаго счастья; при богатствѣ онъ чуждъ былъ доставляемыхъ имъ чувственныхъ наслажденій. Кругъ близкихъ знакомыхъ онъ ограничивалъ людьми, которыя пополняли его жизнь и доставляли ему утѣшенія дарованіями, познаніями и благородствомъ сердца. Безкорыстно, безъ мысли о славѣ и почестяхъ, онъ трудился дни и ночи для блага отечества, не почитая для себя унизительною никакой работы для пользы общей. Часто утренняя заря заставляла его съ перомъ въ рукѣ, и онъ оканчивалъ горячія думы о благѣ своей родины горячею молитвою о ней къ Богу.

Итакъ, это не былъ человѣкъ школы, системы, или известной партіи; это не былъ и въ общемъ смыслѣ человѣкъ жизни, а это былъ рабъ Божій, служившій всѣми своими си-

лами славѣ Божіе и благу человѣчества. Чѣмъ въ самыя послѣдніе дни жизни занята была душа его? Въ одномъ изъ центровъ европейскаго просвѣщенія съ высшими представителями современной науки онъ началъ борьбу за вѣру въ бытіе Бога и безсмертіе души человѣческой. Это былъ истинный сынъ своей Церкви и своего народа, безъ двоедушія и лукавства. И въ этомъ надобно искать причины, почему всѣ знавшіе его русскіе люди, самыхъ разнообразныхъ возрѣній и направленій, такъ единодушно и съ такою скорбію отозвались о его кончинѣ. Эта сила ума, эта глубина знанія, эта искренность убѣжденій придаютъ въ глазахъ нашихъ особенную цѣну его любимымъ мыслямъ: о преимуществахъ, какія имѣеть членъ Православной Церкви, стоящей на древнихъ канонахъ, въ обсужденіи всѣхъ уклоненій въ духѣ и направленіяхъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій и всѣхъ явленій современной науки и жизни; о необходимости стараться содержать нашъ народъ въ послушаніи Церкви, создавшей его нравственный характеръ и его высокую судьбу; о нашей обязанности тщательно сохранять наши права на каждый участокъ земли Русской, Богомъ намъ дарованной и добытой кровію и трудами нашихъ отцовъ и предковъ, и заботиться о безспорномъ владычествѣ одной власти и одного закона во всей Россіи, отъ одного конца ея до другаго; о братской любви къ единокровнымъ и единовѣрнымъ съ нами Славянамъ и другимъ членамъ Православной Церкви не ради своекорыстныхъ политическихъ цѣлей, а ради ихъ собственной свободы, счастья и преуспѣянія. Въ его сознаніи ясно предносился свѣтлый идеалъ Россіи, достойно представляющей собою живую, великую часть Православной Вселенской Церкви, самостоятельно соединившей свободу, искренность и цѣльность вѣры съ глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ, отъ нижнихъ до верхнихъ слоевъ народа, какъ было въ старину, проникнутой одними началами и убѣжденіями, съ яснымъ сознаніемъ своего историческаго призванія.

Прости нашъ умный, добрый, привѣтливый, любезный Юрій Ѳеодоровичъ! Да призритъ Господь на твою вѣру и любовь къ Нему и св. Его Церкви, на твои труды, на твое

безкорыстіе и самоотверженіе, на твою предсмертную жажду общенія съ Нимъ въ напутственныхъ Тайнствахъ, да проститъ твои вольныя и невольныя прегрѣшенія, и да речетъ душѣ твоей слово милосердія Своего: *добръ, рабе, блгій и вѣрный, о матъ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего!* (Матѣ. 25, 21).
Аминь.

С Л О В О

въ день празднованія

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ МОСКОВСКОЙ ГЛАЗНОЙ БОЛЬНИЦЫ ¹⁾.

Чадо, въ колѣзні твоей не презирай, но
молиса Господеки, и Той тѣ исцѣлитъ... И
дажда мѣсто врачѣ, Господь бо ѿгнѣ создал
(Сир. 38, 9, 12).

Настоящій праздникъ Глазной больницы имѣеть все права на наше особенное вниманіе и сочувствіе. Это заведеніе—единственное въ Москвѣ. По назначенію своему, оно столько же нужно и дорого, сколько нужны и дороги глаза человѣку. И вотъ, оно существуетъ уже пятьдесятъ лѣтъ; оно достигло года, который по самымъ древнимъ библейскимъ законамъ признается юбилейнымъ. Итакъ, принесемъ благодареніе Господу, что благая мысль приснопамятныхъ учредителей этого заведенія не только осуществилась, но и упрочилась въ полустолѣтней жизни, что привлечены къ нему живыя силы общественной благотворительности, что много въ пятьдесятъ лѣтъ оно уврачевало недуговъ и облегчило страданій, и что, наконецъ, особенно въ послѣднія десятилѣтія, оно приобрѣло добрыхъ врачей, которые съ усердіемъ посвятили себя ему на служеніе, положили въ него богатство своего знанія, свою любовь, свою душу...

¹⁾ Произнесено въ Больничной церкви, 26 января 1876 года.

Но изложеніе исторіи этого многополезнаго заведенія и его заслугъ предоставимъ людямъ, которые ближе къ нему поставлены и лучше его знаютъ. Наша обязанность—не опустить минуты благопріятной для сѣянія слова Божія въ сердца присутствующихъ, открытыя добрыми впечатлѣніями настоящаго дня.

Мы во учебницѣхъ и въ большомъ обществѣ врачей. Наша мысль естественно обращается къ нимъ, и особенно потому, что въ ихъ средѣ въ послѣднее время произошло, относительно религиозныхъ воззрѣній и убѣжденій, чрезвычайно важное, всѣмъ извѣстное движеніе и измѣненіе.—Что же? Не хотимъ ли мы начать разсужденія о вѣрѣ и мірѣ духовномъ для тѣхъ изъ нихъ, которые, согласно съ направленіемъ вѣка, обосновали свои убѣжденія, правила и дѣйствія на опытахъ, законахъ и въ предѣлахъ одного міра вещественнаго, съ совершеннымъ отрицаніемъ духовнаго? Нѣтъ! Не хотимъ ли мы усиленнымъ образомъ убѣждать обратиться къ христіанскимъ воззрѣніямъ и правиламъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ еще жива въ сердцѣ вѣра, посѣянная въ дѣтствѣ, но подавлена терніями бродячихъ ложныхъ ученій и печальми житейскими? Нѣтъ! Все это слишкомъ сложно и слишкомъ было бы трудно для краткаго церковнаго слова. Мы только хотимъ, съ помощію простыхъ соображеній и практическихъ указаній, разъяснить и, по возможности, рѣшить вопросъ: не теряютъ ли врачи чего-нибудь важнаго и существеннаго въ исполненіи своего призванія, когда они перестаютъ быть христіанами или даже вообще вѣрить въ бытіе Бога и другаго міра?

Если они вдумаются въ этотъ вопросъ тщательно и добросовѣстно, то, можетъ быть, пожалѣютъ о многомъ, что дѣйствительно потеряли.

Ни философія, ни науки естественныя не могутъ такъ высоко поставить и такъ ясно опредѣлить призваніе врача, какъ это дѣлаетъ слово Божіе. „Болѣзнію не пренебрегай, говоритъ библейскій мудрецъ, но помолись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя; и даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда“. Здѣсь указываются два средства врачеванія болѣзней: первое въ молитвѣ, привлекающей непосредственную силу врачующей бла-

годати Божіей, второе—въ искусствѣ врача и врачевствахъ находимыхъ въ природѣ. А такъ какъ, по слову Премудраго, вмѣстѣ съ больнымъ и самъ врачъ молится, чтобы Богъ помогъ ему облегчить и исцѣлить страждущаго (Сир. 38, 14): то и онъ, къ естественному знанію и средствамъ врачеванія, приобрѣтаетъ еще Божественное озареніе и помощь. И такъ, мѣсто врача—въ области Божественнаго милосердія и промышленности о страждущемъ челоуѣчествѣ. Онъ есть орудіе въ рукахъ Божіихъ, и если онъ самъ въ это вѣруеть и сердцемъ прилѣпляется къ Богу, то онъ видитъ и на опытѣ, какъ незримый перстъ Провидѣнія направляетъ его туда, гдѣ онъ особенно нуженъ, вразумляетъ его въ минуты крайнихъ затрудненій и даетъ ему успѣхъ тамъ, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ ума и законамъ науки, не было на него никакой надежды. Указывая врачу такой прямой путь къ исполненію его призванія, слово Божіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавляетъ его отъ огорченій, къ какимъ можетъ подать поводъ челоуѣческая немощь и ограниченность, которую часто даетъ ему чувствовать его многотрудное служеніе. При убѣжденіяхъ внушаемыхъ вѣрой, не обидна для врача ограниченность челоуѣческаго знанія и не горько безсиліе, лишшающее его возможности сохранить жизнь челоуѣку, вокругъ постели котораго семейство проливаетъ потоки слезъ, или который нуженъ для общества, отечества, науки. Чувствуя себя и больнаго въ рукахъ Божіихъ, врачъ укрывается со своею печалію въ тихую пристань покорности всеблагой волѣ Божіей.

Гдѣ находитъ свое мѣсто и какъ опредѣляетъ свое призваніе врачъ, отрицающій бытіе Бога и міра духовнаго? Онъ занимаетъ мѣсто зрителя, наблюдателя и нѣкотораго пособника въ жизни и движеніи существъ міра видимаго, подчиненныхъ неотразимымъ законамъ необходимости; его призваніе—починивать поврежденныя или обветшавшія части въ вѣчно движущейся машинѣ. Если онъ будетъ вѣренъ этому, единственно возможному для него, взгляду на свое назначеніе и послѣдователенъ, если не будетъ водиться инстинктами духа, пробивающимися въ умъ и сердцѣ его помимо его воли,—его положеніе безотраднo. Никакія оболъстительныя рѣчи о вѣч-

номъ прогрессѣ науки не разубѣдятъ его въ скудости средствъ для борьбы со всеокрушающею силой смерти. Если онъ пережилъ пору молодости и убѣдился, что въ жизни больше горя и заботъ, чѣмъ радости и удовольствій, то непремѣнно проникнетъ въ его душу горькое убѣжденіе, что не стоитъ труда заботиться о томъ, чтобы протянуть на нѣсколько лѣтъ эту ничтожную жизнь. А когда, при добромъ отъ природы сердцѣ, печальное зрѣлище человѣческихъ страданій потрясетъ его до глубины души, когда, при всемъ желаніи помочь другому, онъ чувствуетъ себя самого безсильнымъ и безпомощнымъ: что остается ему дѣлать, какъ не вернуться въ искусственное хладнокровіе и внутренно страдать тѣмъ глубже, чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ нещадное давленіе на человѣка механическихъ законовъ природы? Въ этой неравной борьбѣ съ природой безъ Бога у него нѣтъ друга, помощника и утѣшителя.

Еще разительнѣе обнаруживается различіе положеній врача-христіанина и врача-матеріалиста у постели больного. Первый идетъ къ существу духовно-нравственному, страдающему отъ болѣзни тѣла; второй—только къ поврежденному, или вовсе разбитому организму. Первый знаетъ, что если удержать еще на землѣ душу человѣка, то дастъ ей еще время для приобрѣтенія жизни вѣчной,—если нѣтъ, то посоветуетъ приготовиться къ вѣчности Божественными средствами религіи; второй будетъ стараться дать больному еще пожить здѣсь,—хорошо ли, худо ли,—а въ случаѣ не успѣха лѣченія, предоставитъ его неизбѣжной участи—обратиться въ ничтожество. Настроеніе духа того и другаго отражается въ выраженіи лица, въ рѣчахъ и во всемъ поведеніи ихъ и весьма ощутительно дѣйствуетъ на больного. Врачи говорятъ, что первое условіе для успѣшнаго лѣченія—поднять духъ больного. Врачъ-христіанинъ дѣйствительно поднимаетъ духъ страдающаго—вѣрою въ помощь Божію, надеждою на милосердіе Божіе, утѣшительною и составляющею дѣйствительную нравственную силу во всякомъ случаѣ, при всякомъ исходѣ болѣзни. Онъ можетъ съ силой сказать: подвизайтесь, болѣзнь есть трудъ, подвигъ; терпите, надѣйтесь: вы христіанинъ. Правда, врачи

предоставляют это однимъ намъ, служителямъ Церкви, но это несправедливо; врача прежде зовутъ къ больнымъ, чѣмъ насъ; по долгу христіанскому никто не свободенъ отъ обязанности помогать другому въ нравственной жизни, и врачъ, отрицающій эту обязанность, опускаетъ случай приобрести великую заслугу предъ Богомъ, которая для него такъ удобна при ежедневныхъ посѣщеніяхъ больныхъ. Его кроткій и серьезный видъ, заботливый взглядъ, при словѣ о Богѣ съ благоговѣніемъ обращаемый къ небу, его слово, дышащее вѣрою и любовію—вотъ средства, поднимающія духъ больного. Чѣмъ подниметъ упавшій духъ человѣка врачъ, не признающій бытія духа? Веселою рѣчью, шутками, напоминаніемъ о близкой веснѣ, о чистомъ воздухѣ, объ южной природѣ, о лѣтнихъ удовольствіяхъ? Все это хорошо, чтобы развлечь больного, но не для того, чтобы внутренно его настроить и нравственно укрѣпить. Развлеченіемъ можно обмануть его и подвергнуть опасности неожиданно упасть въ разверстую подъ нимъ бездну вѣчности; а поведеніемъ христіанскимъ можно приготовить его мужественно встрѣтить смерть и радостно возвратиться къ жизни. Нѣсколько лѣтъ тому, меня позвали навѣстить и расположить къ приобщенію св. Таинъ одного больного, служившаго при театрѣ, человѣка уже въ лѣтахъ преклонныхъ, вѣрующаго и добродушнаго. Онъ принялъ меня привѣтливо, бесѣдовалъ искренно и съ радостію согласился на утро приобщиться; черезъ часъ послѣ меня прибылъ молодой врачъ, сдѣлалъ замѣчаніе семейству зачѣмъ напрасно смущаютъ и тревожатъ больного: его самого увѣрилъ, что онъ вовсе не опасенъ, что всегда успеетъ приобщиться, а теперь это только утомитъ его. Больной отложилъ приобщеніе, и на утро умеръ. Долго я послѣ думалъ: зачѣмъ врачу это было нужно? Какую онъ провелъ здѣсь идею? Въ какую сторону онъ подвинулъ свою науку? Зачѣмъ было обманывать больного и огорчать христіанское семейство, которое никогда не перестанетъ скорбѣть о томъ, что отецъ умеръ безъ приобщенія?... А между тѣмъ люди новаго времени такъ много говорятъ о свободѣ убѣжденій!

Столь противоположныя направленія врачей двухъ указанныхъ нами родовъ должны особеннымъ образомъ отражаться въ ихъ собственномъ внутреннемъ настроеніи: въ ихъ частныхъ цѣляхъ, характерахъ, правилахъ и во всѣхъ душевныхъ расположеніяхъ. Правда, многіе изъ нашихъ врачей-матеріалистовъ отличаются любовію къ труду, привѣтливостію, состраданіемъ, готовностію помочь бѣдному и безкорыстіемъ; но все это не плоды направленія ими принятаго, а выраженіе добрыхъ природныхъ свойствъ, еще болѣе—слѣдствіе вліянія на нихъ христіанской среды, въ которой они родились и получили первоначальное воспитаніе, а наконецъ и примѣненія христіанскихъ идей къ ихъ матеріалистическимъ ученіямъ. Изъ цѣльнаго и послѣдовательнаго матеріалистическаго направленія не можетъ выходить ни неутомимости въ трудѣ, ни любви, ни безкорыстія. Жизнь коротка, за что себя много мучить? Надо дать себѣ время и насладиться удовольствіями ея. Удобства жизни—потребность современнаго человѣка; наслажденія нынѣ дороги; надо спѣшить составить себѣ независимое состояніе, и тѣмъ будетъ лучше, чѣмъ оно больше. А такъ какъ цвѣтущее время, время славы врача въ современномъ обществѣ болѣею частію продолжается недолго, то надобно вышпать цѣну за свой трудъ. Много бѣдныхъ,—но не я виновать въ этомъ. Много страждущихъ,—но одинъ всѣмъ не поможешь. Вотъ прямые выводы изъ матеріалистическихъ воззрѣній! Вотъ нравственная философія врача чистаго матеріалиста! Мы не станемъ говорить о томъ, какъ отражается эта философія на нашемъ обществѣ; но въ самихъ врачахъ этого направленія мы видимъ сначала порывистую, торопливую дѣятельность, потомъ выраженіе самодовольства и самоуслажденія, затѣмъ—раздраженіе и утомленіе и, наконецъ, ко всему равнодушіе и охлажденіе. Иначе и быть не можетъ: сѣющій въ плоть свою, по слову Апостола, отъ плоти пожнетъ тлѣніе; и только сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную (Гал. 6, 8).

Это сѣяніе въ собственномъ духѣ сѣмянъ вѣчной жизни, или возвращеніе въ духѣ добродѣтелей составляющихъ зачатки блаженной дѣятельности, подлежащей человѣку въ вѣч-

ности, возможны только для врача-христианина. Онъ смотритъ на свое служеніе страждущему человѣчеству какъ на жребій, Промыслѣмъ Божиимъ ему назначенный, какъ на службу Богу, въ которой заключено его собственное вѣчное благо и спасеніе, и прежде всего старается исполнять свои обязанности усердно и добросовѣстно, и потому отодвигаетъ на второй планъ вещественные его плоды или выгоды, вѣря слову Спасителя: *сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33). Отъ этого взгляда съ самаго начала его дѣятельности главнѣйшіе его интересы переходятъ въ область духа, и тамъ сосредоточивается его истинная жизнь, его заботы, скорби и утѣшенія, а удобства внѣшней жизни и ея удовольствія составляютъ не цѣль его жизни, а только отдохновеніе и поощреніе на трудъ. Поэтому онъ трудится не напоказъ предъ людьми, а предъ Богомъ и совѣстію. Онъ спѣшитъ не туда, гдѣ ему выгодно, а туда, гдѣ онъ нужнѣе. Онъ радуется не тому, что приобрѣлъ, а больше тому, сколько принесъ пользы ближнимъ, сколько людей утѣшилъ и осчастливилъ. Онъ не назначаетъ самъ себѣ цѣну, а ждетъ, когда люди оцѣнятъ его самого и его труды и заслуги. Онъ увѣренъ, что при честномъ исполненіи обязанностей ни Богъ, ни люди его не забудутъ, и полагаетъ высшее благо въ Божіемъ благословеніи на его труды, семяство и стяжанія, которое одно все умножаетъ и упрочиваетъ. Такимъ образомъ, по слову Спасителя, *онъ въ Бога богатѣетъ* (Лук. 12, 21). Онъ растетъ внутренне; онъ преуспѣваетъ въ вѣрѣ, любви, терпѣннн, безропотномъ перенесеніи трудностей своего служенія—и, когда для него самого настаетъ очередь возлечь на смертный одръ, онъ съ упованіемъ думаетъ о раскрывающейся для него вѣчности, какъ человѣкъ, подвизавшійся добрымъ подвигомъ, и не боится за оставленное на землѣ семяство, вспоминая слова Писанія: „Я не видалъ праведника оставленнымъ и потомковъ его просящими хлѣба (Псал. 36, 25).

Намъ скажутъ, что мы изображаемъ не дѣйствительную жизнь, а идеаль человѣческаго совершенства.—Да, идеаль совершенства, любезный и вождельный, къ которому желаемъ врачамъ приближаться,—также какъ мы намѣренно и спра-

ведливо покрываемъ темными красками другой образъ, которому не желательно бы видѣть подражателей.

Глазная больница обезпечена заботливостію врачей-христіанъ. Здѣсь не только съ усердіемъ даютъ врачеванія очамъ тѣлеснымъ, но просвѣщаютъ и очи духовныя. Съ этою послѣднею цѣлію учреждено здѣсь, между прочимъ, въ свободные часы чтеніе вслухъ для больныхъ полезныхъ и преимущественно духовно-нравственныхъ книгъ. Можетъ быть, къ удивленію людей вѣка, но безъ сомнѣнія къ утѣшенію истинныхъ христіанъ, скажемъ, что здѣсь даже читаютъ житія Святыхъ, составленныя Святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ. Аминь.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

О СТЕПЕНЯХЪ ЛЮБВИ ХРИСТИАНСКОЙ.

Больши сеа люккѣ никтоже имать, да кто
душѣ своѣ положитъ за други своя (Іоан.
15, 13).

Событія настоящаго времени вызвали весь нашъ народъ, все наше отечество и Самого Благочестивѣйшаго Государя нашего на самыя разнообразныя дѣйствія и опыты любви къ ближнимъ. Многіе изъ соотечественниковъ нашихъ претерпѣли раны и увѣчья, а многіе положили и души своя за други своя, за братій по племени и вѣрѣ. Можетъ быть, въ непродолжительномъ времени Господу и Государю нашему угодно будетъ призвать насъ еще къ высшему напряженію христіанской любви, еще къ ббльшимъ подвигамъ и жертвамъ для страждущихъ братій. Поэтому слово о любви, всегда полезное, нынѣ особенно благовременно. Пусть каждый изъ насъ осмотрится, что онъ сдѣлалъ и что еще можетъ сдѣлать въ своемъ положеніи, и пусть дѣлаетъ требуемыя временемъ дѣ-

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ, 19 февраля 1877 года.

ла любви съ яснымъ сознаниемъ, со спокойствіемъ и мужествомъ христіанскаго убѣжденія.

Высшимъ дѣломъ любви Господь называетъ самопожертвованіе: *да кто душу свою положитъ за други своя*. Что мы можемъ сказать объ этомъ высокомъ полетѣ христіанскаго духа, объ этомъ цѣльномъ, восторженномъ его устремленіи, которое ни разложить на составныя черты, ни разобрать въ подробности, ни разъяснить невозможно? Можно описывать его порывы, проявленія, подвиги, но перевести его въ понятія, правила, наставленія—былъ бы напрасный трудъ. Счастливы, кто можетъ понимать сердцемъ это высокое настроеніе христіанскаго духа и сочувствовать ему, а чрезъ сочувствіе воодушевляться къ подражанію.

Но Господь говоритъ: *больши сея любви никтоже имать*. Слѣдовательно, до этой высоты есть разныя степени христіанской любви. О нихъ мы можемъ размышлять съ пользой и по нимъ подойти къ высотѣ полнаго самопожертвованія, на которую можно взглянуть съ благоговѣніемъ.

Христіанство возвѣстило міру эту великую истину богопознанія: Богъ есть любовь. Отъ этой любви, раздающей саму себя, мы, какъ и всѣ духовно-разумныя существа, получили вмѣстѣ съ бытіемъ способность любить, понимать любовь и склонность быть любимыми. Какъ планеты по силѣ тяжести тяготеютъ къ солнцу и одна къ другой, такъ и мы по этой способности или силѣ любви тяготѣемъ къ Богу, къ міру чистыхъ духовъ и другъ къ другу, стремясь свободно утвердиться въ нравственномъ Царствѣ Божіемъ, царствѣ любви. Поэтому любовь сама по себѣ есть чувство пріятное, животворное, совершенствующее человѣка; она собственно и есть душа и жизнь нашего духа и всей нашей дѣятельности, такъ что безъ нея, по слову Апостола Павла, всѣ дарованія и познанія—ничто, и всякое мудрое и возвышенное слово—не болѣе какъ „мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій“ (1 Кор. 13, 1—3).

Христіанскіе богословы различаютъ два рода любви: первая есть любовь естественная, природенная; ея отблески мы видимъ и въ царствѣ неразумныхъ существъ, она связуетъ

людей въ общества и устрояетъ земное человѣческое общежитіе. Это любовь инстинктивная, основывающаяся на взаимности, питающаяся виѣшними выраженіями, одолженіями, услугами, удовольствіями. Она является въ видѣ любви семейной, родственной, племенной, дружественной и общечеловѣческой. Она, по слову Спасителя, свойственна и грѣшникамъ, или вообще всему невозрожденному человѣчеству: „и грѣшники любящихъ ихъ любятъ“ (Лук. 6, 32).

Выше ея стоитъ любовь христіанская, благодатная, возстановляющая въ поврежденномъ человѣчествѣ высшія духовныя и разумныя отношенія и связи, расторгаемыя себялюбиемъ, своекорыстіемъ, враждой, завистію и всѣми страстями и пороками, расплотившимися между людьми вслѣдствіе наслѣдственной порчи. Объ этой любви говоритъ Господь: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Матѳ. 5, 44).

Изъ этихъ понятій видно существенное различіе между любовью естественною и христіанскою. По движенію первой, человѣкъ любитъ то, къ чему инстинктивно влечетъ его природа, что ему пріятно и дорого, и иногда трудится и жертвуетъ собою для любимаго, чтобъ удержать и сохранить *за собою свое—для себя*; любовь христіанская, руководимая сознаніемъ высшихъ цѣлей, высшаго блага своего и другихъ и нравственнаго долга, сама возвышается до свободнаго труда и жертвъ *собственно для другихъ*, по предчувствію вѣчнаго счастья всѣхъ человѣковъ безъ различія и взаимной любви и любви къ Богу, по слову Спасителя: *да вси едино будутъ, яко же Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Любовь естественная, какъ природная способность любить, есть основаніе любви христіанской, но переходитъ собственно въ христіанскую тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ высшихъ побужденій начинаются для блага другихъ труды и жертвы безкорыстныя, чистыя, растворяемыя одною благодатною радостію о счастья другихъ. И любовь естественная, правильно и въ законныхъ предѣлахъ поставленная и дѣйствующая, есть достоинство человѣка, но не

возвышающее его надъ понятіями о благѣ личномъ, земномъ и временномъ, а любовь христіанская переноситъ насъ въ область разумѣнія блага общаго и постиженія блаженства вѣчнаго.

Итакъ, христіанская любовь начинается тамъ, гдѣ начинается безкорыстное служеніе ближнимъ. Какія же степени можно различать въ развитіи и проявленіяхъ этой любви, для лучшаго разумѣнія ея возрастающей силы и совершенства? Мѣриломъ этого совершенства должно принять понятіе о самоотверженіи: чѣмъ въ большей степени проявляется въ христіанской любви самоотверженіе, тѣмъ выше самая любовь.

Первая степень христіанской любви есть жертвованіе для ближняго *своимъ*, или нашею собственностію, по праву намъ принадлежащею. Черту различія между уступкой нашей собственности въ пользу ближняго по любви естественной и христіанской Господь указываетъ весьма ясно: по любви естественной, говоритъ Онъ, вы *даете, отъ нихъ же чаете воспріяти* (получить обратно); а по любви высшей—вы *взаимъ дайте, ничесоже чающе* (Лук. 6, 34, 35). Эта область благотвореній изъ нашей собственности весьма обширна и намъ хорошо извѣстна. Она начинается чашей студеной воды, срачицею, лептой, и восходитъ до величественныхъ учрежденій въ пользу бѣдныхъ и страждущихъ, какъ больницы, богадѣльни, школы, пріюты, общества миссіонерскія, попеченія о раненыхъ, для спасенія погибающихъ и пр., которыми такъ отличается наше время. Чтобы найти наше мѣсто на этой степени любви, нужно по совѣсти опредѣлить, сколько въ вещественныя пожертвованія въ пользу ближнихъ мы влагаемъ нашей души, нашего разума и нашего сердца. Въ этомъ случаѣ полезно давать себѣ вопросы: столько ли мы даемъ, сколько можемъ по нашему состоянію? Какое отношеніе между тѣмъ, что жертвуемъ и тѣмъ, что проживаемъ на свои потребности, удобства, прихоти и удовольствія? Даемъ ли съ разсужденіемъ, извѣстнымъ порядкомъ, сумму честно отписанную въ пользу бѣдныхъ изъ нашихъ доходовъ, или жертвуемъ случайно, когда и гдѣ придется, сами не зная, сколько въ теченіе года? Даемъ ли съ сердечнымъ сочувствіемъ и убѣжденіемъ въ

пользѣ дѣла, или только отъ стыда предъ обществомъ, и чтобъ отвязаться отъ докучливыхъ просьбъ бѣднаго? Что нами больше движетъ: любовь къ ближнимъ или тщеславіе? Спѣшимъ ли дѣлать добро пока живы, или скупясь при жизни, располагаемся оказать большія благодѣянія ближнимъ послѣ смерти, когда намъ самимъ ничего не будетъ нужно? Безъ такого самоиспытанія мы можемъ ошибиться относительно силы и достоинства своей благотворительной дѣятельности. Здѣсь руководящимъ правиломъ можетъ быть слово св. Апостола Павла: „Кто сѣетъ скупо, для того и жатва скупа; а кто сѣетъ щедро, для того щедро и жатва“ (2 Кор. 9, 6).

Вторую степень христіанской любви къ ближнимъ составляетъ служеніе страждущимъ личнымъ трудомъ, тѣлеснымъ и душевнымъ. Это служеніе требуетъ большаго самоотверженія, чѣмъ пожертвованія имуществомъ. Деньги и вещи приобрѣтаются трудомъ привычнымъ, иногда тяжелымъ, но иногда любимымъ, для котораго употребляется урочное рабочее время. У нѣкоторыхъ этотъ трудъ щедро вознаграждается, и потому въ средствахъ есть избытокъ, которымъ легко дѣлиться съ бѣдными. У иныхъ, наконецъ, есть состояніе наслѣдственное, доставшееся безъ труда, такъ что имъ только остается не пожалѣть приобрѣтеннаго чужимъ трудомъ. Но личное служеніе бѣднымъ и страждущимъ есть трудъ особый, на который рѣшается не всякій. Выслушивать просьбы бѣдныхъ и входить добросовѣстно въ ихъ положеніе—утомительно; удовлетворить всѣхъ, чтобы не слышать ихъ жалобъ и даже упрековъ—невозможно; видѣть часто свойственные бѣдности пороки—нравственно тяжело; быть отъ нихъ обманываемымъ, замѣчать, какъ ваши жертвованія и труды пропадаютъ безплодно, а иногда встрѣчать отъ нихъ порицанія, насмѣшки и самую грубую неблагодарность—обидно и прискорбно. Еще болѣе тяжкій трудъ составляетъ хожденіе за больными, особенно для людей, привыкшихъ къ удобствамъ жизни. Продолжительное пребываніе въ душномъ воздухѣ, бессонныя ночи, прикосновеніе къ предметамъ нечистымъ, перевязка ранъ, видъ страданій больныхъ, ихъ нетерпѣливость и раздражительность, иногда стоны и тяжкіе болѣзненные припадки—все это тре-

буеть отъ служителя милосердія, терпѣнія, снисходительности, смиренія, состраданія, бдительности и мужества, то есть, цѣлаго сонма добродѣтелей, на любви утверждаемыхъ и любовію питаемыхъ. Еще въ высшей степени всѣ эти качества требуются отъ тѣхъ, кто принимаетъ на себя высокій подвигъ хожденія за ранеными въ сраженіяхъ, въ особенности оружіемъ, употребляемымъ въ наше время. Сюда же должно причислить не только тѣлесные, но особенно умственные и душевные труды для воспитанія бѣдныхъ дѣтей, исправленія малолѣтнихъ и взрослыхъ преступниковъ, обращенія невѣрующихъ къ вѣрѣ Христовой и другія дѣла такъ-называемой милости духовной: въ этихъ подвигахъ развивается не только долготерпѣніе любви, но и духовная мудрость, въ опытахъ любовію собираемая. Да будутъ благословенны эти раздаятели пособій нуждающимся, эти попечители, приготавлиющіе средства врачеванія и успокоенія для раненыхъ воиновъ, эти братья и сестры милосердія, которыхъ вызываютъ современные нужды! Это цвѣтъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія.

Третью степень любви къ ближнимъ составляетъ служеніе имъ, соединенное съ собственными опасностями и страданіями. Опасности и страданія могутъ быть и въ указанныхъ нами дѣлахъ любви; но есть особенные роды благотворительности, гдѣ опасности стоятъ, такъ сказать, на первомъ планѣ, гдѣ страданій надобно ожидать вѣрнѣе, чѣмъ избавленія отъ нихъ. Таковы подвиги спасанія погибающихъ отъ челюстей хищныхъ звѣрей, изъ горящихъ зданій, изъ воды при разливѣ рѣкъ, или изъ волнъ морскихъ при кораблекрушеніяхъ; сюда можно отнести служеніе больнымъ зараженнымъ чумой, или другими страшными и несомнѣнно прилипчивыми болѣзнями, причемъ нѣтъ у трудящихся того восторженнаго настроенія какъ въ случаяхъ предыдущихъ, но гдѣ постоянно вамъ кажется, что смерть ходитъ за вами по пятамъ. Но самыя обширныя поприща подобныхъ подвиговъ суть поля сраженій, гдѣ каждый ожидаетъ смерти, тяжкаго и томительнаго, а иногда и мучительнаго, плѣна и еще вѣрнѣе—ранъ, а за ними часто пожизненныхъ страданій отъ потери или неисправимаго поврежденія членовъ тѣла. Къ числу подвижниковъ,

страдающих на войнѣ, можно отнести и тѣхъ, которые отпускаютъ на войну дѣтей, мужей, братьевъ. Каждый день сопутствуя имъ мысленно, они сердцемъ страдаютъ и умираютъ вмѣстѣ съ ними, такъ что для многихъ легче было бы дѣйствительно умереть вмѣстѣ съ ними, чѣмъ страдать въ разлукѣ и неизвѣстности объ ихъ участи. И легче ли смерти, въ самомъ дѣлѣ, получать, какъ получили многія матери въ отечественную войну, извѣстія о двухъ и трехъ сыновьяхъ разомъ: „убить, убить, убить“?

Здѣсь встрѣчается вопросъ: какое различіе въ достоинствѣ подвиговъ, совершаемыхъ по долгу службы и по свободному произволению? Намъ кажется, что нѣтъ надобности пускаться въ тонкія умствованія при рѣшеніи этого вопроса. Христіанинъ вѣритъ, что какъ долгъ службы возлагается на него Промысломъ Божиимъ, такъ и призваніе къ высшимъ нравственнымъ подвигамъ совершается Божіею благодатію. Обязанность его—быть вѣрнымъ тому и другому званію, которое, будучи однажды принято, обращается въ долгъ. Здѣсь главное, чтобы голосъ человѣческой немощи: *да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*, былъ побуждаемъ другимъ: *буди воля Твоя*.

Послѣдній подвигъ любви къ ближнему, выше котораго нѣтъ—это встрѣча неотвратимой смерти за братій, лицомъ къ лицу. Чувство ли ужаса смерти преобладаетъ въ это время въ душѣ подвижника? напряженіе ли силъ въ послѣдней борьбѣ всецѣло овладѣваетъ имъ? воспоминаніе ли о дорогихъ людяхъ и радостяхъ, оставляемыхъ на землѣ, пролетаетъ въ его сознаниі? мысль ли о тѣхъ, за кого онъ приноситъ себя въ жертву, одушевляетъ его? это остается извѣстнымъ одному Богу. „Я уже не въ мірѣ“ (Іоан. 17, 11), говорилъ Иисусъ Христосъ въ молитвѣ къ Отцу Небесному предъ Своєю крестною смертію. Пожелаемъ каждому изъ насъ, кому предназначена будетъ волею Божіею смерть за братій, въ послѣднія минуты предсмертной борьбы, съ вѣрою устремиться мыслью и сердцемъ къ небу, къ Господу Иисусу, заповѣдавшему намъ этотъ подвигъ по образу Его собственныхъ страданій и смерти, съ обѣтованіемъ вѣчнаго блаженства съ Нимъ.

На Балканскомъ полуостровѣ кровь невинныхъ жертвъ, проливаемая нечестивыми изувѣрами, вопіеть на небо; въ Западной Европѣ движутся страсти корыстолюбія и властолюбія, жаждущія поглотить богатства злополучной страны и пресмыкаются хитросплетатели лжи и лукавства; въ Православной Россіи отъ многихъ миллионовъ, какъ изъ единой груди, слышится вздохъ состраданія, какъ изъ одного сердца исторгаются порывы къ жертвамъ и подвигамъ. *Воскресни Боже, суди земли, яко Ты насъдѣвши во всѣхъ языцѣхъ* (Псал. 81, 8)! Страждетъ Твой народъ, Твоя Православная Церковь: яви ей правду и милость Твою! Не попусти хитрости человѣческой восторжествовать, вопреки Твоему благому промысленію о народахъ и царствахъ! Аще есть воля Твоя святая, благослови Царя нашего и народъ Его совершить подвигъ избавленія поработенныхъ, угнетенныхъ и избиваемыхъ братій нашихъ, и пріими какъ жертву чистую, какъ благовонное куреніе, нашу любовь къ страждущимъ и жертвы за нихъ приносимыя и уготовляемыя. Да будетъ народъ нашъ великъ и цари наши славны служеніемъ Твоей вѣчной правдѣ, истинѣ и любви. Аминь.

С Л О В О

при погребеніи

МОСКОВСКАГО КУПЕЧЕСКАГО СТАРШИНЫ

ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ВОСТАНДЖОГЛО ¹⁾.

Пріятни предъ Господемъ пѣтіе мужей
праведныхъ: ѿми же ѿ вразъи друзи быкаютъ
(Прит. 15, 28).

Есть замѣчательное явленіе въ жизни человѣческой, получившее силу какого-то неизбежнаго закона, по которому люди, болѣе или менѣе выдающіеся изъ среды обыкновенныхъ, становятся предметомъ самыхъ противоположныхъ сужденій: отъ однихъ встрѣчаютъ они одобреніе и даже восторженные похвалы, отъ другихъ—порицаніе, а иногда и неприязненные чувства и дѣйствія. Не трудно найти этому причины, но гораздо труднѣе найти способъ примиренія и соглашенія этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ и отношеній къ однимъ и тѣмъ же людямъ. Древній библейскій мудрецъ указываетъ этотъ способъ въ изслѣдованіи тѣхъ путей, по которымъ идутъ выдающіеся люди.

Если это пути *мужей праведныхъ*: то соглашеніе взглядовъ и отношеній къ этимъ людямъ возможно и легко. „Прі-

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, 18 декабря 1877 г.

ятны, говоритъ Премудрый, предъ Господомъ пути праведныхъ: они и враговъ дѣлають друзьями“.

Пути праведныхъ—это направленіе дѣятельности человѣческой по законамъ истины, любви, чести, справедливости. На этихъ путяхъ лучшіе люди стремятся къ цѣлямъ святымъ, достигаютъ ихъ средствами законными, во славу Божию и во благо человѣчества. Понятно, почему эти пути пріятны Господу. Но какъ они враговъ дѣлають друзьями? У истины ясно понятой, у правды сознанной, у любви почувствованной и испытанной—нѣтъ враговъ. Вражду или нерасположеніе мы чувствуемъ къ людямъ, въ которыхъ вмѣсто этихъ свойствъ замѣчаемъ ложь, своекорыстіе, злонамѣренность и другія вредныя и потому ненавистныя свойства, или же о дѣйствіяхъ которыхъ сомнѣваемся,—дѣйствительно ли они происходятъ изъ побужденій чистыхъ и направляются къ добрымъ цѣлямъ. При смѣшеніи въ насъ добра и зла, при соперничествѣ, борьбѣ изъ-за выгодъ и житейскихъ преимуществъ, при возбужденіи страстей, при общей склонности нашей къ сужденіямъ ошибочнымъ,—сомнѣнія эти могутъ быть преувеличены, а иногда и вовсе несправедливы,—и вотъ являются предубѣжденія, незаслуженныя порицанія, дурные слухи, клеветы и враждебныя дѣйствія. Здѣсь кроются причины гоненій, воздвигаемыхъ часто на людей истинно достойныхъ, причины невниманія современниковъ къ людямъ великимъ, которымъ впоследствии исторія отдаетъ справедливость. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ сами судящіе, порицающіе, преслѣдующіе далеки отъ путей праведныхъ; но пусть подойдутъ они ближе къ этимъ путямъ, пусть провѣрятъ по нимъ тщательно, но и съ сознаніемъ собственныхъ немощей, жизнь порицаемыхъ, а главное—пусть сами испытаютъ эту безкорыстную, исполненную трудовъ, борьбы и самоотверженія жизнь, требуемую путями правды и любви: тогда изъ враговъ они сдѣлаются искренними друзьями тѣхъ, кого порицали. Тогда и дѣйствительныя слабости, бывшія предметомъ ихъ нападокъ, можетъ быть, окажутся ничтожными предъ суммой истинно добрыхъ дѣлъ. Такой обзоръ жизни людей, память которыхъ, какъ особенно намъ дорогую, мы хотимъ сдѣлать любезною и для

всѣхъ, всего лучше дѣлается послѣ ихъ смерти. Смерть уноситъ человѣка съ нашего жизненнаго пути, встрѣчи и столкновения съ нимъ прекращаются; благоговѣнный страхъ предъ смертію и послѣднимъ рѣшеніемъ участи нашей на судѣ Божіемъ мгновенно погашаетъ всѣ движенія нашего самолюбія, заставляетъ забывать личные расчеты,—и предъ нами выступаетъ образъ почившаго отвлеченнымъ, освобожденнымъ отъ житейскихъ мелочей, въ своихъ существенныхъ, истинныхъ чертахъ: добро оказывается истиннымъ добромъ, а недостатки—неизбѣжною принадлежностью природы человѣческой.

Мы увѣрены, что таково будетъ общее впечатлѣніе, которое останется въ душѣ у всѣхъ насъ послѣ краткаго даже обозрѣнія существенныхъ свойствъ и почтенныхъ заслугъ оплакиваемого нами покойнаго Василия Михайловича.

Василій Михайловичъ былъ грекъ по происхожденію, родившійся въ Россіи. Слѣды этого происхожденія сохранились въ чертахъ его лица и въ живости его характера. Отъ добрыхъ родителей онъ получилъ тщательное христіанское воспитаніе. При достаточномъ общемъ научномъ образованіи, пополненномъ въ послѣдствіи чтеніемъ и кабинетными занятіями, и при основательныхъ познаніяхъ въ Священномъ Писаніи, въ исторіи Церкви и ея уставахъ, въ немъ сложился цѣльный нравственный характеръ христіанина, сознательно вѣрующаго, для соблазновъ невѣрія недоступнаго и искренно ревностнаго относительно дѣлъ вѣры и Церкви. Онъ зналъ хорошо древній греческій языкъ, могъ на немъ пользоваться по подлинникамъ писаніями великихъ отцовъ нашей Церкви, помнилъ на этомъ языкѣ множество церковныхъ пѣснопѣній,—и это сохранило въ немъ до конца жизни живое сочувствіе къ соплеменникамъ, въ Греческой Церкви и къ Востоку. Совершенно русскій человѣкъ въ душѣ, онъ въ этомъ сочувствіи къ отечеству своихъ предковъ и родителей находилъ только особое поприще для своей многосторонней дѣятельности. Это дѣлало его живымъ членомъ не только Русской, но и Вселенской Православной Церкви. Онъ велъ переписку съ іерархами Греческой Церкви, принималъ съ любовью пріѣзжавшихъ сюда съ Востока по церковнымъ нуждамъ, и помогалъ имъ

матеріальными средствами. Освобожденіе Восточной Церкви отъ ига невѣрныхъ было горячайшимъ его желаніемъ и предметомъ его молитвъ. Но это не уменьшало его любви и къ Церкви Русской. Какъ истый русскій человѣкъ, онъ любилъ участвовать въ построеніи и украшеніи святыхъ храмовъ. Въ качествѣ купеческаго старшины, онъ былъ главнымъ пособникомъ въ построеніи новой Церкви при московскомъ мѣщанскомъ училищѣ; какъ прихожанинъ, принялъ живое участіе въ обновленіи приходской Церкви; какъ добротный жертвователь и сотрудникъ, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ другихъ, принимавшихъ на себя трудъ храмозданія. Въ наше время многіе эту добродѣтель называютъ пристрастіемъ ко внѣшнему благолѣпію и усердіе къ храмозданію объясняютъ тщеславіемъ: примѣръ Василя Михайловича говорить иное. Изъ его дѣятельности видно, что это былъ только одинъ изъ лучей того свѣта, который называется искреннею вѣрой. Кто любитъ храмъ, тотъ любитъ Церковь Божию и отзывается на всѣ ея нужды и потребности. Василій Михайловичъ горячо принялъ къ сердцу нужды Православныхъ церквей и монастырей въ Западномъ краѣ послѣ бывшаго тамъ возмущенія, особенно Виленскаго женскаго монастыря, имѣющаго особую задачей содѣйствіе утверженію Православія въ краѣ путемъ воспитанія дѣвицъ.

Онъ принималъ дѣятельное участіе въ снабженіи бѣдныхъ церквей Витебской епархіи священными облаченіями и другими богослужебными принадлежностями, во время служенія въ этой епархіи преосвященнаго Саввы.

Онъ оказалъ большія услуги Православному Миссіонерскому Обществу при его открытіи и, какъ членъ его Совѣта, не взирая на множество своихъ занятій, неопустительно посѣщалъ его собранія, оживлялъ ихъ своимъ вниманіемъ ко всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ Совѣтъ, и своею одушевленною рѣчью. Надобно было видѣть его воодушевленіе при разсужденіяхъ объ устраненіи препятствій, задерживающихъ успѣхи миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, объ улучшеніи состоянія нашихъ бѣдныхъ миссіонеровъ, о необходимости усиленныхъ жертвъ для распространенія Православія въ

Японіи (на что онъ доставлялъ и весьма значительныя пособія) и тому подобное, чтобъ убѣдиться, что не пристрастіе къ обрядности, а истинная, многообъемлющая вѣра была душею его слова и дѣла въ пользу Церкви Христовой.

Многіе нынѣ думаютъ, что любовь къ Церкви, соблюдение ея уставовъ и попеченіе объ ея нуждахъ дѣлаютъ человѣка одностороннимъ, равнодушнымъ къ общему благу и успѣхамъ просвѣщенія и гражданственности. Это неправда. Можетъ встрѣтиться человѣкъ, у котораго при наклонностяхъ христіанскихъ не развитъ вкусъ къ научному образованію, не возбужденъ интересъ къ успѣхамъ гражданственности; могутъ встрѣтиться и въ обществѣ движенія, подъ именемъ успѣховъ просвѣщенія, не соотвѣтствующія строгому христіанскому взгляду, съ которыми не мирится чистое чувство христіанскаго благочестія; но чтобы просвѣщенный Православный христіанинъ чуждался истиннаго образованія и не желалъ отъ сердца всякихъ добрыхъ успѣховъ обществу и своему отечеству,—этого быть не можетъ. Не таковъ духъ Православной Церкви, чтобъ ея члены враждовали противъ гражданскаго преуспѣянія христіанскихъ обществъ. Примѣръ почившаго какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это понятіе объ истинномъ духѣ Православія. Можно ли указать какое либо изъ общественныхъ дѣлъ, которымъ бы не интересовался и которому бы не послужилъ, по мѣрѣ силъ своихъ, Василій Михайловичъ? Онъ оказалъ великія услуги дѣлу воспитанія—улучшеніемъ училищъ своего сословія,—дѣлу благотворительности и общественнаго благоустройства—расширеніемъ заведеній для призрѣнія бѣдныхъ, умноженіемъ благотворительныхъ капиталовъ Московскаго купеческаго общества, возвышеніемъ доходовъ съ его имущества; ни коммерческія учрежденія, ни новые пути сообщенія, ни частныя общественныя предпріятія для какой бы то ни было доброй цѣли,—ни что не было ему чуждо. Мы не имѣемъ нужды говорить объ этомъ подробно, потому что все это прекрасно высказано въ адресѣ, поднесенномъ покойному отъ Московскаго купечества въ 1875 году, который всѣ помнятъ, гдѣ между прочимъ сказано было Василю Михайловичу: „Энергія ваша не ослабля-

лась ни множеством возложенных на васъ правительствомъ и обществомъ обязанностей, ни разстроеннымъ неусыпною дѣятельностью здоровьемъ вашимъ. Горячими заботами вашими о благѣ общественномъ вы приобрѣли общее довѣріе, любовь и уваженіе“.

Но мы не можемъ не коснуться внутренней, нравственной стороны общественной дѣятельности покойнаго, обнаружившейся въ такихъ очевидныхъ и такъ торжественно засвидѣтельствованныхъ успѣхахъ. Василій Михайловичъ былъ богатъ, онъ могъ устроить себѣ жизнь тихую, покойную, со всѣми удобствами, какія даетъ нынѣ богатство и какихъ естественно требуетъ слабое здоровье, и, такъ сказать, на досугѣ, отъ лишнихъ средствъ и отъ избытка свободнаго времени оказаться и благотворителемъ бѣдныхъ, и полезнымъ членомъ своего сословія. Но вотъ этотъ богатый человѣкъ принимаетъ на себя на многіе годы личные, утомительные, раздражающіе труды и заботы. Въ домѣ, по утрамъ, продолжительный приѣмъ людей дѣловыхъ и безчисленнаго количества бѣдныхъ просителей; въ теченіе дня и вечера присутствіе во многихъ совѣтахъ, комитетахъ, обществахъ, въ нихъ продолжительныя разсужденія и пренія; разъѣзды по домамъ членовъ купеческаго сословія для личныхъ объясненій по дѣламъ; обширная переписка; наконецъ, необходимость о многомъ подумать и наединѣ, иногда и въ глубокую ночь, и съ потерю необходимаго покойнаго сна,—что все это, какъ не обреченіе себя въ жертву для блага другихъ, какъ не служеніе ближнимъ съ христіанскимъ самоотверженіемъ?

Многіе объясняли эту напряженную дѣятельность покойнаго честолюбіемъ. Нѣтъ! Безъ доброй души, безъ любви къ ближнему, безъ христіанскаго терпѣнія нельзя вынести такой жизни; на это честолюбія и искомыхъ имъ внѣшнихъ отличій—мало. Богатый честолюбецъ, безъ христіанскихъ свойствъ, скорѣе купитъ себѣ отличіе или награду, но не обречетъ себя на такіе труды. Это—*путь мужей праведныхъ*, а не честолюбцевъ. Самыя средства, которыми покойный достигалъ успѣховъ въ своей общественной дѣятельности,—это искусство соглашать множество разнородныхъ людей на осуществле-

ніе одной мысли, это умѣнье располагать на общую пользу громадными силами Московскаго купечества, это довѣріе, которымъ онъ пользовался,—свидѣтельствуютъ, что онъ обладалъ высшими умственными и нравственными силами, и ими дѣйствовалъ на другихъ. Мертвящее самолюбіе и честолюбіе ничего подобнаго не сдѣлаютъ.

Въ частной жизни покойный Василій Михайловичъ былъ добрый родственникъ, вѣрный другъ, гостепріимный хозяинъ. Обращеніе его носило на себѣ отпечатокъ его пылкаго характера: горячность, въ минуты гнѣва, или раздраженія, сто-кратно вознаграждалась его ласковостью, добродушіемъ и необыкновенною привѣтливостію. Бесѣда его была искренна и увлекательна. Въ немъ не было этой горделивости, которая, къ несчастію, такъ часто встрѣчается въ людяхъ, достигшихъ собственнымъ трудомъ высшаго положенія въ обществѣ, и которая даетъ себя такъ оскорбительно чувствовать товарищамъ, оставшимъ отъ нихъ на пути отличій. Онъ былъ и ласковъ въ обращеніи съ низшими. Духъ любви, благожелательства ко всѣмъ выражался въ его постоянной заботѣ отличить и поощрить наградами своихъ сотрудниковъ по разнымъ отраслямъ его общественной дѣятельности. Особенно поражала въ немъ всегдашняя готовность на всякую услугу и необыкновенное добродушіе и терпѣніе въ выслушиваніи и исполненіи просьбъ о призрѣніи бѣдныхъ дѣтей, или престарѣлыхъ во ввѣренныя ему заведенія. Его преслѣдовали этими просьбами каждый день на каждомъ шагу и онъ не выражалъ досады или утомленія людей занятыхъ, а только развѣ скорбь о томъ, что онъ не можетъ для всѣхъ сдѣлать всего, что желалъ бы сдѣлать. Но что уже разъ обѣщаль Василій Михайловичъ, того не забывалъ никогда, ни среди трудовъ и заботъ, ни въ болѣзни. Доказать расположеніе услугою—это было его удовольствіемъ.

Но можно сказать, все истинное, глубоко-христіанское настроеніе души покойнаго высказалось во время тяжелой и продолжительной его болѣзни. Онъ принималъ ее какъ волю Божію, съ покорностію и безъ ропота; мучительные припад-

ки переносилъ съ терпѣніемъ, и смотрѣлъ въ лицо приближающейся смерти мужественно и съ упованіемъ на милость Божію. Принимая съ благодарностію и послушаніемъ попеченіе о немъ врачей и родныхъ, и подчиняясь ихъ распоряженіямъ, онъ внутренно всего ожидалъ и надѣялся только отъ Господа. Въ перепискѣ съ друзьями изъ-за границы онъ просилъ молитвъ ихъ о себѣ; съ благодарностію и вѣрой принималъ и возлагалъ на себя посылаемыя ему отсюда священныя вещи, какъ знаменія милости и благословенія Божія. Душею онъ стремился сюда и жилъ здѣсь; здѣсь мысленно молился и, какъ только былъ въ силахъ, предавался обычнымъ своимъ христіанскимъ заботамъ о здѣшнихъ дѣлахъ: онъ просилъ не забыть пособіями его бѣдныхъ, размѣстить по богадѣльнямъ престарѣлыхъ, о которыхъ былъ прошенъ, отсылать неупустительно пожертвованія въ монастыри, передать его сожалѣніе и сочувствіе болящимъ надзирателямъ и учителямъ училищъ, позаботиться о нихъ и замѣнѣ ихъ людьми способными. Изумительна была обширность его переписки изъ-за границы. Всѣхъ знакомыхъ онъ вспоминалъ, привѣтствовалъ во дни праздничныя и выражалъ всѣмъ такія искреннія, такія трогательныя чувства любви и благожеланія.

Не судилъ Господь ему предъ кончиной взглянуть на горячо любимую имъ родину и друзей, а намъ видѣть еще разъ хотя бы бранные его останки. Въ закрытомъ гробѣ его тѣло, въ другомъ мірѣ душа его; но такъ много было въ немъ душевной и нравственной силы и жизни, такъ крѣпко напечатлѣлся въ нашемъ воображеніи и памяти его любезный образъ, что какъ будто сейчасъ видишь его предъ собой, какъ будто слышишь его задушевную рѣчь.

Съ особенною живостію и съ благодарностію вспомнить о немъ тѣ, которые были воспитаны, устроены, успокоены его любовію и попеченіемъ; вспомнить съ чувствомъ великой утраты находившіе у него помощь и поддержку въ дѣлахъ церковныхъ и патріотическихъ; вспомнить съ благо-

дарностію общественные дѣатели, пользовавшіеся его свѣтлымъ умомъ и ревностію къ дѣлу; вспомнить съ сожалѣніемъ и тѣ, которые, по Писанію, *судя прежде времени*, относились къ нему съ сомнѣніями и недовѣріемъ.

Помолимся о немъ всѣ искренно и единодушно, да проститъ ему Господь его прегрѣшенія и упокоитъ въ вѣчныхъ обителяхъ его любящую трудолюбивую душу. Аминь.

РѢЧЬ

произнесенная

ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ

МОСКОВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

АРХИМАНДРИТОМЪ АМВРОСИЕМЪ,

при нареченіи его во епископа Можайскаго, викарія московской епархіи, января 13 дня 1878 года.

Святѣйшіе отцы!

Въ совокупномъ дѣйствіи воли и власти священно-начальственной и Самодержавной, относительно призванія меня, недостойнаго, на высокое служеніе Церкви Божіей, съ благоговѣніемъ признаю волю Божію. Приемлю званіе съ сердечною покорностію, но и съ великимъ страхомъ.

Это чувство страха предъ великою отвѣтственностію епископскаго служенія, столь естественное для призываемыхъ къ нему во всякое время, особенно увеличивается трудностями нашего времени.

Церковь во внутренней своей жизни никогда не имѣетъ совершеннаго мира: борьба со врагами спасенія рода человѣческаго—ея призваніе, въ борьбѣ обнаруживается ея сила, въ побѣдѣ—ея торжество и преуспѣаніе. И не то страшно, когда много у нея враговъ, даже не то, когда враги ея особенно сильны, за нее борется и побѣждаетъ Господь Всемогушій, а то, когда враги перемѣшиваются съ друзьями и распознаются

съ трудомъ. Затѣмъ, всего страшнѣе, когда эти враги дѣйствуютъ не извнѣ, не изъ-за ограды Церкви, а въ ней самой, въ ея нѣдрахъ.

Это именно несчастье и испытываетъ въ настоящее время Православная Церковь. Я видѣлъ всю силу этого бѣдствія въ двадцать девять лѣтъ моего священническаго служенія.

Въ нашемъ обществѣ наука, въ смыслѣ современныхъ философскихъ воззрѣній, получила силу авторитета высшую, чѣмъ самая Вѣра Христова, и чрезъ своихъ поборниковъ и служителей, носящихъ, какъ и всѣ, имя христіанъ Православныхъ, стала проводникомъ ложныхъ идей всякаго рода. Оттого у насъ называются *христіанами* и материалисты, отвергающіе бытіе Бога и міра духовнаго; называются *отррьющими* даже тѣ, которые не признаютъ *Христа во плоти пришедша* (1 Иоан. 4, 3), оттого у насъ никто не удивляется, когда слышитъ отъ людей ученыхъ о Божественномъ Откровеніи, о Лицѣ Иисуса Христа, о дѣлахъ Божіихъ въ домостроительствѣ нашего спасенія, о Св. Таинствахъ, объ уставахъ и законоположеніяхъ Церкви такія сужденія, въ которыхъ господствуетъ гордыня, произволь и дерзкое отрицаніе. Изъ общества такихъ ученыхъ въ массы людей полубразованныхъ течетъ широкая, мутная, заразительная струя ложныхъ мыслей, софизмовъ и полуистинъ, сообщающая послѣднимъ мнимыя основанія для возраженій противъ ученія Церкви, а въ сущности только поводы для грубаго глумленія надъ ея учрежденіями. Все это дѣйствуетъ разрушительно на цѣльность христіанскихъ убѣжденій даже въ простыхъ, добрыхъ чадахъ Православной Церкви и порождаетъ въ душахъ ихъ сомнѣнія и колебанія, вредяція твердости и силѣ вѣры. Такимъ образомъ, мы теряемъ день ото дня больше то единеніе въ духѣ, мысляхъ и словахъ, которое хранитъ Ап. Павелъ умоляетъ именемъ Господа Иисуса Христа (1 Коринѣ. 1, 10). Что же? Выражая эти жалобы, хотимъ ли мы стѣснить свободу знанія, свободу убѣжденій? Нѣтъ, но только отдѣлать ясною чертой современныхъ язычниковъ и полухристіанъ отъ христіанъ Православныхъ. Какъ эту черту положить,—вотъ великая забота епископовъ.

За необузданною свободой мысли, вошедшею въ нѣдра Церкви, какъ естественное послѣдствіе, вошла ложно понятая *свобода совѣсти*. По этой свободѣ нынѣ всякій почитаетъ себя въ правѣ дѣлать все, что только способна вынести его совѣсть. Отсюда пренебреженіе не только къ такъ-называемымъ воспитательнымъ постановленіямъ Православной Церкви, каковы: правила о говѣніи, праздники, богослуженія, посты и т. п., но и къ самымъ Заповѣдямъ Божиимъ. Отсюда гласныя незаконныя сожитія, столь частыя расторгенія христіанскихъ браковъ, стремленія къ противуестественнымъ союзамъ въ близкомъ родствѣ, возмущенія дѣтей противъ родителей, открытый развратъ молодыхъ людей, крупныя похищенія, отъ которыхъ не знаютъ какъ защититься общественныя учрежденія и т. п. И что всего ужаснѣе, примѣры такихъ пороковъ начинаютъ губительно дѣйствовать на самыя народныя массы, угрожая быстрымъ развращеніемъ народной нравственности, а затѣмъ и утратою народной силы.

Противъ такого губительнаго потока бессильно научное просвѣщеніе: оно плодитъ одни познанія, а съ ихъ накопленіемъ, безъ содѣйствія другихъ духовныхъ силъ, по слову Апостола, питаетъ только гордость ума (1 Кор. 8, 1); бессильна власть государственная: она не проникаетъ въ область совѣсти и внутреннюю жизнь духа. Здѣсь сильна только Церковь, со своею проповѣдью и, тамъ гдѣ проповѣдь не приѣмлетъ, со своею властію. Только эта власть, разрѣшающая и связующая, раздающая дары благодати Божіей и удерживающая ихъ, можетъ положить черту, раздѣляющую вѣрныхъ чадъ Церкви и ея отступниковъ; только духовный опытъ лишенія даровъ благодати можетъ вразумлять тѣхъ, кого не вразумляетъ слово ученія. Но къ великому бѣдствію Православной Церкви за чужія вины, за вины папства, и эта богодарованная власть окружена различными сомнѣніями и подозрѣніями со стороны не только враговъ Православной Церкви, но даже и благожелательныхъ ея членовъ, такъ что сама эта власть предъ современнымъ движеніемъ останавливается въ недоумѣніи. Что же дѣлать? Будемъ дѣлать, что можемъ.

Молю васъ, святѣйшіе отцы и досточтимые братія, помолитесь о мнѣ недостойномъ Верховному Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу, да даруетъ и мнѣ нѣкоторую долю участія въ этомъ великомъ дѣланіи во благо Церкви Его, и ниспошлетъ духа ревности растворяемой Его Божественною кротостію и любовію. Да позволено будетъ мнѣ въ эту торжественную для меня минуту обратиться особо къ моему отцу по духу, архипастырю Московскому. Ты, человѣкъ Промысла, трудившійся для Церкви Божіей по примѣру св. Апостоловъ, въ нуждѣ, лишеніяхъ и злостраданіяхъ, силою своего духа и вѣры овладѣлъ моею душой, и въ одиннадцатый часъ моей жизни увлекъ меня на предстоящее дѣланіе въ вертоградѣ Христовомъ. Помолись же, да не лишень буду отъ господина вертограда динарія, даруемаго и позднимъ дѣлателямъ (Матѣ. 20, 9), да по мѣрѣ моихъ грѣховъ и недостойнства преизбыточествуетъ во мнѣ благодать Христова (Римл. 5, 20) и по мѣрѣ трудностей меня ужасающихъ *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, суубъ во мнѣ* (4 Цар. 2, 9).

РѢЧЬ

произнесенная

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ПРИ ВСТУПЛЕНИИ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

въ Московскій Успенскій соборъ, по возвращеніи изъ похода въ Турцію, 20 Ноября 1878 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Господь даровалъ Москвѣ радость привѣтствовать Тебя, увѣнчаннаго новымъ вѣнцомъ челоуѣколюбія и славы.

Всѣ мы мыслию и сердцемъ слѣдовали за Тобою въ трудное время Твоего подвига для освобожденія страждущихъ христіанъ Востока. Мы трепетали за Твое здравіе среди множества опасностей, такъ долго Тебя окружавшихъ. Мы молились о преодоленіи встрѣченныхъ Тобою затрудненій и препятствій. Мы несказанно радовались и благодарили Бога за Твои блистательныя побѣды.

Великое дѣло совершилъ Ты, Государь! Нынѣ молимъ мы Господа, да ниспошлетъ Тебѣ утѣшеніе—высшее утѣшеніе душъ великихъ—видѣть совершенно благоустроенными и счастливыми всѣхъ тѣхъ, за кого Ты подвизался.

РѢЧЬ

по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Е. ЩУРОВСКАГО

27 АВГУСТА 1878 ГОДА.

Мм. Гг!

Я уже имѣлъ честь привѣтствовать досточимаго юбиляра, какъ служитель религіи; теперь желалъ бы сказать ему привѣтственное слово въ качествѣ любителя науки. Прошу позволенія сказать это слово тотчасъ по приглашеніи этихъ громкихъ, восторженныхъ благожеланій Великому Государю нашему. Я полагаю, что не одни только чувства вѣрноподанической любви и преданности, но и самое содержаніе нашего праздника обращаютъ насъ къ благоговѣйной мысли о Государѣ нашемъ.

Всякій праздникъ, подобный настоящему, въ наше время имѣеть не только общественное, патріотическое, но и государственное значеніе. Служители науки лучше всѣхъ знаютъ и не безъ причины гордятся тѣмъ, что изъ ея области, изъ ея нѣдръ исходятъ въ наше время всѣ разнообразныя направленія въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ лицъ, и даже въ самыхъ учрежденіяхъ, законахъ, преобразованіяхъ и во всѣхъ родахъ дѣятельности, обнимающихъ во всей широтѣ жизнь просвѣщенной части челоувѣчества. Велика въ этомъ отношеніи честь наукъ и ея

служителямъ; но велика и лежащая на нихъ отвѣтственность. Они отвѣтственны за благоденствіе массъ, за счастье семействъ, за благотворность учреждений, за честное исполненіе законовъ, за спокойствіе царей и правителей. Посему изъ такихъ собраній, гдѣ празднуется торжество науки, восхваляются славные подвиги и успѣхи ея знаменитыхъ дѣятелей, естественно обращаться мыслию къ широкому полю жизни, гдѣ результаты науки получаютъ практическое приложеніе и приносятъ свои плоды: все ли тамъ идетъ такъ прекрасно, какъ предполагалось въ кабинетѣ ученаго.

Я не боюсь омрачить радости праздника указаніемъ на печальныя явленія, обнаруживающіяся въ послѣднее время въ нашемъ семейномъ и общественномъ быту. Дума такъ сродна ученому, что и среди шира печать ея не сходитъ съ его чела; рѣчь о благѣ человѣчества составляетъ для него лучшую приправу праздничной трапезы и веселыхъ бесѣдъ. И вотъ дума, врывающаяся силой на нашъ праздникъ: откуда могли произойти на святой Руси, въ странѣ мира, покорности, любви, самоотверженія, тѣ печальныя явленія, которыя недавно возмутили всѣхъ насъ и которыя показываются не въ первый разъ? Какъ въ народѣ умномъ, отличающемся здравымъ смысломъ, который издавна зоветъ ученье свѣтомъ, а не ученье тьмою, могли явиться во имя науки, отъ людей, называющихъ себя учеными, такія темныя дѣла, которыя возбуждаютъ въ народѣ предубѣжденія противъ самой науки, а къ ученымъ недовѣріе? Отвѣчать на это обязаны не власти, не законодатели и не общество, а сами ученые. Имъ, привыкшимъ до самыхъ глубокихъ началъ, изъ которыхъ исходятъ частныя и разнообразныя явленія жизни, свойственно не только отыскивать, но и называть по имени источники, изъ которыхъ течетъ добро или зло.

Признаемся же наконецъ, что за исключеніемъ немногихъ разрозненныхъ политическихъ увлеченій, бывшихъ въ прежнее время, только съ появленіемъ у насъ въ наукѣ и съ распространеніемъ въ обществѣ матеріализма и позитивизма, отвергающаго духовныя и нравственныя начала, явилось и зло, которому мы свидѣтели. Доказывать это излишне; мы всѣ

это видимъ своими глазами. Перемѣна этого направленія въ наукѣ на иное, болѣе соответствующее природѣ человѣческой, есть и единственное средство врачеванія тѣхъ общественныхъ недуговъ, отъ которыхъ мы страдаемъ. Материализмъ, какъ философское направленіе, уже завершилъ свой кругъ, дошелъ до своихъ крайностей; онъ сталъ противенъ и нашему народу. Народъ ждетъ перемены въ направленіи науки; онъ въ правѣ надѣяться отъ своихъ ученыхъ людей не повторенія чужихъ заблужденій, а мышленія твердаго, самостоятельнаго, міросозерцанія полного и всесторонняго.

Говорятъ: „науки точныя не ведутъ насъ къ признанію началъ духовныхъ; естествознаніе не уживается съ христіанскою нравственностію“. Неправда. Вотъ живое доказательство противнаго,—знаменитый юбиляръ, котораго мы чувствуемъ нынѣ. Мы слушали и еще съ радостію будемъ слушать перечень его заслугъ въ естествознаніи, который будетъ еще предложенъ людьми способными цѣнить ихъ, и чѣмъ полнѣе будетъ ихъ описаніе, тѣмъ яснѣе будетъ доказано, что его вѣра и благочестіе, составляющія основанія его нравственной жизни, не мѣшали, а могли только содѣйствовать его ученымъ трудамъ и успѣхамъ; а затѣмъ и безъ доказательствъ будетъ ясно, что его столь всѣмъ любезный, кроткій, пріятный нравъ, его сосредоточенность, скромность, безкорыстіе, любовь—суть всецѣло плоды христіанскаго настроенія. На него надо любоваться какъ на живой памятникъ лучшаго времени нашего просвѣщенія, когда оно утверждалось на иныхъ началахъ, когда оно не было блестящимъ, но было благотворнымъ.

Ваша почтенная личность, Григорій Ефимовичъ, да убѣдитъ нашихъ ученыхъ иного склада, что кромѣ внѣшняго, *осязательнаго* опыта, есть опытъ внутренно *ощущаемый*, опытъ духовнаго самоусовершенствованія; что рядомъ съ физическою необходимостію поддерживать свою жизнь и благосостояніе, въ человѣкѣ существуетъ необходимость искать внутренняго счастья въ добродѣтели и мирѣ совѣсти; что вмѣстѣ съ невозможностію идти противъ законовъ внѣшней

природы человекъ чувствуетъ внутреннюю невозможность возвышаться до побѣды надъ пороками и страстями, до дѣлъ чистой любви, до подвиговъ истиннаго самоотверженія— безъ вѣры въ Бога и вѣчную жизнь. Да будетъ вашъ настоящій праздникъ моментомъ благопріятнаго поворота въ воззрѣніяхъ нашихъ молодыхъ ученыхъ ко благу нашего народа, на утѣшеніе нашего Великаго Государя.

РѢЧЬ

ПРИ ПОМИНОВЕНІИ (ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ)

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА

Н. В. М Е З Е Н Ц Е В А.

12 СЕНТЯБРЯ 1878 ГОДА.

Для многихъ изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, былъ близокъ по сердцу покойный Николай Владиміровичъ; но многіе, не знавшіе его лично, пришли помянуть его только по чувству христіанскаго и гражданскаго долга. Однимъ жаль его какъ лично для нихъ дорогаго человѣка, другимъ—какъ невинную жертву закланную за благо отечества. Но у тѣхъ и другихъ одинъ вопросъ на умѣ, вопросъ мучительный: за что погибъ человѣкъ?

Сердце вѣрующее само скажетъ въ утѣшеніе скорбящему объ его утратѣ: онъ не погибъ; у него прежде времени отнята земная жизнь, но за его насильственную смерть ему уготовано вѣчное воздаяніе. Онъ умеръ какъ часовой на передовомъ посту, убитый изъ-за куста подкравшимся врагомъ; его доля съ воинами положившими жизнь за Царя и отечество; разность въ томъ, что онъ убитъ на войнѣ съ врагами не внѣшними, а внутренними. Но не такъ легко разрѣшается вопросъ: по чьей же винѣ возмущается спокойствіе отечества? По чьей винѣ нашли въ немъ мѣсто эти тайные враги? На комъ лежитъ отвѣтственность за преждевременную смерть этихъ невинныхъ жертвъ?

На всѣхъ насъ. Заботливый хозяинъ, по притчѣ Евангельской, когда ожидаетъ вора, бдитъ и не даетъ подкопать

дома своего (Матѣ. 24, 43); но мы не бодрствовали, когда было нужно. И вотъ, въ нашъ крѣпкій домъ, въ нашъ богатый домъ забрались воры и расхитили наше лучшее достояніе.

Мы имѣли вѣру цѣльную и глубокую въ Божественность христіанства и спасительную силу Церкви: намъ втолковали, что вѣра наша невѣжественная, непросвѣщенная—и мы, какъ робкіе школьники, согласились съ этимъ, не замѣчая того, что въ основаніи нашей вѣры лежали двѣ глубочайшія истины: безконечное превосходство христіанства предъ человѣческими ученіями и превосходство Православія предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями. И вотъ, набросились на насъ сначала непрошенные учителя чуждыхъ намъ религій, отъ которыхъ такъ мужественно защищались наши предки, и перепутали наши религіозныя понятія; а потомъ и проповѣдники ложныхъ ученій разума, подорвавшіе искренность самой вѣры.

Мы имѣли утвержденную вѣрами, съ божественною мудростію устроенную систему нравственнаго воспитанія, которая отъ рожденія до могилы ведетъ человѣка къ духовному совершенству однимъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ страха Божія. Она давала намъ чистыхъ и почтительныхъ юношей, кроткихъ и стыдливыхъ дѣвицъ, вѣрныхъ супруговъ, покорныхъ властямъ гражданъ, несравненныхъ воиновъ; она давала намъ мужей праведныхъ, доблестныхъ подвижниковъ во всѣхъ родахъ добродѣтели. Насъ успѣли увѣрить, что мы отсталые люди,—и вотъ европейскіе руководители принялись дѣлать надъ нами опыты приложенія разныхъ теорій воспитанія. Намъ подмѣнили золото христіанской нравственности мишурою вишняго образованія. Съ каждымъ днемъ стали умножаться ряды людей образованныхъ, и начали рѣдѣть съ каждымъ днемъ ряды людей честныхъ, безкорыстныхъ, правдивыхъ, мужественныхъ; мы вдругъ, какъ будто пробудившись отъ сна, замѣтили и съ изумленіемъ восклицаемъ: „людей нѣтъ!...“ Но за то много вырождковъ, произведенныхъ искусственными теоріями воспитанія, не похожихъ ни на свой народъ и ни на какой другой народъ въ мірѣ.

Мы имѣли пріобрѣтенное подѣ вліаніемъ Церкви, добрыхъ преданій и навыковъ, а главное, подѣ руководствомъ Божіей благодати, то духовное настроеніе, которое называется *духовнымъ опытомъ*, которое полагаетъ задатки внутренняго преуспѣянія, мира и счастья. Мы любили все то, что питаетъ это духовное настроеніе, всѣ памятники вѣры, всѣ святыни, съ давнихъ временъ народомъ чтимыя, и наша родина имѣла имя: *Русь святая*. Съ утратою духовнаго настроенія, сообщаемаго вѣрою, наша родина стала для многихъ изъ насъ только мѣстомъ рожденія, питанія, жительства,—и вотъ потянули русскіе люди въ чужія страны, гдѣ живется прівольнѣе, и явились наши космополиты, ненавистники родной земли.

Мы имѣли и философовъ, владѣвшихъ обширнѣйшими познаніями въ древней и новой философіи, которые умѣли отличить истинныхъ философовъ міра до-христіанскаго и лжефилософовъ новаго времени, которые умѣли развивавать въ юношахъ до высокой степени силу мышленія, обогащать умы ихъ познаніями въ этой *наукѣ наукъ*, и приводить ихъ ко Христу *въ послушаніе вѣры*. Мы не замѣтили этихъ отечественныхъ мужей науки; мы искали въ Европѣ послѣдняго слова философіи и за то видѣли, какъ предѣ нами проходили поколѣнія шеллингистовъ, гегелистовъ, реалистовъ, матеріалистовъ, социалистовъ... Теперь наши молодыя поколѣнія не узнаютъ другъ друга, не въ силахъ оцѣнить по достоинству усвоенныя ими ученія, выбраться изъ противорѣчій, прийти къ единству воззрѣній и убѣжденій, и въ этомъ смыслѣ они даютъ намъ ясное понятіе о томъ, что такое *царство раздѣльшееся на ся*.

Весь міръ признаетъ народъ нашъ даровитымъ, любознательнымъ, на все способнымъ. При этихъ достоинствахъ ему внушено было Церковію высокое понятіе о наукѣ, о просвѣщеніи, о книгѣ. И просвѣщать бы намъ его дѣйствительною наукою, обогащать бы полезными знаніями; а мы все спѣшимъ, вмѣсто любознательности, удовлетворять его любопытство, давать чтеніе пріятное, легкое и достигли того, что извратили вкусъ читающихъ, пріучили къ умственной праздно-

сти: развели писателей, собирающихъ уличную грязь, читателей, жаждущихъ скандаловъ; а болѣе приличная часть литературы продолжаетъ наводняться ложными мыслями, картинами искусственной жизни, раздражающими страсти, возбуждающими требовательность и притязательность. Чего же добраго ждать отъ молодыхъ поколѣній, возрастающихъ подъ такими вліяніями?

Событія послѣдней Восточной войны показали истинныя свойства и истинную силу нашего народа. Ученые новаго времени называютъ эти силы стихійными, какъ буря, какъ наводненіе,—а мы называемъ нравственными, какъ героизмъ, воодушевленіе, соединенное съ сознаниемъ высокой цѣли, безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Ясно, что основы народной жизни еще крѣпки, есть къ чему вернуться, есть на что опереться, еще есть кѣмъ взяться.

Думайте, русскіе люди!

РѢЧЬ

воспитанникамъ московской духовной семинаріи

ПО СЛУЧАЮ

ПРАЗДНОВАНІЯ ГОДОВЩИНЫ ОТКРЫТІЯ СЕМИНАРІИ,

8 ноября 1878 года.

Любезные юноши!

Въ молодости всѣ мы любимъ уноситься мыслию за предѣлы школы, въ жизнь общественную, отыскивая себѣ въ шумной толпѣ людской мѣсто для дѣятельности и рисуя въ мечтахъ яркими красками счастливую будущность. Вы знаете, что это значитъ—создавать себѣ идеалы предстоящей общественной жизни и дѣятельности. Знаете также, что подъ вліяніемъ господствующихъ идей нашего вѣка, эти идеалы у большинства молодыхъ людей не поднимаются высоко надъ землею и облакаются большею частію въ представленія удобствъ, роскоши и наслажденій земной жизни. Даже у многихъ ревнителей общаго блага они ограничиваются планами и проектами общественнаго благоустройства въ смыслѣ приобрѣтенія для массъ тѣхъ же удобствъ жизни.

Судя по христіанскимъ началамъ, на которыхъ зиждется ваше воспитаніе и складывается ваше духовное настроеніе, вы не можете, не обманывая самихъ себя, довольствоваться такими идеалами. Благородство сердца, сообщаемое христіан-

ствомъ, побуждаетъ юношу изъ богатства молодыхъ силъ *дать* вкладъ въ общественную жизнь, а не *взять* только у нея для себя удобства и наслажденія; сначала внести въ нее свою долю талантовъ, знанія и труда, а не разсчитывать напередъ, гдѣ лежитъ и у кого могу я взять мою долю тѣхъ средствъ, на которыя приобрѣтаются наслажденія жизни.

Тѣмъ не менѣе этотъ духъ времени оказываетъ гибельное вліяніе на наши духовно-учебныя заведенія. Наши юноши бѣгутъ на распутія свѣта, дарованія похищаются у Церкви. Ея Божественное величіе, ея высокія цѣли, ея внутреннія силы, ея борьба съ духовными врагами человѣчества перестаютъ вдохновлять нашихъ молодыхъ людей, и рвеніе служить высшимъ нравственнымъ интересамъ человѣчества у многихъ изъ нихъ замѣняется мелкими, но страстными желаніями изъ скромной среды своего сословія выбиться въ среду людей богатыхъ, нарядныхъ, веселящихся—повидимому, и большею частію только *повидимому* счастливыхъ.

Правда, бытъ нашего духовенства съ внѣшней стороны непривлекателенъ: въ большинствѣ оно бѣдно, улучшение быта ему не удастся; но почему не удастся? Не потому ли именно, что за это улучшение мы не съ того конца беремъ? Мы именно хотимъ отъ народа *взять*, не заботясь прежде ему *дать*, то есть, по слову Апостола, *посвятить въ него духовное, чтобы пожать отъ него тѣлесное* (I Кор. 9, 11).

Простой народъ нашъ самъ бѣденъ; его сокрушили пороки, его поработили грубыя страсти. Поработаемъ для его духовнаго просвѣщенія, отрезвленія, для исправленія гнетущихъ его недостатковъ, и первая дань его благодарности внутренней и внѣшней будетъ принесена намъ. Но высшее утѣшеніе для общественнаго дѣятеля не въ благодарности тѣхъ, кому онъ служитъ, а въ сознаніи самаго достоинства дѣла. Эта высокая цѣль—послужить духовному возрожденію нашего народа, вывести его изъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту просвѣщенія, изъ темныхъ дебрей расколовъ и сектъ къ единенію въ духѣ вѣры и любви въ лонѣ Церкви Христовой,—развѣ это не свѣтлая черта для юношескаго идеала, развѣ

*Всѣмъ членамъ
К. К. К.
С. С. С.
В. В. В.
Г. Г. Г.*

это не способно вдохновить самую даровитую душу, самое благородное сердце?

Наши передовыя сословія, устремившись съ жаромъ къ научному образованію и уклонившись въ направленіи ума и жизни отъ немерцающаго свѣта вѣры и спасительнаго руководства Церкви, уже вкусили довольно горькихъ плодовъ отъ древа познанія добра и зла, и въ лучшей своей части ищутъ врачеванія. Указать имъ возможность совмѣщенія и внутреннюю связь искренней вѣры со здоровыми научными познаніями, современныхъ усовершенствованій съ вѣчными началами духовной жизни, наслажденій съ добродѣтелью, труда и борьбы съ миромъ сердца—это дѣло наше. И какъ много нынѣ отъ лучшихъ людей нашего образованнаго общества обращено къ намъ вниманія и уваженія! Развѣ это не свѣтлая черта для юношескаго идеала—сдѣлать себя достойнымъ этого вниманія, нужнымъ, полезнымъ, желательнымъ для людей лучшихъ, и послужить ихъ истинному благу и счастію? А развѣ не великая идея, не высокая для насъ цѣль—содѣйствовать возстановленію въ народѣ русскомъ той цѣльности, того единства воззрѣній и стремленій отъ высшаго слоя до низшаго, какимъ онъ отличался въ старину, съ тою только великою разницею, что это единеніе будетъ основано не на преданіи только и обычаяхъ, какъ было прежде, а на истинномъ просвѣщеніи и сознательномъ убѣжденіи, какъ требуется и какъ возможно нынѣ? О, здѣсь есть чѣмъ вдохновиться, есть за что не только удобствами жизни пожертвовать, но и жизнь положить!

Но кромѣ этихъ подлежащихъ намъ великихъ задачъ, сколько другихъ свѣтлыхъ сторонъ въ нашемъ служеніи! Потрясать сердца человѣческія силою слова, овладѣвать искреннимъ довѣріемъ и любовью людей, вливать утѣшеніе въ скорбящія души, высвободить духовныхъ плѣнниковъ изъ рабства страстей, изрекать виновному и унывающему прощеніе и миръ отъ имени Божія,—развѣ это не истинныя утѣшенія, не высочія наслажденія?

Молодость не вѣрить, что нельзя быть счастливымъ одними вышними наслажденіями; она знаетъ не хочетъ, что

жизнь коротка, что истинное счастье, или задатки вѣчной жизни, только въ честномъ трудѣ, въ служеніи Богу и благу человѣчества. Но это истины, неотразимыя истины. Какъ убѣдить васъ въ нихъ, какъ привить ихъ къ сердцамъ вашимъ? Только сами вы можете этого достигнуть—ученіемъ, размышленіемъ, а вѣрнѣ всего—ежедневнымъ углубленіемъ въ слово Божіе и сердечною молитвой къ Богу.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

И ПО СЛУЧАЮ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА СЪ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТОЙ ¹⁾.

Воскресни Бже, сди земли: яко Ты на-
слѣдиши ко всѣмъ языцѣмъ (Псалом. 81, 8).

Въ многознаменательный день девятнадцатаго февраля сердца наши бились робкимъ, трепетнымъ ожиданіемъ вѣсти о заключеніи міра. Вѣсть эта въ то время не пришла къ намъ. Но въ этотъ самый день въ землѣ вражеской, въ землѣ пятивѣковыхъ страданій христіанъ, нашихъ братій, въ землѣ мученическихъ подвиговъ и славныхъ побѣдъ нашего доблестнаго воинства, подъ стѣнами завѣтнаго Царяграда, былъ подписанъ этотъ миръ, совершенъ этотъ великій актъ освобожденія христіанъ Востока. На другой день, когда была получена эта радостная вѣсть, мы, служители Церкви, могли только вмѣстѣ съ вами въ горячей молитвѣ принести благодареніе Господу и не успѣли почтить великое событіе словомъ церковнымъ. Но есть еще время: настоящій праздникъ, въ честь Государя Наслѣдника Цесаревича, доблестнаго Сподвижника Державнаго Родителя Своего въ великомъ дѣлѣ освобожденія

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ, 26 февраля 1878 г.

нія христіанъ, какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ нашей бесѣдѣ.

Что же можемъ мы высказать по этому предмету съ церковной кафедры, кромѣ чувства радости, что Господь призрѣлъ на великую страждущую часть Своей Церкви, что возбудилъ въ сердцѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего скорбь о ней и вдохнулъ въ Него духъ ревности объ избавленіи ея отъ ига невѣрныхъ, что благословилъ Его оружіе побѣдами и Его усилія успѣхомъ? Что скажемъ больше этого? Высшіе патріотическіе порывы нашего народа, подвиги нашего воинства, міровое значеніе совершившагося событія, его плоды въ будущемъ, современное политическое состояніе международныхъ отношеній, наши надежды и опасенія по поводу этихъ отношеній,—все это внѣ круга церковныхъ поученій, все это по справедливости почитается достояніемъ мужей государственныхъ и людей науки и публичнаго печатнаго слова.

Но потому-то Божественное Откровеніе, проповѣданію котораго мы служимъ, и называется Божественнымъ, что въ немъ лежатъ основы для вѣрнаго обсужденія и оцѣнки всевозможныхъ положеній частныхъ людей, народовъ и цѣлаго міра; въ немъ сѣмена всякихъ благихъ мыслей, дѣлъ и подвиговъ человѣческихъ; изъ него заранѣе почерпаются людьми вѣрующими предчувствія успѣха и упроченія всякихъ благихъ дѣлъ, такъ же какъ и опасенія праведнаго наказанія въ будущемъ за всякое зло, совершаемое частными лицами и цѣлыми народами.

Хотите ли видѣть съ высшей, Богооткровенной точки зрѣнія обсужденіе политическаго положенія Европы за послѣднее время и значеніе, какое имѣетъ оконченная нами война на вѣсахъ высшей мудрости и правды? Раскройте *Псалтирь* и остановитесь на псалмѣ восемьдесятъ первомъ.

Онъ начинается словами: „Богъ сталъ въ сонмѣ боговъ; среди боговъ произнесъ судъ“. Боги—это властители земные, которымъ Господь удѣляетъ часть Своей верховной власти и Своего промысленія о благѣ человѣчества. Ихъ Онъ избираетъ на высокое царственное служеніе, имъ даетъ права власти и суда, жизни и смерти; ихъ дѣлаетъ орудіями для

исполненія Своихъ предназначеній и судьбъ, отдавая во власть ихъ силы народовъ; руководить ихъ Своею премудростію, подрѣпляеть Своимъ всемогуществомъ, желаетъ быть близко къ нимъ, какъ къ Своимъ споспѣшникамъ въ дѣлахъ міроуправленія, и потому говорить имъ: „вы—боги и сыны Всевышняго“ (6). Итакъ, Богъ сталъ въ сонмѣ царей, Богъ произнесъ судъ,—это значитъ, что бываютъ времена въ исторіи рода человѣческаго, когда Верховный Властитель и Судія даетъ чувствовать властителямъ земнымъ Свою волю и событіями изрекаетъ имъ Свой велѣнія, напоминая имъ въ то же время и ихъ обязанности, потрясая ихъ сердца и совѣсти и давая чувствовать всему міру, что въ данныя минуты отъ нихъ нужно ждать исполненія законовъ правды Божіей.

Что же говорить царямъ земнымъ Верховный Судія?... „Доколѣ вы будете судить несправедливо и оказывать лицепріятіе нечестивымъ? Давайте судъ бѣдному и сиротѣ; угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бѣднаго и нищаго; исторгайте его изъ руки нечестивыхъ“. Не былъ ли слышенъ всѣмъ намъ этотъ голосъ Божій при первыхъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ? Бѣдные, нищіе, угнетенные пятисотлѣтнимъ варварскимъ игомъ христіане въ Герцеговинѣ рѣшили силою оружія искать своей свободы, права собственности и чести. Никто не спорилъ объ ихъ правахъ, но и въ успѣхъ ихъ никто не вѣрилъ. Два года едва замѣтно свѣтилась брошенная съ неба искра, ее топтали ногами,—но она не погасла. Знавшіе близко, видѣвшіе своими глазами страданія этихъ бѣдныхъ два Православные князя, сильные больше вѣрой чѣмъ земнымъ могуществомъ, бросились въ неравную борьбу съ вѣковымъ угнетателемъ. Хищный звѣрь разсвирѣпѣлъ,—и страданія бѣдныхъ христіанъ въ Болгаріи ожесточилось до неслыханной крайности. Нѣтъ нужды ихъ описывать; у насъ доселѣ болитъ отъ нихъ сердце. Духъ Божій,—духъ жалости, состраданія, праведнаго негодованія, любви и ревности прошелъ по землѣ Русской. Весь народъ нашъ готовъ былъ ринуться въ борьбу, чтобъ исхитить жертвы изъ когтей мучителей; но привыкнувъ думать думы вмѣстѣ со своимъ Царемъ, дѣлать вмѣстѣ съ Нимъ великія дѣла,

жить одною жизнью, онъ обращалъ молящія взоры къ Царю-Освободителю. Мы знали, чего нашъ Царь желалъ, угадывали что онъ думалъ; мы чувствовали какъ страдало Его сердце, и изъ собственныхъ устъ Его слышали, какъ Онъ борется между желаніемъ помощи несчастнымъ и мыслию объ ужасахъ войны, какъ жаждетъ Его сердце свободы дѣйствій. И кто же стѣснялъ Его свободу? Властители, водившіеся иными началами и побужденіями, о которыхъ и произносится въ дальнѣйшихъ словахъ псалма сужденіе Верховнаго судіи: „не знаютъ, не разумѣютъ, во тьмѣ ходятъ; всѣ основанія земли колеблются“.

Дѣйствительно, если основаніями земли или земной жизни должно признать основанія нравственныя, законы истины, добра, чести, справедливости, любви: то всѣ они были потрясены видѣнною нами борьбой разныхъ вліяній на судьбу бѣдныхъ Балканскихъ христіанъ. Можно ли было думать народамъ христіанскимъ о корыстныхъ разсчетахъ, затронутыхъ событіями на Балканскомъ полуостровѣ, когда всему міру слышны были вопли и стоны христіанъ, избиваемыхъ беспощадными руками невѣрныхъ? Можно ли было покровительствовать убійцамъ и мучителямъ невинныхъ, ругателямъ Христова имени, осквернителямъ христіанскихъ храмовъ, ужаснувшимъ міръ своими звѣрскими и животными инстинктами, неимѣющимъ понятія о чести и стыдѣ? Можно ли было называть ихъ братьями по оружію, становиться въ ряды съ ними противъ защитниковъ христіанства и умирать на полѣ битвы рядомъ съ этими дикими звѣрями и вѣчную судьбу душъ своихъ соединять съ ихъ судьбой? Можно ли было хладнокровно думать о дѣлѣхъ земель, на которыхъ еще не остыла неповинная кровь? Можно ли думать народамъ просвѣщеннымъ, что могущество царствъ и ихъ долговѣчность могутъ быть утверждаемы на безчеловѣчии и звѣрствѣ, на трупахъ беззащитныхъ избѣнныхъ и опозоренныхъ женъ и дѣтей, подъ проклятіями жертвъ, хладнокровно предаваемыхъ на всю волю безпощадныхъ мучителей? Такъ-то помрачуются умы и просвѣщенныхъ людей подъ вліяніемъ корыстолюбія, властолюбія, зависти и озлобленія! И какъ страшно звучатъ эти слова:

„не знаютъ, не разумѣютъ, во тьмѣ ходятъ; всѣ основанія земли колеблются“.

Вотъ и приговоръ всѣмъ тѣмъ міровымъ дѣятелямъ, которые на лжи, обманѣ, насилии, потворствѣ преступленіямъ и на страданіяхъ ближнихъ думаютъ утвердить могущество своихъ народовъ, долговѣчность и процвѣтаніе своихъ государствъ: „Я сказалъ: вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы. Но вы умрете какъ человѣки, и падете какъ всякій изъ князей“. Здѣсь заключается не та только простая мысль, которая нерѣдко внушается въ псалмахъ, именно, о слабости человѣческой, о краткости нашей жизни и о ничтожествѣ человѣческаго могущества, какъ на примѣръ: *не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія; изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою, въ той день погибнутъ вся помысленія его* (Псал. 145, 3, 4). Здѣсь мы находимъ нѣчто большее и особенное. Вы падете, умрете какъ человѣки, какъ всякій изъ князей; съ вашею смертію падетъ ваша сила, прекратится ваше вліяніе на судьбы людей: останутся неоконченными ваши предпріятія, разлетятся какъ дымъ ваши широкіе планы, ваши дальновидные расчеты, это въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ; но вы забываете самое главное: что Я останусь послѣ васъ, что Я могу покровительствовать только истинѣ и правдѣ, что Я разрушу ваши планы, взыщу угнетенныхъ, отдамъ судьбу ихъ въ лучшія руки и Моя воля и Мои законы восторжествуютъ. Эта послѣдняя мысль досказывается въ заключительныхъ словахъ псалма, произносимыхъ какъ бы отъ другаго лица, и влагаемыхъ въ уста наши въ видѣ молитвы и во свидѣтельство нашего разумнѣя мысли и воли Божіей: „возстань, Боже, суди землю: ибо Ты наслѣдуешь всѣ народы“.

Изъ всего этого ясно, какое мѣсто въ послѣднихъ событіяхъ заняли нашъ Благочестивѣйшій Государь и народъ Его. Но прежде нежели станемъ говорить объ этомъ, мы долгомъ почитаемъ сказать вамъ, братія: не превозносите, не говорите: „мы можемъ гордиться“, не пишите: „мы съ гордостію можемъ сказать“.—Этимъ превозношеніемъ уничижаются всѣ дѣятели, которыхъ Господь благоволилъ избрать на соверше-

ніе великаго дѣла; отдавая имъ и себѣ мзду похвалы человеческой, вы умаляете свое и ихъ вѣчное воздаяніе. Въ тѣхъ же псалмахъ дается наставленіе: *работайте Господеву со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ* (Псал. 2, 11).

Но ничто не мѣшаетъ намъ радоваться и благодарить Бога за то, что совершилось въ наши дни, что видѣли очи наши, въ чемъ далъ Господь каждому изъ насъ великую или малую долю участія. Ничто не мѣшаетъ намъ отдать должную дань благодарности всѣмъ, кого мы особенно видѣли дѣйствующими, къ которымъ утѣшались, за кого страдали, на кого надѣялись...

И конечно, послѣ Господа Бога, первая дань нашего благодаренія принадлежитъ Великому Государю нашему. Утомившись борьбой съ людскою хитростію и своекорыстіемъ, истощивъ всѣ убѣжденія и уступки, со смиреніемъ и мужествомъ царя Давида, Онъ ополчился и пошелъ во главѣ своихъ воинствъ, говоря въ сердцѣ своемъ, подобно Искупителю: *иду сотворити волю Твою, Боже* (Евр. 10, 7). Онъ принималъ на Себя труды и лишения походной жизни, Онъ страдалъ сердцемъ при видѣ страшныхъ ранъ и страданій своихъ воиновъ, Онъ съ горестію видѣлъ неустрашимыя нужды и лишения и невозможныя труды своихъ героевъ, Онъ мужественно переносилъ неудачи и, что еще больнѣе, *поживанія главами* отъ своихъ завистниковъ и недоброжелателей, Онъ трепеталъ за жизнь Своихъ сыновъ и братьевъ, вмѣстѣ съ нимъ подвизавшихся; но въ сознаніи Своей правоты и святости Своего дѣла, Онъ бодро шелъ впередъ,—и пали твердыни, и плѣнены цѣлыя арміи, и врагъ у ногъ Его. И мы знаемъ, что сердце Его теперь радуется не собственной славѣ Его, а счастію освобожденныхъ Имъ милліоновъ и славѣ Отечества. Сыны Россіи, новаго Сіона,—скажемъ словами псалмовъ—„да радуются о Царѣ своемъ“ (Псал. 149, 2). Приложи, Господи, дни къ днямъ Царя, лѣта Его продли въ родъ и родъ“ (Псал. 60, 7). Господь, Наслѣдникъ всѣхъ народовъ—„да утвердитъ на вѣкъ сѣмя Его, въ родъ и родъ устроить престоль Его“ (Псал. 88, 5).

Да будетъ благословенно наше побѣдоносное воинство,—краса и слава нашего Отечества,—его царственные полко-

водцы, его храбрые витязи-предводители и всѣ эти ряды дивныхъ воиновъ, въ битвахъ безстрашныхъ, въ трудахъ неутомимыхъ, въ лишеніяхъ терпѣливыхъ, въ ранахъ и страданіяхъ безропотныхъ, въ смерти сіяющихъ вѣрой мучениковъ. Да будетъ благословенна память тѣхъ изъ нихъ, которые сложили кости свои на земляхъ освобожденныхъ ими братій въ залогъ вѣчнаго духовнаго единенія нашего съ ними и любви ихъ къ намъ.

Да будутъ благословенны русскія жены и дѣвы—царственныя, благородныя и простыя, и въ великокняжескихъ черторгахъ, и въ богатыхъ палатахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ, и въ душныхъ лазаретахъ, и на поляхъ битвъ неустанно работавшія и трудившіяся для воиновъ, приготовлявшія имъ больничныя принадлежности, перевязывавшія ихъ раны, утолявшія ихъ жажду, подававшія врачевства, утѣшавшія ихъ словами вѣры и надежды, и видѣвшія своими глазами, какъ суровый воинъ, смотря на ихъ нѣжныя попеченія, на ихъ свѣтлыя лица, умираетъ съ улыбкой на устахъ. Какъ соотвѣтственна ихъ полу и призванію, какъ благотворна, какъ чиста была ихъ дѣятельность во все время этой войны! Онѣ открыли новую нравственную силу въ народѣ нашемъ, онѣ сѣумѣли дать великое подерѣпление и утѣшеніе нашему несравненному воинству.

Да будутъ благословенны врачи и ихъ сотрудники, безстрашно и съ самоотверженіемъ трудившіеся въ исполненіи своей тяжелой обязанности. Многіе изъ нихъ, сражаемые болѣзнями, ложились рядомъ съ тѣми, кому служили, а многіе въ цвѣтѣ лѣтъ положили и жизнь свою на своей честной, безкорыстной службѣ.

Да будутъ благословенны всѣ добрые сыны и дщери Русской земли,—отъ края и до края ея,—принимавшіе участіе въ великомъ подвигѣ трудами, пожертвованіями, молитвами, умною мыслию, честнымъ и правдивымъ словомъ. Благодареніе Богу, всѣ принесли чтò могли на великое дѣло, и надолго этотъ подвигъ, совершенный нашимъ отечествомъ, будетъ источникомъ его нравственнаго освященія, одушевленія, силы и могущества.

Что подняло народъ нашъ на эту нравственную высоту, что соединило всѣхъ въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ, въ одномъ подвигѣ самоотверженія? Святая вѣра Православная. Не давайте же ложнымъ учениямъ ослабить въ насъ эту Божественную силу, лишите насъ этой истинной души нашей.

Наконецъ, какъ же можемъ мы смотрѣть впередъ? Какого исхода можемъ ожидать въ наступающихъ международныхъ совѣщаніяхъ о послѣдствіяхъ совершеннаго нами дѣла? Если кто пожелаетъ повредить ему, умалить его великое значеніе, лишитъ его какихъ-либо благотворныхъ плодовъ,—тотъ повредить не надолго. Думая о недоброжелателяхъ нашихъ, мы можемъ, для своего успокоенія, съ убѣжденіемъ вспоминать святыя слова: „вы умрете какъ человѣки, падете какъ всякій изъ князей. Возстанетъ Господь и разсудитъ землю; Онъ наслѣдникъ всѣхъ народовъ“. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТИИ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ,

3 апрѣля 1878 года.

Обыкновенными источниками познаній о человѣкѣ и его дѣятельности всегда были народныя и историческія преданія и памятники, находимые на поверхности земли. Въ недавнее время наука нашла какъ бы кладъ: множество данныхъ для изученія человѣка во глубинѣ нѣдръ земныхъ, множество останковъ хорошо сохранившихся, такъ какъ они были недоступны для атмосферныхъ вліяній и произвола человѣческаго. Этотъ источникъ антропологии извѣстенъ и Библии: первому человѣку, послѣ его грѣхопаденія, Господь сказалъ: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). И вотъ, чѣмъ глубже ученые проникаютъ въ нѣдра земли, тѣмъ ближе подходятъ къ могилѣ этого перваго покойника. Оттуда, на различныхъ слояхъ земной коры, добыты эти черепа и кости людей, разнообразныя, судя по глубинамъ и пространствамъ земли, на которыхъ они были находимы.

Съ ними лежали и орудія дѣятельности древнихъ людей, сначала грубыя, потомъ болѣе совершенныя. Такъ и по Библии. Первые *ризы*, которыя сотворилъ Господь нашимъ пра-родителямъ, были *кожаныя*, звѣриныя шкуры (Быт. 3, 21). Изъ земли, лишенной первобытнаго плодородія, они должны были въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой (19), сами изобрѣ-тая орудія для воздѣлыванія ея, сначала изъ твердыхъ вещей, находимыхъ подъ руками, каковы дерево и самородные кам-

ни. Какъ этотъ трудъ былъ тяжелъ, мы слышимъ много вѣковъ спустя изъ устъ Ламеха, при нареченіи имъ имени Ноя, на котораго онъ возлагалъ свои надежды: *онъ утѣшитъ насъ въ работѣ нашей и въ трудахъ рукъ нашихъ при воздѣлываніи земли, которую проклялъ Господь Богъ* (Быт. 5, 29). Около этого времени, уже вспоминаются *млатобіецъ, ковачъ мѣди и желѣза* и изобрѣтатель свирѣли и гуслей (Быт. 4, 21. 22). Вотъ какъ давно намѣчены открытые нынѣ періоды—каменный, мѣдный и желѣзный. Затѣмъ, уже на памяти исторіи и ближе къ поверхности земли, открываются все болѣе и болѣе совершенныя произведенія цивилизаціи—вавилонско-ассирійской, египетской и греко-римской.

Отсюда добывается весьма важный результатъ вообще для философіи, и въ частности для антропологіи, именно: въ трудѣ человѣкъ совершенствуется. Нужда физическая возбуждаетъ напряженіе души, а это напряженіе обратно дѣйствуетъ на развитіе и усовершенствованіе формъ тѣла, особенно черепа и мозга. Это же говоритъ и Библія, но нѣсколько въ иныхъ выраженіяхъ: здѣсь отчасти пролегаетъ путь возвращенія человѣка къ первобытному совершенству—*путь покаянiя*.

Добывается ли здѣсь какой-нибудь результатъ и для вѣры? Есть, и весьма великій. Посмотрите на эти памятники, извлеченные изъ всемірнаго кладбища.

Здѣсь найдете кости, орудія, вещи: но гдѣ думы, печали, радости и надежды людей, которымъ онѣ принадлежали? Перенеситесь мыслію въ будущее: и послѣ насъ будутъ открывать *наши* кости (если новѣйшая наука не сожжетъ нашихъ тѣлъ), будутъ разсматривать *наши* вещи; но гдѣ же будемъ *мы сами*? Кто это *мы сами*? Это души наши. Онѣ умирать не хотятъ. Видъ смерти пробуждаетъ въ нихъ страхъ разрушенія и жажду жизни. Если эта жажда въ насъ есть, если она естественна, то-есть существенна и всегда присуща нашей природѣ,—стало-быть, она *истинна*.

Чувство этой истины, сознаніе этого внутренняго факта, внутренней *правды бытія*—это и есть *вѣра въ безсмертіе души*.

Здѣсь есть великій результатъ и для вѣры во Христа, Спасителя нашего. Мы находимъ здѣсь изображеніе идоловъ: какъ они грубы! Не вѣрится, чтобы люди чтили ихъ какъ боговъ и поклонялись имъ; однако такъ было. Перенеситесь отъ нихъ мыслию къ греческимъ статуямъ Аполлона и Венеры: онѣ чудо искусства; и опять не вѣрится, чтобы создавшіе ихъ люди поклонялись имъ какъ богамъ. Однако извѣстно, что они поклонялись имъ, можетъ быть, только окружая ихъ болѣе художественными повѣствованіями, чѣмъ было у людей древнѣйшихъ, и воплощая въ нихъ болѣе утонченныя страсти, чѣмъ страсть къ войнѣ или охотѣ у народовъ дикихъ. Такъ человѣческая цивилизація совершенствуется, говоря языкомъ библейскимъ, нашу жизнь *душевную*, но не даетъ *духовной*. Ученіе о Богѣ-Духѣ, о служеніи Ему духомъ и истиною, объ уподобленіи ему въ мудрости, праведности и любви проповѣдуетъ, по свидѣтельству Библии, одинъ Христосъ отъ періода каменнаго до сего дня, и будетъ проповѣдывать до конца міра, когда настанетъ послѣдній періодъ измѣненія міра *огнемъ* (2 Пет. 3, 10).

Такъ ученые, путемъ точныхъ изслѣдованій, подходятъ къ вѣрѣ. Жаль, что отъ многознанія они иногда впадаютъ въ сомнѣніе и тѣмъ поставляютъ преграду между естественною мудростію и вѣдѣніемъ Божественнымъ, растворяемымъ благодатною простотою Христовою. Оттого Господь и избираетъ больше не мудрыхъ, не ученыхъ, а хуродныхъ (1 Кор. 1, 26—29) и сѣетъ свое небесное сѣмя на рыхлой почвѣ ихъ душъ, не заваленной камнями сомнѣній и предубѣжденій. Но тѣмъ не менѣе, душа развитая наукой и обогащенная разнообразными познаніями всегда была и будетъ дорогимъ сокровищемъ для вѣры и Церкви—по широтѣ ея взгляда, по глубинѣ и силѣ убѣжденія, по богатству средствъ для проповѣди вѣры и защиты Церкви. Да благословитъ Господь труды русскихъ ученыхъ—вѣру оправдывающіе и въ вѣрѣ утверждающіе!

С Л О В О

при погребеніи

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО ¹⁾).

СѢ ГДА стопы челоѣкѹ исправляются
(Псал. 36, 23).

Въ Бозѣ почившій архипастырь, однажды, отъѣзжая въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, сказалъ мнѣ при прощаніи, со свойственною ему оригинальною выраженія, слѣдующее: „я уѣзжаю. Можетъ быть, назадъ пріѣду, а можетъ быть, меня и привезутъ. Въ послѣднемъ случаѣ, дайте знать, чтобы при погребеніи моемъ рѣчей не было; въ нихъ много похвалъ. А проповѣдь по мнѣ скажите: она можетъ имѣть назиданіе; и вотъ вамъ текстъ для нея: „Отъ Господа стопы челоѣкѹ исправляются“. То же подтвердилъ онъ мнѣ и за нѣсколько дней до своей кончины.

Такимъ образомъ, волей и завѣщаніемъ самого почившаго, намъ указаны предметъ настоящаго слова и цѣль его. Предметъ—раскрытіе явленныхъ въ его протекшей многолѣтней жизни особенныхъ путей промышленія о немъ Божія;

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ, 5 апрѣля 1879 года.

цѣль—научиться изъ его примѣра вѣрѣ въ ту великую истину христіанской жизни, что *Господь направляетъ пути человека*, и безпрекословной покорности Святой Его волѣ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

Митрополитъ Иннокентій родился въ 1797 году отъ бѣднѣйшаго сельскаго причетника Иркутской епархіи и назывался Іоаннъ Веніаміновъ. Образование онъ получилъ въ Иркутской семинаріи. „Учился я хорошо, говорилъ онъ, но чистаго ржанаго хлѣба (безъ мякины) до выхода изъ семинаріи не пробовалъ“. По окончаніи курса въ 1817 году, онъ былъ рукоположенъ во діакона и затѣмъ вскорѣ (1821 года) во священника къ Благовѣщенской церкви въ Иркутскѣ. Здѣсь черезъ три года совершилось его призваніе на миссіонерское служеніе. Расскажемъ это важнѣйшее событіе въ жизни почившаго его собственными словами: „Слыхалъ я, говорилъ онъ, о миссіонерахъ, о дальнихъ ихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ; но никогда на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я, вмѣстѣ съ другими, отъ епархіальнаго начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталъ я его, какъ будто бы что поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду. Ни слезы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни опасенія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній—ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горѣлъ въ моей душѣ, и я легко разстался съ родиной и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія“.

Черезъ шестнадцать лѣтъ трудовъ на избранномъ поприщѣ, священникъ Веніаміновъ является въ Петербургъ для напечатанія сдѣланныхъ имъ переводовъ св. книгъ на Алеутскій языкъ, и здѣсь получаетъ приглашеніе поступить въ монашество и затѣмъ рукоположеніе во епископа Камчатскаго и Алеутскаго. Слыша голосъ Божій въ событіяхъ своей жизни, онъ пошелъ туда, куда Господь стопы его направилъ.

Миссіонерскіе труды почившаго извѣстны всему свѣту. Онъ проѣзжалъ громадныя пространства по снѣгамъ, тун-

драмъ и горамъ, на собакахъ и верхомъ, терпя холодъ, голодъ и жажду; выносилъ морскія бури и опасности потопленія. Онъ созидалъ Церкви, учреждалъ миссіи и училища, переводилъ на инородческіе языки священныя книги, былъ другомъ и совѣтникомъ правителей нашихъ владѣній въ Америкѣ, нынѣ уступленныхъ Соединеннымъ Штатамъ, и въ Восточной Сибири, участвовалъ въ устройствѣ края, въ созиданіи городовъ. Вѣчнымъ памятникомъ на берегахъ Восточнаго Океана остались ему не только учрежденія церковнаго характера, но и названія его именемъ—Иннокентіевскими—нѣкоторыхъ мѣстностей и урочищъ, данныя въ честь его свѣтскими властями. Въ этихъ трудахъ и подвигахъ въ санѣ епископа проведено имъ еще двадцать восемь лѣтъ.

Третій знаменательный поворотъ въ его жизни было возведеніе его въ санъ митрополита Московскаго, неожиданное для всѣхъ насъ и еще болѣе для него самого. Насколько это было выше помысленій человѣческихъ, докажетъ слѣдующее обстоятельство. Незадолго до кончины блаженнаго памяти митрополита Филарета, архіепископъ Иннокентій писалъ ему изъ Благовѣщенска на-Амурѣ, прося его дать ему пріютъ на старость въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы провести послѣдніе годы жизни на покой, въ кругу образованнаго общества и ученыхъ людей. Филаретъ отклонилъ эту просьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что Иннокентію, какъ основателю новыхъ Церквей, надобно на поприщѣ его дѣятельности и положить свои кости. И вотъ, немного лѣтъ спустя, Иннокентій является въ Москву не на покой, а преемникомъ Филарета. Это воспоминаніе не обидно будетъ для великой памяти митрополита Филарета, если мы вспомнимъ слова Господа: *яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и помысленія ваша отъ мысли Моея* (Ис. 55, 9).

Какую же, однако, можно видѣть связь прежней миссіонерской его дѣятельности со служеніемъ его на Московской кафедрѣ? Вспомните учрежденіе въ Москвѣ, вскорѣ по прибытіи его сюда, Православнаго Миссіонерскаго Общества. Это

Общество по тому развитію, какое оно получило въ теченіи девяти лѣтъ подъ предсѣдательствомъ великаго миссіонера, выходитъ совершенно изъ ряда учреждений, носящихъ подобное имя. Вотъ чѣмъ ознаменовалось его существованіе: Православный русскій народъ узналъ, что такое миссія и гдѣ онѣ у насъ, и для чего онѣ; въ какомъ онѣ положеніи, чѣмъ стѣсняется ихъ дѣятельность и чѣмъ можетъ быть оживлена.

Миссіонерскіе станы умножены, миссіонеры обезпечены; инородцы, кромѣ постоянныхъ крещеній свыше двухъ тысячъ ежегодно, крестятся по три тысячи за одинъ разъ; отмѣчены сила и пути магометанской пропаганды; на дѣло миссіонерское употребляются такіа суммы, какихъ прежде и представить невозможно было; а главное, народъ привыкаетъ почитать своею святою обязанностію вспомошествованіе дѣлу распространенія и утвержденія Православной вѣры. Такимъ образомъ, митрополитъ Иннокентій, руководимый Промысломъ Божиимъ, отсюда сдѣлалъ для миссіонерскаго дѣла то, о чемъ онъ самъ на мѣстѣ своей прежней дѣятельности и помыслить не могъ и чего никто другой сдѣлать былъ не въ состояніи. Этимъ дѣломъ, котораго истинную цѣну мы сами теперь не довольно еще понимаемъ, достойно увѣнчалась его миссіонерская дѣятельность.

Но въ богатой природѣ митрополита Иннокентія нашлись силы и для дѣятельности на каѳедрѣ, не имѣющей исключительно миссіонерскаго характера. Прежде всего, онъ принялъ къ сердцу и старался облегчить нужды мѣстнаго духовенства и бѣдныхъ этого сословія. Онъ озаботился благоустройствомъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи, много содѣйствовалъ рѣшенію труднаго вопроса о приобрѣтеніи домовъ духовенства въ собственность Церквей, устроилъ новую обширную такъ-называемую Островскую богадѣльню, обезпечилъ благотворительныя учрежденія Сергіевой Лавры, спасъ отъ крушенія Покровскую общину, собиралъ всевозможныя крохи для пособій заштатнымъ духовнымъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Онъ привлекъ къ себѣ любовь не только духовенства, но и паствы своею добротой, доступностью, простотой обращенія.

Онъ явилъ въ себѣ образъ любвеобильнаго отца-пастыря и своимъ примѣромъ разрушилъ искусственныя преграды, установившіяся преданіемъ между епископами и пастырями, и приблизилъ первыхъ къ послѣднимъ, являясь всюду, гдѣ можно и полезно быть, и принимая личное участіе во всемъ, въ чемъ можно и нужно принимать участіе пастырю Церкви, обязанному въ христіанскихъ отношеніяхъ быть душою своей паствы. Этотъ достолюбезный его образъ такъ глубоко напечатлѣлся у всѣхъ насъ въ воображеніи, что мы, при воспоминаніи о немъ, невольно представляемъ его себѣ не иначе какъ отцомъ, встрѣчающимъ всѣхъ насъ какъ дѣтей, съ любовію, привѣтливостію и лаской.

Но труды и заслуги митрополита Иннокентія принадлежатъ исторіи; ихъ нельзя съ достаточною полнотою описать въ краткомъ словѣ.

Держась указаннаго намъ имъ самимъ направленія, мы перейдемъ ко внутренней сторонѣ его жизни, съ цѣлію уяснить себѣ, какъ сложился его духовный образъ на тѣхъ путяхъ и въ тѣхъ трудахъ, которые указуемы были ему Промысломъ Божиимъ.

Почившій архипастырь былъ богато одаренъ отъ природы. Онъ имѣлъ умъ ясный, пронизательный, гибкій, хотя воспитаніе и не дало ему той особой склонности и способности къ отвлеченному мышленію и системѣ, какую сообщаетъ высшее научное образованіе и которая, кстати скажемъ, часто дѣлаетъ умы и бесплодными, а иногда и вредными въ дѣйствительной жизни. Подъ вліяніемъ указанной ему дѣятельности, его умъ получилъ характеръ практической, съ особымъ отѣнкомъ пракческаго творчества или зиждательности. Понять потребность времени и обстоятельствъ, пріискать средства, необходимыя для ея удовлетворенія, исполнить задуманное съ рѣшительностію и быстротою, разрѣшить затрудненія, примирить противорѣчія, сблизить крайности,—все это составляло рѣдкую способность и особенность его ума. Она и выразилась въ созданныхъ имъ учрежденіяхъ, въ Сибири и здѣсь.

При такомъ направленіи ума, особеннымъ образомъ сложился и его взглядъ на Церковь и ея нужды. Осмѣлимся сказать, что это былъ взглядъ апостольскій. Онъ зналъ, что нужно со стороны пастыря народу христіанскому, какъ подойти къ нуждающемуся въ духовномъ просвѣщеніи, въ помощи и утѣшеніи, какъ направить жизнь христіанскую по канонамъ церковнымъ—въ воспитаніи, быту семейномъ и общественномъ, въ духовныхъ упражненіяхъ, указанныхъ Церковью для нравственнаго преуспѣянія; но имъ всегда овладѣвалъ страхъ за благо Церкви при видѣнныхъ имъ попыткахъ привести въ такъ-называемый систематическій порядокъ жизнь церковную. Онъ глубоко понималъ, что человѣческая система, развивающая съ неумолимою послѣдовательностью предвзятыя начала управленія церковнаго, всегда грозитъ погасить въ христіанскихъ обществахъ свободныя проявленія духа человѣческаго и затруднить доступъ къ душамъ вѣрующимъ духа благодати, который *идъже хоцетъ дышетъ* (Іоан. 3, 8).

Отсюда объясняется и та простота въ обращеніи, которая такъ поражала насъ, особенно сначала, въ почившемъ архипастырѣ. Это не была простота недалекаго человѣка, который не можетъ вамъ дать больше того, что вы находите въ немъ съ перваго раза. При живости ума, рѣчь митрополита Иннокентія отличалась остроуміемъ и игривостію, по той простой причинѣ, что природная способность сама выбивается наружу, а сдерживать себя съ цѣлію обратить рѣчь въ методически строгую, при которой человѣкъ самъ себя слушаетъ и слѣдитъ за собою, онъ не находилъ нужнымъ, да и не привыкъ на томъ просторѣ, гдѣ протекла большая и лучшая часть его жизни. Оттого его рѣчь дышала искренностію и тотчасъ приближала васъ къ нему, давала вамъ смѣлость, пріобрѣтала ваше довѣріе. Но нужно было только коснуться предмета, имѣющаго особенную важность, преимущественно относительно Церкви, какъ лицо архипастыря, его рѣчь, всѣ приемы его обращенія мгновенно измѣнялись. Въ немъ сейчасъ являлся пастырь съ сильнымъ духомъ ревности, сужденія его поражали васъ силою духовнаго опыта, слово его становилось *властнымъ*. Духовная личность митрополита Иннокентія

сложилась внѣ условій и искусственной обстановки нашей общественной жизни: сердце его было чисто, намѣренія онъ имѣлъ всегда добрыя, имъ не руководило ни самолюбіе, ни тщеславіе; искать у людей ему было нечего, рисоваться предъ другими онъ не имѣлъ ни причины, ни цѣли; онъ являлся наружно тѣмъ, чѣмъ былъ внутренно: прямымъ, честнымъ, искреннимъ, любвеобильнымъ и благожелательнымъ пастыремъ.

По нравственному характеру, онъ былъ человѣкъ дѣла и труда, на подвигъ, на лишения и на терпѣніе всегда готовый, къ себѣ неумолимо строгій, неустанно дѣятельный. Многие задавали себѣ вопросъ: по какимъ побужденіямъ онъ оставался на дѣйствительной службѣ при слабости, а подъ конецъ и совершенной потерѣ зрѣнія, и не удалялся на покой? Потому что, при его живой природѣ и дѣятельномъ умѣ, для него слово *покой* равносильно было слову: *смерть*. Въ одно время, помышляя удалиться въ Геосиманскій скитъ, онъ говорилъ: „Тамъ, по крайней мѣрѣ, продолжительная служба; я меньше буду празденъ“. Во время болѣзни, слушая доклады по дѣламъ, онъ говорилъ: „меня дѣла отвлекаютъ отъ мысли о болѣзни“; и когда, уже приближаясь къ смерти, онъ не могъ встать съ кресла и, на вопросъ свой: нѣтъ ли новыхъ дѣлъ? получилъ въ отвѣтъ: „владыко, не думайте о дѣлахъ, успокойтесь“,—онъ съ грустью, склонивъ голову, сказалъ: „Скучно“!

Прости, архипастырь и отецъ нашъ, добрый, кроткій, любвеобильный! Благодаримъ Господа за Его милости и благопромышленіе, явленныя въ твоей жизни,—чего ты и желалъ, конечно: завѣщавая намъ возвѣститъ во всеуслышаніе, какъ обрѣлъ тебя Господь въ глубинѣ безвѣстности и бѣдности, какими одарилъ тебя дарованіями, какими трудами укрѣплялъ и возвышалъ твою душу, какія великія дѣла благословилъ совершить тебѣ и какими неисповѣдимыми путями привелъ тебя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ отечества на престолъ Московскихъ святителей. Память твою почититъ Церковь, заслуги твои не забудетъ отечество, а Верховный Мздовоздаатель, какъ пастырю подвигомъ добрымъ подвизавшемуся, да воз-

дасть тебѣ вѣнецъ правды (2 Тим. 4, 8). Мы молимъ Господа о упокоеніи твоей души; моли и ты Его, аще обрящеши дерзновеніе, да утверждаетъ и расширяетъ Церковь Православную, которой ты такъ ревностно служилъ; да хранитъ отъ бѣдъ наше отечество, которое ты такъ горячо любилъ, и да умножаетъ въ странѣ нашей пастырей и гражданъ, подобныхъ тебѣ. Аминь.

РѢЧЬ

при освященіи

УВѢЖИЩА ДЛѢ УВѢЧНЫХЪ ВОИНОВЪ ИМЕНИ КНЯЗЯ

В. А. ДОЛГОРУКОВА,

близъ Всесвятской роши, подъ Москвой,

5 мая 1879 года.

Храбрые воины, какъ полагающіе на войнѣ жизнь свою за отечество, такъ и получающіе раны и увѣчья, имѣютъ великія права на уваженіе и благодарность своихъ соотечественниковъ. Они совершаютъ высокій подвигъ любви, полагая, или выражая полную готовность положить, по слову Спасителя, *душу свою за други своя*. Своею жизнію они жертвуютъ для сохраненія нашей жизни, своими трудами и страданіями искупаютъ наше спокойствіе и безопасность. И такъ, по отношенію къ убитымъ и раненымъ воинамъ на насъ лежитъ одинаковый долгъ благодарности. Но одинаковы ли способы уплаты этого долга?

Убійенныхъ воиновъ мы оплакиваемъ, иногда и во всю нашу жизнь, если они особенно близки нашему сердцу; мысленно переносимся въ горы и долины чужихъ земель, гдѣ они сложили свои кости, къ ихъ одинокимъ могиламъ; вѣрою проникаемъ въ міръ загробный, прося у Мздовоздателя Бога вѣчнаго упокоенія душамъ ихъ. Вотъ все, что мы можемъ для нихъ сдѣлать и дѣлаемъ. Тамъ, въ обителяхъ Отца Небеснаго,

они здоровы, безопасны и обеспечены. Развѣ только еще семь ихъ остаются на нашемъ попеченіи.

Не такова судьба раненыхъ и изувѣченныхъ. Многіе изъ нихъ завидуютъ убитымъ и съ радостію легли бы въ могилы на поляхъ брани, рядомъ со своими ратными товарищами. При болящемъ или изувѣченномъ тѣлѣ, радости жизни для нихъ потеряны; способность къ полезному для себя и общества труду утрачена; они чувствуютъ себя какъ бы лишними на этомъ свѣтѣ и никому не нужными, и предстоящій имъ, можетъ быть, длинный рядъ годовъ въ будущемъ представляется имъ мертвою и безотрадною пустыней. Не въ томъ ли состоитъ нашъ долгъ, чтобы не только спасать ихъ отъ нужды и лишеній, не только облегчать ихъ недуги и страданія, но и доставлять имъ возможные для нихъ утѣшенія?

Но это не единственные трудности, лежащія на пути скорбной жизни этихъ почтенныхъ страдальцевъ. Они и въ нравственномъ отношеніи не такъ безопасны, какъ ихъ убитые товарищи. Покончивъ съ земною жизнію, убіенные на брани освободились и отъ всѣхъ ея соблазновъ и искушеній; не то съ остающимися въ живыхъ. Повторяющіяся страданія, невольная праздность, скука, могутъ привести ихъ ко многимъ опасностямъ грѣховъ, а грѣхи могутъ умалить и даже совсѣмъ лишить ихъ награды за совершенные ими подвиги и полученные раны. Не лежитъ ли на насъ долгъ озаботиться и объ охраненіи въ страждущихъ добраго нравственнаго настроенія?

Мы съ радостію видимъ, что всѣ эти нужды раненыхъ воиновъ имѣетъ въ виду христіанская любовь соотечественниковъ, устрояющая уже десятое убѣжище для нихъ на этомъ тихомъ, здоровомъ и пріятномъ мѣстѣ. Да благословитъ Господь трудящихся и жертвующихъ на эти учрежденія! Добрый примѣръ ихъ да привлечетъ къ нимъ возможно больше соотрудниковъ и помощниковъ въ этомъ благомъ дѣлѣ, и да укрѣпляется въ нашемъ народѣ это свободное движеніе благодарной любви къ нашимъ несравненнымъ героямъ-воинамъ!

Да благословитъ Господь и васъ, доблестный князь Владиміръ Андреевичъ, за то высокое нравственное искусство,

съ которымъ вы своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ умѣете возбуждать и возгрѣвать подобныя проявленія любви и благотворительности. На нѣкоторыхъ изъ учрежденій такого рода, какъ и на этомъ, которое мы нынѣ открываемъ, увѣровано ваше имя. Утѣшайтесь мыслию, что это будутъ самые изящные и самые живучіе памятники вашей благотворной дѣятельности въ Москвѣ.

РѢЧЬ

по случаю празднованія

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

КОНСТАНТИНОВСКАГО МЕЖЕВАГО ИНСТИТУТА,

21 мая 1879 года.

Чтобы съ бѣльшимъ удовольствіемъ намъ закончить настоящій праздникъ, мнѣ представляется не излишнимъ провѣрить убѣжденіе, что мы совершаемъ его законно и какъ должно. А для этого нужно обратиться къ идеѣ и цѣли празднованія юбилеевъ.

Юбилейные праздники библейскаго происхожденія, и первоначально были совершаемы по Божественному установленію (Лев. гл. 25). Господь заповѣдалъ Евреямъ праздновать день седьмой, годъ седьмой, и годъ семью седьмой, или по истеченіи сорока девяти лѣтъ, пятидесятый, который и названъ *юбилеемъ*. Годамъ седьмому и пятидесятому дано такое же нравственное значеніе, какъ и дню субботнему.

Во-первыхъ, это былъ *покой Господу*, или покой для Господа. Въ эти годы отдыхали люди отъ трудныхъ тѣлесныхъ работъ, отдыхали домашнія рабочія животныя, отдыхала земля, оставляемая безъ воздѣлыванія, отдыхали бѣдные отъ нужды, пользуясь даромъ самородными произведеніями полей и виноградниковъ, принадлежавшихъ людямъ достаточнымъ. Всѣмъ назначаемъ былъ *покой для Господа*. По краткости жизни человѣческой, пятьдесятъ лѣтъ—срокъ значительный. Прощедши такой путь, земному страннику естественно отдохнуть

отъ труда путешествія, остановиться и осмотрѣться. Много прожито лѣтъ, много испытано перемѣнъ, много переживувано радостей и печалей—и концомъ размышленія естественно должно быть благоговѣнное обращеніе къ Богу, Творцу и Промыслителю нашему. Отсюда сама собою должна возникнуть молитва благодаренія за дары благодати Божіей, молитва покаянія при воспоминаніи о наказаніяхъ за грѣхи понесенныхъ, молитва о продленіи къ намъ милости и долготерпѣнія Божія. Отсюда, дѣйствительно, получается убѣжденіе въ законности, или цѣлесообразности празднованія пятидесятилѣтій для частныхъ лицъ и для общественныхъ учрежденій и опредѣляется нравственный характеръ праздниковъ: то есть, что они должны быть совершаемы не въ духѣ горделиваго исчисления своихъ заслугъ, самовосхваленія и самоуслажденія, а въ духѣ *успокоенія сердца въ Бога*, или всецѣлой преданности Его святой волѣ и водительству Его благаго промысленія о насъ.

Замѣтимъ кстати, что при этомъ взглядѣ оказываются неимѣющими смысла юбилеи въ память умершихъ людей и прошедшихъ, потерявшихъ свою жизненную силу и значеніе событій. Для отжившихъ наступила вѣчность, счетъ годовъ для нихъ не имѣетъ значенія. Очевидно, этимъ не устраняется обязанность воспоминать съ благодарностію великихъ людей и съ должнымъ вниманіемъ—великія событія, и извлекать при этомъ воспоминаніи полезныя для себя уроки; но уже не по счету прошедшихъ годовъ, а по другимъ какимъ-либо причинамъ и поводамъ. Иначе у насъ каждый день будетъ юбилей, такъ какъ каждымъ днемъ можетъ оканчиваться пятидесятилѣтіе или столѣтіе рожденія или смерти кого либо изъ милліоновъ умершихъ людей, или совершенія какого либо изъ многихъ тысячъ замѣчательныхъ прошедшихъ событій. Здѣсь открывается широкое поле одной праздно-изобрѣтательности.

По древнему еврейскому закону, въ юбилейный годъ возвращались членамъ cadaго израильскаго колѣна родовыя земли, утраченныя по обѣдненію фамилій, освобождались рабы, прекращались долговыя обязательства, оканчивались вся-

кія произвольныя сдѣлки и соглашенія, или иначе—начиналась новая жизнь по древнему богоустановленному праву. Какой глубокой смысл имѣеть для людей всѣхъ временъ этотъ, повидимому, только мѣстный законъ! Въ пятьдесятъ лѣтъ можетъ совершенно выясниться истинное значеніе жизни и дѣятельности какъ частнаго человѣка, такъ и общественнаго учрежденія. На этомъ основаніи могутъ быть рѣшаемы важные вопросы: вѣрна ли, судя по опытамъ пятидесяти лѣтъ, и плодотворна ли идея, положенная въ основаніе учрежденія? Такова ли дѣятельность человѣка, чтобы пятидесяти годъ его служенія стоило обращать въ общественный праздникъ? Не цѣлесообразнѣе ли учрежденіе, оказавшееся ложнымъ по идеѣ и вреднымъ по опыту, скрыть до основанія, а бесполезнаго человѣка предать забвенію? Западная Европа въ этомъ случаѣ подаетъ намъ дурные примѣры. Тамъ, между прочимъ, недавно съ большимъ торжествомъ праздновали столѣтній юбилей, можетъ быть, къ утѣшенію человѣчества, сгнившаго уже въ землѣ Вольтера. Праздникъ въ честь патриарха безбожниковъ пріятенъ былъ для современныхъ намъ достойныхъ его потомковъ; но тамъ, гдѣ заботятся о чистотѣ нравственной христіанской атмосферы, не слѣдуетъ заражать ее, раскапывая прахъ подобныхъ Вольтеру людей. Съ другой стороны, дѣятельность частнаго человѣка, и тѣмъ болѣе общественнаго учрежденія, въ пятьдесятъ лѣтъ можетъ принять невѣрное направленіе, уклониться отъ поставленной въ началѣ цѣли. Юбилей есть лучшее время для очищенія благаго учрежденія отъ наслоеній, затруднившихъ его дѣятельность, по прихоти или ошибочнымъ взглядамъ послѣдующихъ поколѣній. Въ такихъ случаяхъ, чтобы не прибавлять къ прежнимъ ошибкамъ еще новыхъ, лучше возвратиться къ старымъ мемамъ, поставленнымъ мудростію предковъ.

Есть въ библейскомъ юбилеѣ еще одна черта, поучительная на всѣ времена. Господь говорилъ Евреямъ: „Не сѣйте и не жните въ юбилейный годъ. Я пошлю благословеніе Мое на васъ въ шестой годъ, и онъ принесетъ произведеній на три года“ (Лев. 25, 11, 20, 21). Это значить: будь покоренъ волѣ и Закону Божию. Вѣрь въ силу и жизненность добра,

но только такого, которое согласно съ волею и закономъ Божіимъ, а не самочиннаго, не произвольно понимаемаго. И истинное добро дѣлай въ порядкѣ, Богомъ установленномъ: манна небесная покрывалась червями, когда была собираема не въ законномъ количествѣ (Исх. 16, 20). Всѣ эти ветхозавѣтныя указанія Господь Иисусъ Христосъ выразилъ однимъ словомъ: „Всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится“ (Матѣ. 15, 13). Только учрежденіе истинно-христіанское всегда дастъ обильный урожай нравственной силы и будетъ праздновать многіе юбилеи.

Вы, мм. гг., конечно, не безъ удовольствія видите, какъ Межевой Институтъ, празднующій нынѣ двойной или столѣтній юбилей, соотвѣтствуетъ въ настоящую минуту нравственнымъ чертамъ, заимствованнымъ нами изъ библейскихъ указаній. Идея его первоначальнаго учрежденія была истинно добра, проста, ясна и вѣрно поставлена, какъ мы слышали изъ читанной сейчасъ исторической записки. Время только развивало ее и принявшіе ее дѣатели не увлекались новизнами, не хитрили, а держались ея твердо и обставляли ее тѣми условіями, въ которыхъ хранится и развивается истинное добро: то есть, вѣрою, благочестіемъ и добрыми нравами. И нѣтъ надобности много говорить о настоящемъ достоинствѣ заведенія. Довольно было видѣть, при совершенномъ нами торжественномъ богослуженіи, этихъ добрыхъ, благочестивыхъ юношей, чтобы не сомнѣваться, что они вѣрны будутъ духу своего заведенія и примѣромъ своихъ предшественниковъ. Они съ пользой послужатъ отечеству и, расходясь отсюда во всѣ концы Россіи, въ глубь простаго народа, не уронятъ въ его глазахъ науки и просвѣщенія и не внесутъ въ него ни умственного, ни нравственного разложенія.

Да благословитъ Господь Константиновскій Межевой Институтъ на дальнѣйшую его дѣятельность, и да празднуетъ онъ въ будущемъ еще многіе столѣтніе юбилеи!

С Л О В О

при освященіи храма

СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО,

въ 4-й московской военной гимназии,

29 ноября 1879 года.

Объ истинномъ значеніи войны.

Раскѣютъ мечі свои на зѣла и копія свои
на серпы, и не вѣзметъ языкъ на языкъ
меча, и не навѣкнутъ ктою рѣчатиса
(Ис. 2, 4).

Привѣтствуемъ васъ, братіе, съ совершеніемъ одного изъ радостнѣйшихъ христіанскихъ торжествъ,—освященія св. храма въ домѣ вашемъ. Богъ мира и любви утвердилъ мѣсто постоянного благодатнаго присутствія Своего въ училищѣ будущихъ воиновъ. Храмъ, устроенный въ училищѣ есть наилучшее средство для достиженія высшихъ цѣлей воспитанія. Высшее, чего желаютъ отъ дѣтей христіанскихъ, это—чтобъ они были набожны, нравственно чисты, честны, послушны властямъ, кротки, любовны, благожелательны; во всемъ этомъ храмъ даетъ наилучшіе уроки воспитанникамъ. Но не противорѣчитъ ли этимъ цѣлямъ воспитанія предназначеніе юношей быть воинами? Они должны изучать кровавую науку брани, устройство и употребленіе орудій для

истребленія людей, воодушевляться мыслями объ успѣхахъ военнаго искусства, о пораженіи враговъ, о торжествахъ побѣдныхъ. Можетъ ли быть при такомъ назначеніи достигнута полнота и цѣльность христіанскаго воспитанія? Могутъ ли быть въ одной душѣ совмѣщены уроки и впечатлѣнія любви и брани, мира и войны?

Большую свободу для нравственнаго развитія людей нашего времени, повидимому, обѣщаль Самъ Богъ чрезъ Пророковъ времени просвѣщенія всѣхъ ученіемъ Христа Спасителя—о братствѣ, снисхожденіи, самоотверженіи, мирѣ и любви. И въ какихъ прекрасныхъ выраженіяхъ изрекаются эти обѣщанія: „перекуютъ мечи свои на плуги, говоритъ Пророкъ Исаія, и копья свои—на серпы; не поднимутъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать“. Какъ же это? А мы не только участвуемъ въ кровопролитныхъ войнахъ, но и устроаемъ особыя училища для обученія дѣтей искусству убивать людей. Нѣтъ ли здѣсь явнаго противорѣчія?...

Христіанскому просвѣщенному воину, чтобы быть сознательнымъ, истиннымъ героемъ, да и цѣлому христіанскому народу, чтобы нести безъ ропота всѣ тягости войны, надобно быть свободнымъ отъ подобныхъ недоразумѣній и противорѣчій; надобно имѣть не смутныя, не сбивчивыя, а точныя понятія о войнахъ, которыя установилъ намъ въ словѣ Своемъ Самъ Богъ мира и любви. Собственно воину надобно (и возможно, подъ руководствомъ этихъ понятій) воспитать въ себѣ сердце мягкое и челоуѣколюбивое, но чтобы оно и безтрепетно встрѣчало врага; надобно приобрѣсти твердость и мужество, но не быть жестокимъ и равнодушнымъ къ бѣдствіямъ войны.

Приведенныя нами слова Пророка Исаіи сказаны были въ то темное время, когда люди, движимые животными инстинктами, бросались на добычу, или отнимали ее другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ, почитая войну средствомъ приобрѣтенія и обезпеченія себя болѣе успѣшнымъ, чѣмъ труды мирной жизни. Этотъ взглядъ на войну, утвердившись въ умахъ властителей, обращалъ и подвластные имъ народы

въ орудія удовлетворенія страстямъ корыстолюбія и властолюбія. Первые правильныя понятія о войнѣ мы находимъ въ книгахъ Моисеевыхъ, гдѣ Богъ повелѣваетъ враговъ истины и правды, неспособныхъ возвыситься до нихъ силой разумѣнія, но плодящихъ на землѣ зло, уничтожать или покорять истинѣ силой оружія. Но первоначально, какъ свидѣтельствуесть библейская исторія, во время Богоправленія, чтобы люди не обратили самую истину въ поводъ и предлогъ къ войнѣ по личнымъ видамъ и для своекорыстныхъ цѣлей, Господь Самъ указывалъ народы, которые долженъ былъ покорять Израиль, Самъ предводительствовалъ Своимъ воинствомъ въ Кивотѣ Завѣта, носимомъ руками священниковъ, называлъ Себя Богомъ воинствъ, чудесною помощію Своею содѣйствовалъ побѣдамъ, но и допускалъ Своему народу претерпѣвать пораженія за нарушеніе Его велѣній относительно самой войны и за грѣхи во времена мира. Но, вразумляя народъ Свой, и потомъ судей и царей его, Своими собственными указаніями относительно войны и мира, Господь въ то же время, чрезъ ученіе Пророковъ, въ умахъ и сердцахъ людей утверждалъ понятія истины и правды и чувства чловѣколюбія, указуя однакожь только въ отдаленномъ будущемъ, съ пришествіемъ Мессіи Спасителя, время полного просвѣщенія людей ученіемъ любви и мира, и время водворенія между ними, подъ руководствомъ этого ученія, мирной гражданской жизни подъ образомъ торжества плуга и серпа надъ мечемъ и копьемъ.

Господь Иисусъ Христосъ, преподавъ намъ совершеннѣйшее ученіе объ истинѣ, справедливости, любви, самоотверженіи и благахъ мирной жизни, не запретилъ войны. Онъ далъ намъ даже печальное предсказаніе, что предъ концемъ міра изсякнетъ любовь между людьми, что *возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство* (Матѣ. 24, 7). Что же значать для нашего времени эти предсказанія Пророковъ объ уничтоженіи оружія, о томъ, что „волежь будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, что младенецъ будетъ играть надъ порою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо зміи“ (Ис. 6—8)? То, что людямъ дана будетъ возможность и средство истреб-

лять въ себѣ страсти, какъ сѣмена раздоровъ, уничтожать склонности вредить другъ другу, достигать мира и счастья взаимною любовію и заботливостію о благѣ общемъ: „не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, говоритъ Господь, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море“ (ст. 9).

Такъ и есть въ настоящее время: море вѣдѣнія излил Господь на Святую Гору Свою—на Церковь Свою, на міръ христіанскій. Погрузись міръ въ это вѣдѣніе Господа, усвой себѣ родъ человѣческій эти чистыя понятія объ истинѣ и правдѣ, воплоти въ себѣ эти чувства любви и самоотверженія, какія намъ заповѣдуетъ Евангеліе, достигни того нравственнаго совершенства, или той высоты духа, на которой человѣкъ становится способнымъ мирно разрѣшать недоразумѣнія, предпочитая благо ближняго своимъ личнымъ выгодамъ—и войны не будетъ; не будетъ ни волка, ни тигра, ни зміи, ни аспида. Но какъ спасеніе и вѣчное блаженство обѣщаны всѣмъ людямъ, но не всѣ ихъ достигаютъ, потому что не всѣ этого хотятъ: такъ и безмятежный міръ обѣщанъ всѣмъ народамъ, но не всѣ его имѣютъ, потому что не хотятъ его имѣть, не умѣютъ его соблюсти. Итакъ, война есть неизбѣжное зло, есть горькое произведеніе неумолкающихъ страстей и развращенной воли человѣческой.

Если же война происходитъ изъ такихъ нечистыхъ источниковъ, то можетъ ли она быть справедливою? Можетъ ли служба воина почитаться почтенною и смерть на полѣ брани славною? Можетъ: иначе Богъ не называлъ бы Себя Богомъ воинствъ и не обѣщалъ бы побѣдъ воинамъ и народамъ, достойнымъ ихъ. При какихъ же условіяхъ? Главное условіе праведной войны для народа, имѣющаго чистыя понятія объ истинѣ и справедливости, какимъ долженъ быть народъ христіанскій, есть цѣль вразумлять, какъ мы сказали прежде, враговъ истины и правды силою оружія, когда они не въ состояніи возвыситься до пониманія ихъ путемъ убѣжденія, и достигать принужденіемъ того, чего нельзя достигнуть мирнымъ соглашеніемъ. Чтобъ это основное начало праведной войны было выдерживаемо, нужно, чтобъ и то, чего хотимъ

достигнуть войной, было честно и справедливо. Отсюда является необходимость вѣрно понимать достоинство самыхъ предметовъ, по поводу которыхъ предпринимается война. Укажемъ ихъ по возможности.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ защита религіи отъ враговъ, оскорбляющихъ ее и вредящихъ ей, каковы были войны, Богомъ заповѣданныя и покровительствованныя въ народѣ Израильскомъ; такъ какъ религія есть главное основаніе нравственной и гражданской жизни каждаго народа и всего чело-вѣчества. На этой мысли вы встрѣтите много пререканій и возраженій. Вамъ скажутъ: всякій народъ защищаетъ свою религію, слѣдовательно, народъ языческій или магометанскій можетъ почитать войну за свою вѣру праведною. Пусть; если онъ убѣжденъ въ ея истинности, естественно, долженъ и защищать ее. Но при всей условности чело-вѣческихъ понятій объ истинѣ вообще и религіи въ особенности, христіанину, и тѣмъ болѣе Православному, надо имѣть крѣпчайшее, на тщательномъ изученіи и духовномъ опытѣ основанное, убѣжденіе не въ истинности только въ смыслѣ чело-вѣческомъ, но и въ Божественномъ достоинствѣ своей вѣры, и защищать ее какъ вои небесныя защищаютъ Славу Божию отъ враговъ Божіихъ. Скажутъ: вы допускаете войны религіозныя, самыя ожесточенныя, которыя въ разные времена причиняли столько бѣдствій чело-вѣчеству. Нѣтъ. Въ этихъ войнахъ, которыя извѣстны изъ исторіи, всегда по крайней мѣрѣ одна сторона имѣла цѣлю, по фанатизму или изъ корыстныхъ видовъ, распространять свою вѣру силой оружія, что несогласно съ ученіемъ о христіанской вѣротерпимости и потому преступно. Иное дѣло—защита собственной религіи. Найдутся нынѣ и такіе мыслители, которые станутъ доказывать, что религію, какъ принадлежность жизни внутренней, и защищать надо силой убѣжденія, а не оружіемъ; но это говорятъ люди, у которыхъ вся религія заключается только въ признаніи нѣкоторыхъ истинъ вѣры; вмѣщая эти истины въ одной своей головѣ, они уносятъ всю свою религію съ собою туда, куда уносятъ свою голову. Но въ сущности, религія есть учрежденіе или установленіе, согласное съ вѣрованіями народовъ и

развѣтвляющееся во внѣшней жизни въ разныхъ видахъ: въ историческихъ памятникахъ, храмахъ, святыняхъ, обычаяхъ, которые неразлучны со страной занимаемою извѣстнымъ народомъ и со всѣмъ его бытомъ. Такъ у насъ религія, какъ совокупность вѣрованій, воплощается въ видимомъ священномъ образѣ Православной Церкви со всѣми ея святынями и со всѣми предметами нашего почитанія и благоговѣнія. Это—Божественное зданіе, защищая которое русскій народъ всегда былъ и долженъ быть готовъ умереть до послѣдняго человѣка.

Второй предметъ праведной войны есть свобода народа и безопасность его отечества. Свобода есть необходимое условіе полного и всесторонняго развитія народа, сообразно съ племенными его свойствами, а страна, имъ занимаемая, есть мѣсто, поприще его разносторонней дѣятельности, гдѣ онъ, какъ дерево въ почвѣ, пускаетъ свои корни и расширяетъ свои вѣтви по мѣрѣ внутреннихъ своихъ силъ и приноситъ свои плоды на благо человѣчества. Раздаяніе странъ для обитанія разнымъ народамъ и въ разныя времена слово Божіе приписываютъ Самому Богу, чтобы каждый народъ въ своемъ мѣстѣ *искалъ* Бога, *ощущалъ* Его въ благодѣяніяхъ Его и *приближался* къ Нему (Дѣян. 17, 26, 27). Поэтому охраненіе неприкосновенности и безопасности отечества, порядка внутри его, мира на границахъ—есть, послѣ религіи, главнѣйшая обязанность воина.

Защита родины, ея спокойствія и безопасности границъ требуетъ укрощенія силой оружія народовъ хищныхъ и дикихъ, живущихъ грабежомъ. Въ одной изъ тайныхъ молитвъ на Божественной литургіи, священнодѣйствующій молится о Государѣ: „Покори Ему вся варварскія языки, брани хотящія, даруй Ему глубокой и неотъемлемый миръ“. Безспорно, что война справедлива противъ сосѣдей хищныхъ, разоряющихъ чужіе города и селенія и уводящихъ въ плѣнъ и рабство мирныхъ жителей; но она не менѣе справедлива и противъ народовъ христіанскихъ, которые по жадности и корыстолюбію уподобляются народамъ варварскимъ и начинаютъ войны, чтобы силой отнимать у другихъ народовъ то, чего имъ не далъ Богъ въ своей собственной странѣ.

Справедлива война на защиту народовъ христіанскихъ, порабоощаемыхъ варварами, не понимающими достоинства человека и по невѣжеству заграждающими христіанамъ пути къ нравственному усовершенствованію и гражданскому преуспѣянію. Но сколько справедлива война на защиту христіанъ противъ варваровъ, столько же законопреступны союзы христіанскихъ народовъ съ варварами для удержанія христіанъ въ рабствѣ изъ личныхъ, своекорыстныхъ видовъ. Такъ, въ этомъ смыслѣ, наши войны за освобожденіе восточныхъ христіанъ были войны святыя, и падшихъ на брани за это святое дѣло нашихъ воиновъ Церковь справедливо причисляетъ къ лику мучениковъ. Пусть попытаются оправдать себя предъ закономъ Христовымъ христіанскіе народы, явно и тайно помогавшіе противъ насъ народамъ варварскимъ за одни земные интересы.

Справедлива война въ защиту честныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, содѣйствующихъ намъ въ достиженіи благихъ цѣлей силой оружія. Союзъ народовъ для такихъ цѣлей на жизнь и смерть противу общаго врага есть братскій союзъ, имѣющій такое же высокое нравственное значеніе, какъ и согласіе народовъ въ дѣлѣ просвѣщенія и нравственнаго развитія человечества; избирается только средство для этой цѣли тяжелое и острое, за невозможностію употребить легкое и мягкое.

Справедлива война и для защиты чести отечества, когда эта честь понимается не въ смыслѣ оскорбленнаго самолюбія, а въ смыслѣ нравственной обязанности народа сохранять между другими народами уваженіе къ своему достоинству, мировому значенію, къ своему умственному и нравственному развитію, внѣшней силѣ и могуществу, къ славлѣ и величію своего Государя. Охраненіе чести есть вмѣстѣ и охраненіе безопасности. Кто опасается затронуть или оскорбить честь народа, тотъ тѣмъ болѣе опасается посягнуть на его права и преимущества.

Но довольно. Проходя мысленно исторію войнъ нашего отечества, мы выносимъ изъ этого обозрѣнія утѣшительное убѣжденіе, что каждая изъ нихъ имѣетъ на себѣ одинъ, или

многіе изъ признаковъ праведной войны, нами указанныхъ. Милостію Божіею, намъ нѣтъ причинъ стыдиться за свое прошлое, а потому есть основаніе надѣяться, что Господь и въ будущемъ, если мы не прогнѣваемъ Его грѣхами своими, благословитъ побѣдами русское оружіе. По повелѣнію нашего Великаго Государя, отправляясь на войну, вынуждаемую требованіями права и силой обстоятельствъ, помолившись во святыхъ храмахъ, принявъ благословеніе Церкви и напутственныя благожеланія согражданъ, взявъ съ собою святыя иконы, русскіе полки съ вѣрой и упованіемъ всегда могутъ говорить въ сердцахъ своихъ, какъ говорилъ Моисей, поднимая Ковчегъ Завета предъ отправленіемъ въ походъ полка Израильскаго: *возстань, Господи, и разсыплются враги Твои и побѣгутъ отъ лица Твоего ненавидящіе Тебя* (Чис. 10, 35).
Аминь.

С Л О В О

ПРЕДЪ ПРЕДАНИЕМЪ ЗЕМЛѢ ТѢЛА
ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА

КНЯЗЯ Д. Н. КРАПОТКИНА ¹⁾.

Огнь пришелъ и низвергъеть на землю: и
какъ желалъ бы, чтобы огонь оуже возгорѣлся
(Лук. 12, 49).

Еще жертва тайнаго злодѣйства; еще невинная семья осиротѣла; опять люди порядка нравственно оскорблены, лица правительственныя смущены и встревожены, всѣ озабочены необычайностію событій.

Что же *намъ* дѣлать? Поминать невинно убиваемыхъ? Ждать новыхъ жертвъ? Смотрѣть, что будетъ дѣлать правительство для нашего спокойствія и безопасности? Повидимому, намъ, частнымъ людямъ, больше дѣлать и нечего; по крайней мѣрѣ, мы привыкли думать, что все это насъ не касается...

Такъ ли это? Но эти тайные враги отечества не изъ чужой страны, не изъ другаго народа: это наше порожденіе, это наши питомцы. На насъ ложится отвѣтственность за ихъ преступленія; именно насъ должно озабочивать то, что они находятъ убѣжище среди нашихъ согражданъ; насъ должна

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, 8 марта 1879 года.

ужасать мысль, что число ихъ можетъ умножаться, что нашъ стомилліонный народъ, при существующихъ условіяхъ, можетъ произвести ихъ еще цѣлыя полки. Кто же долженъ перепахать наше поле, на которомъ растутъ такіе плевелы? Кто долженъ засѣять нашу ниву лучшими сѣменами? Конечно, мы сами.

Вотъ когда настала пора понять, что значили эти льстивыя рѣчи: „христіанство есть религія любви и мира; не поднимайте преній о религіозныхъ вопросахъ, свойственныхъ среднимъ вѣкамъ; не раздражайте страстей; предоставьте каждому свободу думать и вѣровать, какъ онъ хочетъ; не смущайтесь разномысліемъ; все само собою придетъ въ порядокъ; все идетъ къ совершенству“.—Это намъ подлаживали мягкое возглавіе для нашей умственной и нравственной лѣнности и безопасности. Мы и заснули,—и сбывлась надъ нами притча Спасителя: *спящимъ же челоувкомъ, прииде врагъ и встѣя плевелы посреде пшеницы* (Матѳ. 13, 25).

Не то говорилъ намъ Господь: „огонь пришелъ Я низвестъ на землю“, говорилъ Онъ,—„и какъ желалъ бы, чтобъ онъ уже возгорѣлся!“ „Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“ (Матѳ. 10, 34). Итакъ, христіанамъ предлежитъ прежде война, со всѣми ея принадлежностями: бдительностію, искусствомъ, мужествомъ, ранами, смертями,—а потомъ уже миръ, какъ плодъ побѣды. Всѣ не признающіе неизбежности этой войны, не стоящіе во всеоружіи, не видящіе враговъ, не поражающіе ихъ—неизбѣжно сами терпятъ поражение; потому что враги наши не дремлютъ, мира не знаютъ, пощадъ не даютъ: имъ нужна только наша гибель. Это—начала лжи и зла, это—начала тьмы, о которыхъ непрестанно напоминаетъ намъ слово Божіе (Еф. 6, 12—17). Если мы устали, они ободряются; если мы сложили оружіе, думая, что все тихо, вездѣ безопасно и спокойно,—это значить, что намъ грозитъ великая бѣда. Объ этомъ и предупреждаютъ безпечныхъ христіанъ Апостолы Христовы: „когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба“ (1 Сол. 5, 3).—Вотъ она и постигла насъ. Развѣ это не пагуба: вѣрованія наши потрясены, нравственныя убѣжденія по-

дорваны; преступленія день ото дня умножаются, семейный бытъ разстроень, дѣти наши развращены, власть правительственная явно оскорбляется?...

Что же намъ дѣлать? Намъ надо принести честное, глубокое, искреннее покаяніе. Мы виновны предъ Богомъ, предъ Церковью, предъ отечествомъ, предъ потомствомъ.

Въ послѣднія полтора ста лѣтъ наши передовыя сословія уклонились отъ цѣлости Православной вѣры и правилъ христіанской жизни, и повлекли за собою простой народъ. Это ясно, доказывать нечего; но какъ это случилось? Вслѣдствіе ли тщательнаго изученія нашей Церкви, ея догматовъ и постановленій, и сознательнаго убѣжденія, что предки наши приняли не истинную религію, и мы нашли лучшую? Или мы убѣдились, что само христіанство должно уступить мѣсто философіи, или язычеству? И притомъ это убѣжденіе пріобрѣтено нами вслѣдствіе глубокаго изслѣдованія, тщательнаго сличенія, очевидныхъ опытовъ? Ничего не бывало! Мы все побросали, какъ разсѣянные или перепуганные дѣти. Мы оставили изученіе нашей вѣры въ ея источникахъ, ея исторіи, ея внутренней жизни и ограничились школьными учебниками. Отъ этого, очевидно, Православная вѣра оказалась слабою и неудовлетворительною, но не сама въ себѣ, а въ нашихъ головахъ, въ нашихъ познаніяхъ. Мы приняли множество чуждыхъ намъ религіозныхъ понятій и ложныхъ философскихъ ученій безъ критики, потому что мы не знали основательно ни ученія христіанскаго, ни философіи, и намъ не съ чѣмъ было ихъ повѣрить. Мы оставили правила жизни по уставамъ Православной Церкви не потому, что мы убѣдились, что они вредны для насъ и для народа, а потому, что намъ больше понравилась распущенная чувственная жизнь и сталъ для насъ тяжелъ трудъ духовный.

И вотъ намъ предлежитъ первый актъ покаянія: *самоиспытаніе*. Св. Апостоль Петръ обязываетъ насъ не только знать про себя, но и высказывать другимъ, во что мы вѣруемъ и чего надѣемся. „Будьте всегда готовы“, говоритъ онъ, „всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“ (1 Пет. 3, 15).

Что если бы, въ самомъ дѣлѣ, каждаго изъ насъ теперь за-
ставили вслухъ высказывать, во что онъ вѣруетъ или не вѣ-
руетъ, что и почему принимаетъ или отвергаетъ: сколько бы
мы услышали отъ Православныхъ, въ изложеніи ихъ личной
вѣры, неточностей, недоразумѣній, противорѣчій! Сколько бы
обнаружилось прямого незнанія, соединеннаго съ гордостію,
и рѣшительныхъ сужденій, переполненныхъ софизмами! Въ
этомъ случаѣ одно остается намъ: всѣ, у кого изъ насъ еще
живо чувство благоговѣнія и любви къ нашему Спасителю,
Источнику вѣры и упованія нашего, станемъ предъ Нимъ со
смирениемъ, и скажемъ словами Пророка: *Тебѣ, Господи,
правда, а намъ стыднѣе языкъ* (Вар. 1, 15).

Несомнѣнно, однако, что подобное самоиспытаніе, если
оно произведено будетъ искренно, заставитъ большинство на-
шего образованнаго общества примѣнуть къ Церкви: имъ тя-
жело будетъ отречься отъ нея, имъ страшно будетъ взглянуть
въ эту дикую пустыню сомнѣній, невѣрія, отрицанія. Если же
это такъ, то надобно и изучать свою религію, знать, во что
вѣруемъ, умѣть защитить свои убѣжденія, показать нравствен-
ную твердость въ охраненіи ихъ, а не *хромать на оба ко-
лена* (3 Цар. 18, 21), *не увлекаться всякимъ вѣтромъ уче-
нія* (Еф. 4, 14), какъ говорили людямъ, подобнымъ намъ,
Пророки и Апостолы.

Затѣмъ намъ надобно *дѣйствовать*, и прежде всего *рас-
познать другъ друга*, различить враговъ отъ друзей, *нашихъ
отъ чужихъ*, вѣрныхъ нашему знамени отъ измѣнниковъ. Вамъ
слово *измѣнникъ*, можетъ быть, покажется жесткимъ; но здѣсь
другаго употребить нельзя. Въ какой же войнѣ оставляющей
свое знамя и перебѣгающей ко врагамъ не называется измѣн-
никомъ? Послушайте, какъ умоляетъ Апостоль Павелъ вѣру-
ющихъ о сохраненіи единенія въ вѣрѣ: „дополните мою ра-
дость, говоритъ онъ,—имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же лю-
бовь, будьте единомышленны и единомысленны“ (Фил. 2, 2). По-
чему онъ такъ проситъ? Потому что только въ совершенномъ
единеніи вѣры и единообразіи поведенія членовъ Церкви за-
ключается ея сила; здѣсь уклоненія неважныя ведутъ къ ве-
ликимъ, какъ это и видимъ мы на себѣ. Въ Ветхомъ Заветѣ

еврея, измѣняющаго закону Господню и уклоняющагося къ язычеству, повелѣно было выводить за ворота и побивать камнями: „истреби зло изъ среды себя“ (Втор. 17, 2—7), говорилъ Моисей Израильтянамъ. Это было необходимо въ то время, когда, по плотности и грубости людей, нерѣдко и подобныя мѣры оказывались недѣйствительными. Намъ, чадамъ Новаго Завѣта, завѣта духа и любви, Господь Иисусъ Христосъ далъ иной законъ: исключать нарушителей правилъ вѣры и христіанской жизни изъ общества вѣрующихъ: *буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 17),—то есть, пусть измѣняющій единству вѣры будетъ для тебя *чужой*. Люби его, какъ всякаго человѣка; будь ему добрымъ сосѣдомъ и согражданиномъ, неси съ нимъ единомышленно всѣ государственныя повинности и обязанности, помогай ему въ нуждѣ, служи всѣмъ, чѣмъ можешь, будь ему даже другомъ по чувствамъ человѣческимъ: но по отношенію къ вѣрѣ твой внутренній міръ долженъ быть замѣнёнъ для него, его внутренній міръ долженъ быть чуждъ для тебя, если не вызываетъ обоихъ благожелательное и разумное собесѣдованіе о предметахъ разномыслія. Но послѣднее, то есть собесѣдованіе, безопасно только для твердаго въ вѣрѣ, сильнаго въ познаніи ученія Церкви; остальные же члены Церкви должны съ опасливостію выслушивать возраженія и пренія, помня долгъ *послушанія отцы* (2 Кор. 10, 5). Что можетъ быть справедливѣе этого? Если кому это кажется жестокимъ,—жалъ кого нибудь исключить изъ общества вѣрующихъ, жалъ разстаться и съ собственными заблужденіями,—уходи самъ. Такъ дѣлается и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ человѣческомъ, которое хочетъ быть вѣрно своей цѣли и обязанностямъ. Нигдѣ не допускаютъ, чтобъ каждый въ обществѣ думалъ, говорилъ, дѣлалъ, что хочетъ, не обращая вниманія на установленныя правила и порядки. Только у насъ, въ образованныхъ кружкахъ, по отношенію къ вѣрѣ и Церкви существуетъ такое нигдѣ невиданное исключеніе. У насъ всѣ вѣрующіе, всѣ христіане—и лжетолкователи, и порицатели, и отрицатели, и хулители—всѣ въ одномъ стадѣ: для насъ никто не опасенъ, ни чьи рѣчи не оскорбительны, ни отъ какого уничтоженія

нашихъ святыхъ вѣрованій и обычаевъ не страдаетъ наше сердце. Это духовное состояніе называется: *развращеніе умовъ*, и отъ него-то наиболѣе мы погибаемъ.

Мы напередъ знаемъ, что ожидаетъ насъ за излагаемое нами ученіе. Вы завтра же услышите отзывы о насъ: „это *фанатики*, *клерикалы*; имъ нужны *анаемы*, *инквизиціи*, преслѣдованія, казни; это враги свободы мысли, враги человѣческаго развитія“. Ничто изъ всего этого для насъ не страшно. *Анаемой*, по ученію Православной Церкви, и называется именно это спокойное, рѣшительное, не сопровождаемое никакимъ лишеніемъ гражданскихъ правъ и никакими преслѣдованіями, отдѣленіе больныхъ членовъ Церкви отъ здоровыхъ. *Фанатиками* называются изступленные люди, силой навязывающіе свои убѣжденія: мы этого не дѣлаемъ. *Клерикалы*— это члены западной религіозной партіи, которая стремится подчинить государство власти духовенства, и которой въ нашемъ отечествѣ и слѣдовъ не бывало; подобныя имена навязываютъ намъ люди, совершенно не знающіе исторіи нашей Церкви. *Инквизиціи* у насъ также не было: мы казней никому не просимъ. Мы мирно и спокойно говоримъ всѣмъ этимъ порицателямъ Церкви: „оставьте насъ“. Мы говоримъ и Православнымъ христіанамъ, чадамъ нашимъ о Господѣ: „берегитесь ихъ, бѣгите отъ нихъ“; *да будутъ они для васъ яко язычники и мытари*. Правда, что этотъ приговоръ окончательно произносится судомъ церковной власти; но не дай Богъ намъ дожить до этого суда. Какъ для вразумленія грѣшника указываются ему мученія вѣчной жизни: такъ мы указываемъ совращаемымъ съ истиннаго пути членамъ нашей Церкви на эту великую власть и право Церкви, чтобъ они руководствовались ея взглядомъ на наше настоящее положеніе, такъ какъ только въ этомъ наше спасеніе.

Но вотъ что еще особенно для насъ важно въ настоящее время: понять силу, которою враги нашей вѣры и Церкви порабащаютъ насъ своему влиянію и лишаютъ насъ твердости и свободы дѣйствій. Эта сила есть, такъ называемый, *ложный стыдъ*. Что это такое? Есть *стыдъ истинный*,—смущеніе души, или страданіе совѣсти, при видѣ порока или соблазна;

это чувство святое. Но при нравственной испорченности, у насъ мѣсто правилъ закона замѣняютъ обычаи, поддерживаемые большинствомъ, а мѣсто совѣсти—самолюбіе и тщеславіе. Отъ нарушенія обычая принятаго обществомъ, часто небезукоризненнаго, а иногда и совсѣмъ противнаго доброй нравственности, при опасеніи порицанія и насмѣшекъ, страдаетъ наше самолюбіе,—и мы уступаемъ иногда требованіямъ другихъ, вопреки совѣсти. Такъ неопытный юноша, попавшій въ общество дурныхъ товарищей, напивается виномъ, къ которому вовсе не привыкъ, чтобы не осмѣяли его товарищи, какъ малолѣтняго. Такъ и многіе христіане боятся, напр., пойти ко всенощной вмѣсто театра или концерта, соблюсти постъ, помолиться предъ столомъ, чтобы не назвали ихъ *ханжами*:—вотъ стыдъ ложный. Это нравственная болѣзнь русскихъ христіанъ нашего времени; ею-то и пользуются искусно наши враги. Но чтобы избавиться отъ стыда ложнаго, призовемъ на помощь стыдъ истинный: допустить въ своемъ христіанскомъ обществѣ такое умственное и нравственное разложеніе, такъ равнодушно относиться къ этому великому бѣдствію, не принимать противъ него зависящихъ отъ насъ мѣръ, стать по легкомыслію, безхарактерности и, такъ сказать, нравственной безличности, предметомъ *поношенія сестромъ нашимъ и притчею во языцехъ* (Пс. 43, 14—15),—вотъ чего давно надлежало намъ стыдиться! О ложномъ стыдѣ, который нынѣ получилъ у насъ такую силу, Господь сказалъ: *уже еще постыдится Мене и словеса Мои въ родъ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ Человѣческой постыдится его, егда придетъ во славу Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. 8, 38).

Наконецъ, намъ надобно *исполнять наши обязанности и пользоваться нашими правами*. Такъ, мужья должны помнить обязанность нравственнаго попеченія о своихъ супругахъ. Зачѣмъ вы ихъ отдаете на волю оболстителямъ, развращающимъ ихъ умъ и сердце, нашептывающимъ имъ, какъ древній змій Евѣ, въ отсутствіи Адама: *будете яко бози, вѣдаяще доброе и лукавое?* Ваша обязанность—напоминать имъ волю Божію: *смертію умрете*. Вамъ стыдно было показаться въ

глазахъ этихъ же самыхъ оболъстителей людьми *старыхъ мнѣній*? Ложный стыдъ! И вотъ, отъ малодушія, отъ недостатка мужества супруговъ и смѣлости изгнать изъ своего дома развратителей семейства, сколько супружествъ покрыто стыдомъ дѣйствительнымъ, сколько семейнаго счастья разбито, сколько несчастныхъ дѣтей разбросано! Если вы отецъ, зачѣмъ оставляете безъ наблюденія дочерей вашихъ, не знающихъ опасностей по своей невинности, погибающихъ отъ доврчивости, какъ Ева, по слову Апостола, обманутая хитростію оболъстителя (2 Кор. 11, 3)? Ваша обязанность—всею силой любви и родительской предусмотрительности оградить ихъ отъ вліянія непрощенныхъ просвѣтителей, вредныхъ книгъ, чрезмѣрной развязности и свободы молодыхъ людей нашего времени. Но вы боялись, что васъ назовутъ *деспотомъ* въ семействѣ и другими насмѣшливыми именами. Ложный стыдъ! И сколько невинныхъ дѣвицъ отъ этого погибло, сколько почтенныхъ семействъ обезславлено! По этимъ двумъ примѣрамъ все понятно: намъ нѣтъ надобности указывать еще случаи, гдѣ обязанности не исполнены и законная власть не употреблена въ дѣло изъ ложнаго стыда и напраснаго страха.

Опасаясь утомить васъ продолженіемъ слова, я прошу позволенія только указать еще на одну хитрость нашихъ враговъ, отличающуюся особенною тонкостію. Вы, давшій присягу въ вѣрности, подданный своего Государя, членъ общества, обязанный заботиться объ охраненіи общественной безопасности, вы сами нуждаетесь въ покровительствѣ закона,—и вамъ, въ случаѣ нужды и опасности, запрещается оглашать преступленіе или опасный замыселъ призывать власть на помощь—однимъ словомъ: „это доносъ“! Очевидно, васъ хотятъ пристыдить приравненіемъ къ тѣмъ продажнымъ людямъ, которые хотятъ только извлечь собственную выгоду изъ чужаго несчастія или погубить врага, не имѣя прямой цѣли охранять Государя и общество отъ преступниковъ и преступленій. Но устранили мысль о выгодѣ, наградѣ и личныхъ цѣляхъ, оставьте предъ собою одинъ гражданскій долгъ: и вы, обнаруживая гнѣздящуюся въ вашемъ домѣ, сосѣдствѣ, городѣ шайку развратниковъ, преступниковъ, бунтовщиковъ, исполняете также

свою обязанность, какъ спасающій спящихъ сосѣдей отъ воровъ и пожара. Такъ-то враги пользуются нашею безопасностью и издѣваются надъ нашею простотой!

Разсуждая о нашемъ горѣ и бѣдствіяхъ, мы не забыли тебя, невинно-убіенный князь Дмитрій Николаевичъ! Ты начало, конецъ и душа нашего слова. Мы чтимъ твою службу отечеству, оплакиваемъ твою преждевременную кончину, молимся о прощеніи твоихъ согрѣшеній, состраждемъ отъ сердца твоей плачущей семьѣ. За рано отнятую жизнь, за твою мученическую смерть Господь воздастъ тебѣ вѣчнымъ успокоеніемъ. Но, какъ кровь древнихъ мучениковъ была для міра сѣменемъ вѣры и истины, такъ кровь твоя и другихъ, подобно тебѣ пострадавшихъ, да будетъ для нашего отечества сѣменемъ покаянія, отрешенія, здравомыслія и нравственнаго исправленія. Вамъ вмѣнены будутъ въ награду тѣ плоды, которые принесутъ отечеству ваши неповинныя страданія. Аминь.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

О НАЧАЛАХЪ ХРИСТИАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

БУДИТЕ ВѢ СОВЕРШЕНИ, ЯКОЖЕ ОТЕЦЪ ВѢШЕ
НЕКѢСНЫЙ СОВЕРШЕНЪ БѢСТЬ (Матѣ. 5, 48).

Благочестивѣйшій Государь нашъ въ послѣднее пребываніе Свое въ Москвѣ призывалъ всѣхъ насъ къ содѣйствию, „чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“.

Этотъ милостивый призывъ есть знаменательная историческая черта нашего времени. Исторія отдастъ справедливость великимъ преобразованіямъ, совершеннымъ Александромъ II въ нашемъ отечествѣ, но она также отмѣтитъ и то, что Великій Преобразователь скорбѣлъ о неспособности многихъ изъ нелишенныхъ образованія молодыхъ людей Его времени понять Его великія предначертанія для блага отечества. Исторія отмѣтитъ Его вѣрный, глубокій взглядъ на умственное и нравственно состояніе нашей современной молодежи:

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 19 февраля 1879 года.

Онъ находитъ наилучшій способъ вразумленія ея не въ преслѣдованіи со стороны власти, не въ карахъ правосудія, а въ средствахъ разумнаго убѣжденія. Ему жаль нашу даровитую, горячую русскую молодежь, сбиваемую съ пути, и Онъ хочетъ облегчить ея виновность, признавая ее во всеуслышаніе жертвой людей неблагонамѣренныхъ. Онъ призываетъ родителей, наставниковъ, воспитателей, писателей и всѣхъ гражданъ русской земли спасать отъ увлеченій нашу заблуждающуюся молодежь, такъ какъ въ ней гибнутъ молодыя силы, столь нужны для блага и преуспѣянія нашего отечества, нынѣ поставленнаго на путь всесторонняго развитія и преуспѣянія.

Чѣмъ же мы можемъ и должны отозваться на это истинно-отеческое слово Великаго Государя нашего?—Заботливою и усердною дѣятельностью по данному намъ указанію.

Въ рукахъ истинно-просвѣщенныхъ и опытныхъ руководителей много способовъ дѣйствовать на молодыхъ людей; но главный способъ, безъ котораго всѣ остальные безсильны, есть безъ сомнѣнія воспитаніе. Здоровое воспитаніе поставитъ на прямую дорогу дѣтей и отроковъ, изъ которыхъ молодежь выходитъ. Вѣрныя сужденія о воспитаніи и счастливые опыты его вразумятъ и многихъ юношей, по самому возрасту своему еще способныхъ перевоспитать или довоспитать себя. Изъ юношества, здраво воспитаннаго, явятся новые отцы и матери на смѣну тѣхъ, которые неисправимы и старѣютъ въ своихъ заблужденіяхъ, поддерживаемыхъ пороками.

Печальные опыты послѣдняго времени убѣдили насъ, что намъ необходимо озаботиться установленіемъ здоровыхъ и единообразныхъ началъ воспитанія. Начала воспитанія ложныя искажаютъ и развращаютъ народъ; начала разнообразныя и противорѣчивыя раздѣляютъ и разлагаютъ его, лишая его цѣлости, единомыслія и единодушія. Но какъ намъ согласиться въ началахъ и основныхъ приѣмахъ воспитанія? Невообразимая, ни въ одномъ народѣ невиданная рознь въ возрѣвнѣхъ и сужденіяхъ губитъ всякое наше отечественное дѣло и приводитъ въ отчаяніе самыхъ благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ русскихъ людей. Мы боимся, что наши люди науки и

объ этомъ неотложномъ вопросѣ на много лѣтъ поднимуть пренія безъ надежды соглашенія. А время уходитъ, молодежь наша не перестаетъ быть жертвою людей неблагонравныхъ.

Что же намъ дѣлать? Одно спасеніе:—обратиться къ просвѣщеннымъ семействамъ, сохранившимъ еще, болѣе или мѣнѣе, христіанское настроеніе и знающимъ по опыту благотворность христіанскихъ началъ воспитанія. Пусть они, эти христіанскія избранныя семейства, возвысятъ свой голосъ за дѣтей русской земли, покажутъ у себя примѣръ какъ истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей, такъ и огражденія ихъ отъ вліянія пишущихъ и преподающихъ лжеучителей, губящихъ наше отечество: ихъ голосъ поддержать тысячи семей, живущихъ безъ образованія въ простотѣ вѣры, и также страдающихъ отъ развращенія своихъ дѣтей духомъ времени; ихъ голосъ поддержитъ весь народъ русскій, уже чувствующій тяжкія послѣдствія современнаго развращенія нравовъ, но, по милости Божіей, еще живущій духомъ вѣры и благодати Христовой.

Но здѣсь чрезвычайно важно одно условіе: именно—чтобы просвѣщенныя христіанскія семейства имѣли *сами* разумное, сознательное и твердое убѣжденіе, что *христіанскія начала воспитанія суть единственно вѣрные и надежныя*. Они должны быть вооружены яснымъ пониманіемъ достоинства хранимыхъ ими началъ противъ нападенія нашихъ современныхъ философовъ. На нихъ посыплется (какъ и прежде это было, когда насъ еще только совращали съ пути) замѣчанія, что правила и приемы христіанскаго воспитанія, дѣйствовавшіе у насъ въ теченіе тысячи лѣтъ, пропитаны буквализмомъ, мертвою обрядностью, лишены разумныхъ (раціональных) началъ и не даютъ дѣтямъ надлежащаго развитія, лишаютъ ихъ свободы мысли, поражаютъ одностороннихъ аскетовъ, отличающихся духомъ нетерпимости, и пр.

Въ отвѣтъ на это родители-христіане могутъ противопоставлять не только собственный опытъ сердца и жизни, но и прямыя доказательства, что христіанская буква и обрядность имѣютъ глубочайшій смыслъ, что христіанскіе приемы воспи-

танія имѣютъ въ своемъ основаніи глубочайшія рациональныя начала, которыхъ искали, но до которыхъ не могли домыслиться истинные философы древности, и которыхъ не понимаютъ только лжефилософы нашего времени.

Постараемся объяснить это. Но и здѣсь представляется затрудненіе: предметъ отвлеченный; нужно нѣкоторое напряженіе мысли; а мыслить крѣпко и самостоятельно мы не привыкли. Оттого, скажемъ къ слову, мы и дѣлаемся легкою добычей всякаго лжеученія, и попадаемъ въ руки всякому заѣзжему проповѣднику.

Наши новые философы не видятъ, или не хотятъ видѣть, что христіанство есть не только Божественное Откровеніе, но и совершеннѣйшая философія. Еще за полторы тысячи лѣтъ говорили люди мыслящіе, что „душа человѣческая отъ природы христіанка“. Христіанство принимаетъ человѣка какъ онъ есть, съ его природой, свойствами, законами мышленія и дѣятельности,—и по этимъ именно законамъ его воспитываетъ для временной и вѣчной жизни, исправляя худое, восполняя недостающее. Оно не прививаетъ къ человѣку ничего несвойственнаго его природѣ, не даетъ ему иного назначенія, не употребляетъ средствъ произвольныхъ, не вызываемыхъ существовою необходимостью. Поэтому начала и приемы христіанскаго воспитанія суть прежде всего начала философскія, то есть, требуемыя природой человѣка, потомъ—христіанскія, то есть, сообщающія нашей природѣ то, чего ей недостаетъ въ ея настоящемъ состояніи.

Что такое воспитаніе?

Въ обширномъ смыслѣ, воспитаніе есть постепенное возведеніе живаго существа къ возможной для него полнотѣ совершенства и благосостоянія, чрезъ правильное развитіе его силъ и способностей. Изъ этого общаго понятія видно, что для правильнаго воспитанія человѣка, какъ и всякаго живаго существа, требуется, во-первыхъ, ясное понятіе о совершенствѣ, которое для него желается, во-вторыхъ, о средствахъ, наиболѣе вѣрныхъ для достиженія совершенства, наконецъ, въ третьихъ, о плодахъ развитія или ожидаемомъ благосостояніи воспитанника.

Всѣ эти условія воспитанія существенно необходимы. Безъ яснаго понятія о человѣческомъ совершенствѣ воспитаніе пойдетъ по способу хожденія слѣпыхъ—ощупью; безъ увѣренности въ средствахъ—съ колебаніями, нерѣшительностію и робостію; безъ понятія объ истинномъ благосостояніи воспитанника—воспитаніе пойдетъ не для его блага, а въ удовлетвореніе только предположеній и мечтаній родителей, или въ исполненіе любимой теоріи воспитателей.

Первое условіе, или понятіе о совершенствѣ человѣческомъ, иначе называется идеаломъ или первообразомъ человѣческаго совершенства. Недавно еще у насъ была проповѣдуема теорія воспитанія безъ всякихъ идеаловъ и предвзятыхъ понятій о совершенствѣ; но скоро дѣти, возрастающія подъ руководствомъ только своей природы, показали въ себѣ развитыми наиболѣе ея недостатки, и отличались преимущественно пороками. Сознались современные мыслители въ необходимости идеаловъ, и растерялись въ исканіи ихъ.

Подъ вліяніемъ матеріалистическихъ понятій, что религія есть собраніе суевѣрій, а нравственность—совокупность безсодержательныхъ правилъ и обычаевъ, и что истинное совершенство человѣка состоитъ только въ знаніи,—новые мыслители усиленно, не давая опомниться, гонять нашихъ юношей и дѣвицъ къ многознанію, воображая въ будущемъ наше отечество въ блескѣ научнаго образованія и всевозможныхъ усовершенствованій. Знанія распространяются; спеціальности размножаются до безконечности; число спеціалистовъ, даровитыхъ и бездарныхъ, свѣдущихъ и несвѣдущихъ, увеличивается съ каждымъ днемъ: но вмѣстѣ съ ними умножается и число людей, у которыхъ видимо не обработано сердце; щекотливость самолюбія замѣняетъ чувство чести и человѣческаго достоинства; страсти не сдержаны; своеволіе не обуздано. Ясно, что въ нихъ не воспитаны цѣлыя обширныя стороны души человѣческой; природа даетъ себя знать. Стало быть, идеаль не полонъ.

Понявъ эту односторонность, стали налегать на развитіе чувства красоты, на художественное образованіе, полагая, что, полюбивъ прекрасное, человѣкъ и самъ сдѣлается прекрас-

нымъ. И эта надежда не оправдывается. Опытъ показалъ, что и любя прекрасное, человѣкъ самъ можетъ быть безобразнѣе собственныхъ своихъ произведеній. Здѣсь не досмотрѣно одно важное обстоятельство: что сдѣлать самого человѣка прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую.

Нашли еще идеалы—въ великихъ характерахъ, созданныхъ фантазіей драматурговъ и другихъ поэтовъ, и въ историческихъ личностяхъ новаго и стараго времени. Но во-первыхъ, надо воспитывать цѣлые народы, а произведенія поэтовъ и великіе люди исторіи, вопреки всѣмъ усиліямъ любителей просвѣщенія, народнымъ массамъ много если будутъ извѣстны только по именамъ. Наука дорога, а имъ впору добывать себѣ насущный хлѣбъ. Далѣе: не у всякаго человѣка достанетъ силъ на великое; что же дѣлать людямъ, обладающимъ малою долею силъ и талантовъ? Наконецъ, во всѣхъ великихъ личностяхъ, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: подражаніе полное повторить въ подражателяхъ недостатки образцовъ, а забота объ избѣжаніи ихъ недостатковъ подрываетъ въ подражателяхъ благоговѣніе къ нимъ. Въ послѣднемъ же развитіи этой теоріи будетъ созданіе новой языческой міеологіи, съ преступными героями и безнравственными богами.

Гдѣ же идеаль истинный, объемлющій всю природу человѣка во всей полнотѣ и въ нескончаемомъ его развитіи, всѣмъ близкій и для всѣхъ доступный, легко познаваемый, дающій слабому малое, сильному великое, достолюбезный, всѣхъ къ себѣ влекущій и всѣхъ удовлетворяющій? Такой идеаль одинъ,—это Богъ Христіанскій: *будите вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*. Ему-то, несозданному, обрадовался, когда услышалъ благовѣстіе о Немъ, испробовавшій всѣ созданные идеалы древній міръ языческій, или—что то же—міръ философскій. Но такъ какъ человѣкъ, поврежденный во всѣхъ основахъ своей природы, не могъ самъ собою возвыситься къ Богу невидимому и войти въ общеніе съ Нимъ, то Богъ послалъ въ міръ во плоти Сына Своего Единороднаго (Гал. 4,4), Который взываетъ: *пріидите ко мнѣ*

вси (Матѣ. 11 28); *видѣтый Мене виде Отца* (Іоан. 14, 9). И вотъ Онъ представляется намъ и нынѣ стоящимъ предъ новыми врагами Своими, какъ стоялъ нѣкогда предъ іудеями, и вопрошающимъ: много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями (Іоанн. 10, 32)? Только гордость фарисейская и самообольщеніе эллинское могутъ отрицать всесовершеннѣйшія свойства этого идеала и родство Его съ душою человѣка. Укажите въ человѣкѣ самое высшее требованіе природы, которое бы въ Немъ не находило удовлетворенія; вообразите самое высшее совершенство, котораго бы въ Немъ не было. Онъ есть сама истина, любовь, благость, чистота, правда, безкорыстіе, самоотверженіе, трудолюбіе, терпѣніе, мужество,—но кто исчислитъ всѣ Его совершенства? Развѣ то въ Немъ не по духу нашего вѣка, что въ Немъ нѣтъ страстей, которыми бы мы могли себя оправдывать, и Онъ не потворствуетъ имъ,—что Онъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется леть въ устѣхъ Его* (Ис. 53, 9).

Къ нему приводятъ, предъ Него ставятъ христіанскіе родители своихъ дѣтей въ томъ священномъ училищѣ, которое называется Церковію. Здѣсь воспитаніе идетъ по всѣмъ законамъ человѣческаго развитія. Сначала чрезъ чувства,— посредствомъ впечатлѣній. Какъ красоты природы въ главныхъ чертахъ человѣкъ узнаетъ и начинаетъ любить раньше всякой науки, знакомясь съ нею посредствомъ простаго созерцанія и опытовъ дѣтства: такъ и въ Церкви приобрѣтаются первыя представленія о Богѣ, самыя раннія и наиболѣе важныя въ жизни человѣка, чрезъ созерцаніе изображеній, дѣйствій, символовъ, указывающихъ на міръ духовный. Мать, предметъ всей любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя: дитя посмотритъ то на нее, то на образъ—и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значить. Вотъ первый, безмолвный урокъ Богопознанія. Дитя въ храмѣ: благолѣпіе храма, освѣщеніе, свѣтлыя облаченія священнослужителей, пѣніе и безмолвное предстоаніе молящихся, обращенныхъ къ олтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предме-

товъ обыденной жизни, запрещеніе неблагоговѣйныхъ движеній, требованіе вниманія къ чему-то высшему, особенному,— это уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнитъ никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя. При этихъ урокахъ нельзя замѣтить минуты, съ которой отсрывается въ дѣтяхъ пониманіе того, что читается и поется въ храмѣ: мы знаемъ только, что любили нашего Спасителя еще задолго до уроковъ Закона Божія, потому что часто слышали повѣствованія о Немъ, много Ему молились, лобызали Его Евангеліе, плакали о Немъ при чтеніи Его страданій и радовались всѣмъ сердцемъ, празднуя Свѣтлое Воскресеніе. Этому обилія благодатныхъ вліяній и самой благодати Божіей лишаютъ родители своихъ дѣтей, ненося ихъ въ храмъ для пріобщенія св. Таинъ и не приводя въ раннемъ возрастѣ въ Церковь по тому пустому предлогу, что дитя ничего не понимаетъ: какъ будто только одинъ анализирующій разумъ есть проводникъ всѣхъ вліяній, дѣйствующихъ на развитіе человѣка! Здѣсь собственно воспитывается религиозное чувство, главный двигатель духовной жизни. Потеря этого времени и этого способа развитія сердца есть потеря невозвратимая. Послѣ дитя и отвлеченныя понятія усвоивать будетъ, и уроки твердить станетъ; но сердце, которымъ овладѣли уже инныя впечатлѣнія и склонности, будетъ тупо и глухо къ впечатлѣніямъ духовнымъ.

Дальнѣйшее воспитаніе, сообщаемое Церковью, точно также рационально. Не легко душу человѣка, отсюду окруженную земными предметами и непрестанно вызываемую въ міръ внѣшній, возвести въ міръ духовный и пріучить внутренно чаще къ нему обращаться и жить въ немъ. Для этого мало заставить дѣтей по два часа въ недѣлю слушать школьные уроки Закона Божія, оставляя ихъ затѣмъ на все время на жертву всякимъ вліяніямъ, безъ предостерегающаго напоминанія о Богѣ. Церковь поступаетъ не такъ. Она обязываетъ своихъ учениковъ съ ранняго дѣтства, съ самаго обученія грамотѣ, дня не проводить безъ чтенія слова Божія, не опускать ни одного праздничнаго Богослуженія, не обращать домашней молитвы въ минутный безсознательный обрядъ, не

пренебрегать урочными временами, въ которыя запрещаются удовольствія и развлеченія, душа сосредоточивается въ себѣ и обсуждаетъ свое нравственное состояніе... Все это *намъ самимъ* нынѣ трудно. Намъ самимъ желательно, чтобы насъ не обязывали ни къ какому духовному труду, чтобы у насъ былъ вѣчный праздникъ со всѣми увеселеніями, чтобы намъ разрѣшили спектакли и на Страстной недѣлѣ, и никто бы ничѣмъ не тревожилъ нашей совѣсти... Лѣнясь сами, мы отъ всѣхъ благочестивыхъ упражненій, какъ излишнихъ, освобождаемъ и дѣтей своихъ. За то и пожинаемъ чтó сѣемъ, и оправдывается надъ нами слово Спасителя: собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы (Матѣ. 7, 16)?

Нѣтъ надобности распространяться о дальнѣйшихъ приемахъ религіознаго образованія, употребляемыхъ Церковью. Заложивъ въ душахъ дѣтей и отроковъ чувства благочестія первоначальнымъ воспитаніемъ, оно открываетъ молодымъ людямъ всѣ источники знанія *подъ охраною вѣры*, приучая ихъ къ употребленію свободы *подъ наблюденіемъ нравственнаго закона*. Правила Церкви для возрастнаго христіанина: все испытывайте, хорошаго держитесь (1 Сол. 5, 21); все мнѣ позволительно, но не все полезно (1 Кор. 10, 23). Она ставитъ закономъ одно основное начало знанія и жизни: все отъ Бога исходитъ и къ Богу возвращается. Истинный питомецъ Церкви видитъ Бога въ исторіи домостроительства нашего спасенія, въ исторіи міра, въ природѣ, въ опытахъ своей жизни, а главное—чувствуётъ Его въ своемъ сердцѣ: предъ Нимъ трудится, скорбитъ и радуется, отъ Него всего надѣется, съ Нимъ живетъ и къ Нему отходитъ по смерти. Съ какимъ же инымъ идеаломъ человѣкъ можетъ внутренно такъ сдружиться и быть неразлучно, въ какомъ другомъ идеалѣ можетъ почерпнуть столько внутренняго успокоенія, вдохновенія и силы?

Вмѣстѣ съ выясненіемъ въ сознаніи воспитанника высочайшаго первообраза человѣческаго совершенства, Церковь принимаетъ мѣры и къ направленію его дѣятельности, согласно съ совершенствами первообраза. Такъ должно быть по требованіямъ и всякой науки о человѣкѣ, къ какому бы философскому направленію она ни принадлежала. Но никакая

педагогія не обладает такими средствами или приёмами для направлення челоуѣка къ совершенству, какими владѣтъ Церковь.

Внутренняя жизнь челоуѣка есть тайна. Мы можемъ говорить воспитаннику, учить, совѣтовать, но что происходитъ въ его духѣ вслѣдствіе нашихъ убѣжденій—мы не можемъ знать, если онъ самъ этого не откроетъ; да еще и въ силахъ ли онъ самъ объяснить, что въ немъ происходитъ? Притомъ, всѣмъ нашимъ вліяніямъ становится, такъ сказать, на дорогѣ особая способность челоуѣка, составляющая величайшее его преимущество, но вмѣстѣ и величайшее затрудненіе для воспитателей: это—его свобода. Можно склонить его свободу по нашему желанію хитростію, оболъченіемъ; но онъ скоро пойметъ и, найдя себя обманутымъ, потеряетъ къ намъ довѣріе. Его можно принудить дѣлать то, чего мы желаемъ; но онъ внутренно будетъ намъ противиться, и сдѣланное по насилію не признаетъ своимъ. Кто можетъ войти въ душу челоуѣка и привести все въ ней въ порядокъ,—заставить ее думать, желать, дѣлать все такъ, какъ мы полагаемъ лучшимъ для ея блага? Никто, кромѣ Бога-Сердцевѣдца. Ему-то, познанному дѣтьми христіанскими отъ рожденія, Церковь и поручаетъ воспитаніе ихъ, оставляя каждаго изъ нихъ на попеченіе неотлучнаго приставника, недремлющаго наблюдателя—ихъ собственной совѣсти.

Что такое совѣсть? По наблюденіямъ психологическимъ, она есть чувство жизни духовной, подобное чувству жизни физической, какое мы имѣемъ въ нашемъ тѣлѣ. Это чувство свидѣтельствуетъ о правильномъ, гармоническомъ настроеніи нашего духа и расширеніи его жизни, когда мы дѣлаемъ добро, и о разстройствѣ, стѣсненіи, страданіи, когда мы дѣлаемъ злое, подобно тому, какъ чувство жизни въ тѣлѣ даетъ намъ знать, тепло ему или холодно, больно оно или здорово. Смущеніе дитяти уличеннаго во лжи, краска стыда на лицѣ дѣвицы при появленіи соблазна—вотъ самыя первыя проявленія совѣсти, свидѣтельствующей о нравственномъ замѣшательствѣ или разстройствѣ души. Самыя страшныя потрясенія совѣсти испытываетъ невинная молодость при первомъ

падени. Опыты утѣшенія совѣсти при добромъ дѣлѣ также начинаются въ душѣ нашей весьма рано, и никогда ея не покидаютъ. Отсюда видно, въ чемъ заключается тайна нравственнаго воспитанія. Она состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобъ сохранить въ воспитанникѣ совѣсть чистою, то есть, чуткою, бодрою, вѣрно показывающею нравственныя состоянія души, и самую душу охранить отъ разстройства, или немедленно возстановлять послѣ разстройства, чтобы дать юному человѣку почувствовать внутреннее благосостояніе, приобрѣтаемое исполненіемъ нравственнаго закона, или, иначе, познакомить его съ *духовнымъ опытомъ*. Въ этомъ опять единственно безошибочною и благонадежною руководительницею является Церковь.

Великія усилія она употребляетъ, чтобы прежде всего просвѣтлить, или, такъ сказать, *вытритъ* совѣсть своихъ сыновъ юныхъ и возрастныхъ, чтобъ она была безошибочнымъ показателемъ преступленія и добродѣтели, отъ самаго зарожденія ихъ въ мысли и неясной мечтѣ до послѣдняго осуществленія на дѣлѣ. Для этого непрестанно при богослуженіяхъ, въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, преподается ученіе о Богѣ всесовершенномъ и всеправедномъ, ненавидящемъ грѣхъ и любящемъ добродѣтель; предлагаются описанія преступленийъ и подвиговъ добродѣтели и повѣствованія о грѣшникахъ, наказанныхъ или помилованныхъ и праведникахъ блаженствующихъ; возносятся умиленные молитвы о прощеніи нашихъ согрѣшеній и избавленіи отъ соблазновъ и искушеній. Сюда направлены всѣ правила о говѣніи, всѣ законоположенія объ исповѣди и приобщеніи. Здѣсь дитя, вмѣстѣ съ родителями и всѣми христіанами, непрестанно поставляется со своею совѣстію предъ Богомъ,—ни для кого невидимо, но для него понятно. Здѣсь, говоря современнымъ языкомъ, совершается тотъ медленный процессъ,—не передаваемый ни въ какомъ краснорѣчивомъ урокѣ,—процессъ раздѣленія въ нашемъ сознаніи двухъ присущихъ намъ природъ, или двухъ человѣковъ—ветхаго и новаго, добраго и злаго, и не только предлагается нашей свободѣ выборъ направленія жизни, но и прямо дается чувствовать, что только въ направленіи къ доб-

родители есть истинная жизнь и счастье души человеческой. Чѣмъ вы это замѣните въ научныхъ системахъ воспитанія? Раціоналисты могутъ строить только не оправдываемыя опытомъ теоріи; а педагоги, позитивисты и матеріалисты, изъ любимаго ими животнаго царства ни до чего подобнаго и возвыситься не могутъ.

Эти приемы нравственнаго воспитанія Церковь ввела и въ семейства. Мать—истинная христіанка—въ прежнее время непрестанно указывала дитяти: „это грѣхъ“. Что это значить? Можетъ быть, намъ это понятнѣе будетъ на языкѣ ученомъ, нежели на библейскомъ. Это значить указаніе на уклоненіе отъ идеала человеческого совершенства. Ничего не можетъ быть раціональнѣе, какъ замѣчать дитяти съ ранняго возраста его уклоненія отъ предназначеннаго ему совершенства. При мысли о Богѣ, наказующемъ грѣхъ, частое указаніе на возможность грѣха есть самый вѣрный способъ научить дитя различать грѣхи и бояться грѣховъ. А такъ какъ прежде страшились не только нарушенія Заповѣдей Десятословія, но и воспитательныхъ уставовъ Церкви, то случаи остерегать дѣтей отъ грѣха представлялись часто. Нынѣ многими ничто не почитается за грѣхъ, кромѣ развѣ уголовныхъ преступленій, ведущихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Но по ученію Церкви, есть грѣхи малые, ведущіе къ великимъ. Дитяти говорили, когда оно просило пицци скоромной въ постный день, или въ праздникъ до обѣдни: „грѣхъ“; это значило—учись воздержанію и терпѣнію; когда оно позволяло себѣ неприличныя движенія на молитвѣ, говорили: „грѣхъ“; это значило учись благоговѣнію; уронило часть просфоры: „грѣхъ“; это значило—чти святыню; небрежно обращается съ хлѣбомъ: „грѣхъ“,—невниманіе къ дару Божию; упрямится исполнить приказаніе отца, или матери: „грѣхъ“; это значило—повинуйся законной власти, и т. п. Оттого-то прежде и боялись большихъ грѣховъ, что совѣсть чутка была къ малымъ, что великъ былъ страхъ отвѣтственности предъ Богомъ, что хорошо знакомы были страданія души, впадающей по несчастію въ тяжкій грѣхъ. Нынѣ все можно и ничто не страшно. Отъ тупости нравственнаго чувства происходитъ это безстра-

шіе и дерзость по отношенію къ порокамъ и страшнымъ преступленіямъ, какія видимъ мы нынѣ.

При этихъ же урокахъ Церкви зараждается и духовный опытъ, о которомъ мы говорили выше. Онъ начинается борьбой съ влеченіями испорченной природы, обнаруживающимися съ ранняго дѣтства, и сопровождается чувствомъ удовольствія при преодолѣніи ихъ, и такимъ образомъ полагается начало мужества и твердости въ подвигахъ добродѣтели. Здѣсь приобрѣтается опытное познаніе высшихъ утѣшеній, какія можетъ имѣть человекъ и помимо чувственныхъ увеселеній, каковы: молитвенное умиленіе, сладость уединеннаго размышленія при чтеніи слова Божія, чувство душевнаго мира и при тѣлесной усталости послѣ продолжительныхъ богослуженій, облегченіе совѣсти послѣ исповѣди, радость по приобщеніи Св. Таинъ и при церковныхъ торжествахъ. Все это даетъ опытное понятіе объ иной жизни, чѣмъ наша земная, даетъ *позывъ къ этой жизни, соединяющійся съ охлажденіемъ къ чувственнымъ увеселеніямъ*. Отсюда происходитъ приобрѣтаемое съ лѣтами и духовною зрѣлостію безстрашное разставаніе съ этою жизнію и надежда вѣчнаго успокоенія за гробомъ.

Какіе плоды эти воспитанники Церкви приносятъ съ собою, вступая въ общественную жизнь? Юноши и дѣвицы во всемъ складѣ или настроеніи своего духа получаютъ *противовѣсье* соблазнамъ свѣта, предостереженіе въ совѣсти противъ искушеній; они, и одоляемые силою страсти, пройдутъ долгую борьбу, много перепахнутъ внутренно, прежде нежели рѣшатся на тяжкій проступокъ; а въ случаѣ паденія, имъ есть къ чему возвратиться: они знаютъ способы леченія душевныхъ болѣзней, имъ знакомо и пріятное чувство нравственнаго выздоровленія. О, какъ они не похожи на этихъ одичавшихъ нравственно питомцевъ современной науки!

Воспитанники Церкви опытомъ жизни, съ помощію благодати Божіей, утвердившейся въ добрыхъ правилахъ и навыкахъ, становятся недоступными для преступленій. Видятъ, или не видятъ ихъ люди, угрожаетъ, или не угрожаетъ имъ наказаніе,—они не совершаютъ преступленія: оно имъ гадко, оно имъ страшно и противно ихъ природѣ. Никакія оболь-

щенія—богатства, наслажденій, роскоши не соблазняютъ ихъ: имъ пріятнѣ сухая корка чернаго хлѣба съ миромъ совѣсти, чѣмъ самыя роскошныя яства, добытыя преступленіемъ. Оттого-то артельщикъ, воспитанный въ деревнѣ, у вдовы-матери, простой христіанки, въ страхѣ Божіемъ, носить миллионы отъ банка до банка и не заглядывается на нихъ, а образованный кассиръ систематически обкрадываетъ кредитныя учрежденія. Оттого прежде бывало, что грубый крестьянинъ, знавшій съ дѣтства Церковь Божію, совершивъ убійство, идетъ донести самъ на себя, чтобы праведною карой закона облегчить страданія своей души, а нынѣ бываетъ, что образованный юноша-убійца заранѣе добываетъ фальшивые паспорты.

Только воспитанники Церкви знаютъ возможность быть внутренно счастливыми при трудностяхъ и лишеніяхъ жизни. У нихъ всегда есть въ готовности утѣшеніе: честно день потрудиться, усердно помолиться, оказать ближнему услугу, отдохнуть мирно въ своемъ семействѣ, или въ обществѣ друзей, въ бѣдѣ возложить печаль свою на Господа. Оттого они всегда довольны своимъ состояніемъ, не смотря съ завистію на довольство другихъ, не раздѣляютъ мысленно между собою чужаго богатства; беспорядки, волненія, возмущенія—не ихъ дѣло.

Еще Соломонъ говорилъ: *въ благословіи правыхъ возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается* (Прит. 11, 11). Какъ, повидимому, труды праведниковъ, пріобрѣтающіе городамъ и царствамъ Божіе благословіе и благоденствіе, могутъ быть уничтожаемы болтливыми, или лживыми устами? Однако, это такъ. Никто не позналъ этого горькимъ опытомъ лучше насъ. Кто раскапываетъ основы нашего могущества: единомысліе, единодушіе, нравственную твердость, вѣрность, покорность властямъ, чистоту нравовъ? Уста и перья нечестивыхъ! Пора намъ заградить, если не уста лживыя, то собственный нашъ слухъ отъ ихъ рѣчей и обратиться къ трудамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, чтобы возвратить себѣ пріобрѣтенное ими Божіе благословіе. Аминь.

С Л О В О

въ день рожденія

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ¹⁾.

О НЕРАВЕНСТВѢ СОСТОЯНІЙ.

Богатъ и нищъ срѣтоста другъ друга:
бокоу ихъ же Гдѣ сотвори (Прит. 22, 2).

Въ дни празднествъ въ честь Благочестивѣйшаго Государя Императора и Благочестивѣйшія Государыни Императрицы въ настоящее время намъ всего приличнѣе бесѣдовать о средствахъ къ прекращенію тѣхъ (извѣстныхъ всѣмъ) печальныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ, которыя такъ глубоко огорчаютъ нашего великаго Государя, Отца своихъ подданныхъ и Освободителя народовъ, и великую Государыню, сердобольную Матерь и попечительницу о всѣхъ страждущихъ и нуждающихся.

И прежде всего намъ нужно стараться о томъ, чтобы возмутителей общественнаго спокойствія лишить возможности распространять ихъ вредныя ученія. Если нельзя ихъ самихъ вразумить и возвратить на путь истинный: то пусть они, сколько ихъ есть, остаются одни съ своими ложными убѣжденіями, и одни за свои дѣйствія отвѣчаютъ передъ нашимъ

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, 27-го іюля 1879 года.

народомъ, правительствомъ и потомствомъ. Какъ же мы можемъ остановить распространеніе этихъ ученій? Раскрытіемъ ихъ внутренней лжи, неестественности, несоотвѣтствія съ непреложными законами и опытами человѣческой жизни, и затѣмъ,—указаніемъ противоположныхъ имъ возрѣвнѣй здравыхъ, ученій вѣрныхъ, правилъ благотворныхъ.

Исходную точку всѣхъ ложныхъ ученій, проповѣдуемыхъ современными возмутителями общественнаго порядка (соціалистами), составляетъ трудный вопросъ о неравенствѣ состояній, или положеній, выпадающихъ на долю людей въ общественной жизни. Зачѣмъ одинъ богатъ, а другой бѣденъ; одинъ повелѣваетъ, другой долженъ повиноваться; одному достается трудъ пріятный и благородный, другому грубый и унижительный; одному доступны всѣ наслажденія жизни, другой какъ бы обреченъ на одни лишенія и страданія? По справедливости всѣ должны быть равны, никто не долженъ быть обдѣленъ: отчего же мы этого не видимъ? Богатаго и бѣднаго, какъ размышлялъ древній мудрецъ за тысячи лѣтъ до нашего времени, одинъ Господь сотворилъ, а между тѣмъ они постоянно встрѣчаются другъ съ другомъ, обличая самымъ вѣдшимъ видомъ своимъ это противорѣчіе, эту неправду человѣческой жизни.

Мы съ убѣжденіемъ говоримъ, что это неправда жизни, что ея не должно быть, что всѣ люди сотворены для счастья и имѣютъ равныя права на благополучіе, что указанное противорѣчіе должно быть устранено; но какъ? Тѣми ли насильственными средствами, тѣми ли переворотами, какіе предпринимаютъ соціалисты? Нужно ли для уравниванія благосостоянія людей ниспровергнуть существующія власти и начальства, отнять у богатыхъ людей состояніе и раздѣлить всѣмъ поровну, всѣмъ дать равныя права и участіе въ дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ? Прибудетъ ли у людей свободы съ уничтоженіемъ вѣками освященныхъ законовъ? Прибудетъ ли счастья, когда во имя, такъ называемой, свободы чувства супружескіе союзы перестанутъ быть обязательными, браки будутъ расторгаемы по произволу и дѣти будутъ оставляемы на попеченіе обществъ? Приведутъ ли всѣ эти средства къ

желаемой цѣли? Не напрасно ли эти преобразователи государствъ возмущаютъ порядокъ общественный и гибнутъ сами?

Гдѣ причины неравенства человѣческихъ состояній? Во-первыхъ, въ неравенствѣ и разнообразіи способностей, получаемыхъ людьми отъ природы. Одинъ родится съ отличными умственными способностями, другой съ средними, а третій съ слабыми. Одинъ, получивъ богатые способности души, не имѣетъ крѣпкихъ силъ тѣлесныхъ, другой обладаетъ преимущественно послѣдними. Такимъ образомъ, степенью и родомъ способностей каждаго человѣка опредѣляется его призваніе къ общественной дѣятельности и намѣчается свойственный ему родъ занятій и труда, такъ что человѣкъ, взявшійся за дѣло не по способностямъ, оказывается не на своемъ мѣстѣ. Человѣкъ отличнаго ума является руководителемъ другихъ, люди средняго уровня дарованій его сотрудниками и помощниками, остальные же только практическими исполнителями чужой воли; поставьте все это наоборотъ,—извертится совершенно порядокъ общественной жизни.

Правда, что въ распредѣленіи должностей и преимуществъ бывають злоупотребленія, что иногда люди даровитые къ занятію высшихъ должностей встрѣчаютъ препятствія и затрудненія; но отсюда происходитъ только обязанность мудраго правительства эти злоупотребленія преслѣдовать и препятствія устранять, а общіе законы распредѣленія должностей по способностямъ остаются неизмѣнными. Массы людей, не признающія себя по самомнѣнію на все способными, при нравственной честности и скромности всегда въ этомъ отношеніи справедливы: онѣ всегда выдвигаютъ впередъ и окружаютъ почестями и удобствами жизни людей, которые руководятъ ими, заботятся о нихъ, благоустраиваютъ ихъ жизнь. Какъ ни объясняйте эту неравномѣрность въ распредѣленіи дарованій, наслѣдственнымъ ли поврежденіемъ людей и размноженіемъ между ними пороковъ, какъ учитъ Божественное Откровеніе, или какими другими причинами,—самое положеніе дѣла остается неизмѣннымъ. Какъ сказала Господь Иисусъ Христосъ за двѣ тысячи лѣтъ, что мы, по своей волѣ, вопреки, природѣ, не можемъ у себя сдѣлать ни одного волоса

бѣлымъ или чернымъ и прибавить себѣ росту на одинъ локоть (Матѣ. 5, 16. 6, 27), такъ остается и доселѣ. Какимъ же образомъ уравнивать общественныя права и преимущества людей, когда нельзя уравнивать способностей, а за ними успѣховъ, заслугъ?

Другая причина неравенства состояній кроется въ области нравственной жизни. Люди отъ природы вмѣстѣ съ способностями къ добру получаютъ и склонность ко злу. При хорошемъ воспитаніи въ нихъ получаетъ преобладаніе добро, при худомъ—зло, и одни направляются къ дѣятельности доброй и полезной, другіе еще въ дѣтствѣ привыкаютъ къ лѣнности, праздности, грубымъ удовольствіямъ и порокамъ. Средѣ, въ которой юноши и дѣвицы начинаютъ свою общественную жизнь, рѣшаетъ ихъ участь: подъ вліяніемъ добрыхъ примѣровъ, при упражненіи въ добрыхъ дѣлахъ, развиваются люди честные, трудолюбивые, благожелательные, склонные къ миру, порядку, готовые дѣлать все для пользы своихъ семействъ и общества. Напротивъ, въ средѣ людей порочныхъ складываются праздные любители удовольствій, жадные къ наслажденіямъ чувственнымъ, для которыхъ трудъ—мученіе. Изъ послѣдней среды выходятъ люди составляющіе бремя для всѣхъ государствъ, язву всѣхъ человѣческихъ обществъ, люди разнообразныя только по видамъ и степенямъ развращенія,—отъ лѣнивцевъ и тунеядцевъ до неисправимыхъ преступниковъ и злодѣевъ. Если благополучіе людей создается ихъ собственною свободною дѣятельностію,—что несомнѣнно,—то какъ вы сдѣлаете счастливыми людей ненавидящихъ трудъ, не признающихъ чужихъ правъ и законовъ нравственныхъ и общественныхъ? Отдать имъ состояніе богатыхъ? Они только этого и желаютъ, чтобы жить на чужой счетъ, но и полученное даромъ, по беспорядочной жизни, скоро растеряютъ. Взять ихъ на попеченіе обществъ? И этимъ они будутъ довольны,—только станутъ жаловаться, что ихъ худо содержатъ и не даютъ имъ всего, чего имъ хочется, какъ нынѣ и слышно въ самыхъ тюрьмахъ отъ преступниковъ. Нѣтъ! Только голодъ можетъ заставить подобныхъ людей трудиться, только власть и сила могутъ держать ихъ въ порядкѣ. Вѣко-

вой опыт научилъ цѣлыя народы и государства не жертвовать для этихъ людей благомъ и спокойствіемъ лучшей части челоѳчества, а лишать ихъ свободы, или удалять изъ челоѳческихъ обществъ.

Третья причина неравенства состояній заключается въ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ переворотахъ въ челоѳческой жизни. Какъ въ природѣ видимой бывають моровыя повѣтрія, наводненія, бури, землетрясенія, засухи, отъ которыхъ страдаютъ и люди: такъ и собственно въ жизни челоѳческихъ обществъ и частныхъ лицъ бывають потрясенія и перевороты, которые оставляють по себѣ печальныя слѣды, и которыхъ однако не можетъ ни предупредить, ни отвратить никакая челоѳческая мудрость. Войны, пожары опустошають цѣлыя города и селенія и раззоряють множество людей. Прѣждевременная смерть отцовъ лишаетъ средствъ жизни ихъ семейства, которыя они питали своими трудами. Неизбѣжная вообще шаткость торговыхъ предпріятій, случайности, безчестныя поступки должниковъ раззоряють иногда мгновенно богатые торговые дома. И мало ли мелкихъ случайностей, отъ которыхъ происходятъ гибельныя послѣдствія! Простудиться, упасть съ высоты, поскользнуться на дорогѣ, и т. под.— иногда значить потерять благосостояніе собственное и всѣхъ намъ близкихъ. Какой раздѣлъ имѣній, какое обезпеченіе, какіе законы могутъ упредить и облегчить всѣ бѣдствія, происходящія отъ такихъ случайностей, которымъ ни времени, ни размѣра, ни предѣла опредѣлить нельзя? Никакое гражданское переустройство общества этому злу не поможетъ. Источниковъ для облегченія его надобно искать въ нравственномъ направленіи людей, въ законахъ любви и благотворительности.

Итакъ, если мы не можемъ по собственному желанію надѣлять всѣхъ дѣтей хорошими способностями, если не можемъ заставить свободныхъ людей не дѣлать зла, которое ихъ губить, если не можемъ предотвратить бѣдствій, происходящихъ отъ случайностей, превышающихъ наше предвѣдніе и наши силы: то можемъ ли мы уравнивать состоянія людей и сдѣлать всѣхъ и навсегда равно богатыми, довольными, счастливыми?

Истинное учение о равенствѣ людей и вѣрныя средства къ уравниенію ихъ относительно земнаго благополучія представляетъ только Божественное Откровеніе. Всѣ люди равны между собою—по происхожденію отъ единого Бога, по одинаковой природѣ, по назначенію къ вѣчному блаженству, по избавленію отъ грѣха и вѣчной смерти заслугами Искупителя, по участию въ дарахъ благодати Св. Духа для нравственнаго исправленія и усовершенствованія, по праву и возможности достигать еще на землѣ самага высшаго духовнаго совершенства, внутренняго мира и довольства, чистоты, святости и близости къ Богу,—не взирая ни на какія разности по отношенію къ земнымъ состояніямъ.

Всѣ люди равны между собою—по естественному поврежденію вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей, по происходящимъ отсюда природнымъ недостаткамъ и немощамъ, по склонности къ заблужденіямъ и грѣхопаденіямъ, по обреченію всѣхъ судомъ правды Божіей на труды, болѣзни, лишенія и тѣлесную смерть и, наконецъ, по опасности вѣчнаго осужденія и гибели за грѣхи,—такъ же не взирая ни на какія разности земныхъ состояній.

Вотъ два единственно вѣрныя и существенныя основанія, на которыхъ сходятся и совершенно уравниваются всѣ люди! Правда, при этомъ уравниеніи не отмѣняются и всегда будутъ существовать разности состояній, неизбѣжныя и необходимыя по потребностямъ и обстоятельствамъ земной жизни: власть для охраненія на землѣ порядка и правосудія, богатство, законно приобрѣтаемое, какъ плодъ дарованій и труда, или какъ принадлежность правъ, соединенныхъ съ властію. Но не уничтожая этихъ разностей, или отличій, Божественное Откровеніе смягчаетъ, сглаживаетъ ихъ, обращая вниманіе людей главнымъ образомъ на равенство по существеннымъ основаніямъ природы и жизни человѣческой. Напоминая непрестанно людямъ, что все происходитъ отъ Бога и состоитъ въ Его власти, что Онъ управляетъ судьбами людей, *убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ*, что люди сами по себѣ немощны, вѣчно подвержены перемѣнамъ и опасностямъ,—Божественное Откровеніе уравниваетъ всѣхъ въ чувствѣ страха

Божія, зависимости отъ Него, покорности Его волѣ. Отсюда происходитъ взглядъ на жизнь, который располагаетъ бѣдныхъ мириться съ своимъ положеніемъ, терпѣть, трудиться съ упованіемъ на милость Божию, а богатыхъ и сильныхъ, во имя равенства людей по природѣ и передъ Богомъ, свободно отрекаться отъ своихъ преимуществъ тамъ, гдѣ они не нужны для извѣстныхъ цѣлей, и такъ же трудиться, снисходить, терпѣть, носить немощи немощныхъ (Рим. 5, 1), и охотно дѣлиться избыткомъ съ нуждающимися. По этому христіанскому идеалу жизни люди дѣйствительно братья, дѣти одного небеснаго Отца, связанныя союзомъ любви отъ Него заповѣданной. Здѣсь все свободно, нѣтъ принужденія и насилія, не нужны общественные перевороты, а нуженъ только переворотъ нравственный: смиреніе и отреченіе отъ зависти и притязательности со стороны бѣдныхъ, тоже смиреніе и самоотверженіе со стороны богатыхъ.

Чтобы направить современныхъ людей на этотъ истинный путь къ равенству и дѣйствительному, а не воображаемому счастью, нужно, если только это возможно, возвратиться къ тому порядку и правиламъ жизни, какихъ держались люди въ лучшія времена христіанства.

Если хотите, чтобы дарованія въ народѣ не оскудѣвали, чтобы число людей, способныхъ устраивать собственное благополучіе, превышало число бездарныхъ, исправьте собственные нравы, ведите жизнь воздержную и цѣломудренную. Только отъ такихъ супруговъ могутъ рождаться здоровыя и способныя дѣти. Охраняйте вашихъ юношей и дѣвицъ отъ совѣтовъ современныхъ врачей, предлагающихъ невинной и едва расцвѣтшей молодости заводить противозаконныя связи *для сохранения здоровья*. Берегите молодыхъ людей въ цѣлости силъ души и тѣла для законнаго супружества въ урочное время: тогда и супружескіе союзы ихъ будутъ прочны, и дѣти здоровы и даровиты. Если вы скажете, что это, по тѣмъ или другимъ причинамъ, невозможно, это будетъ значить, что вы приносите своему потомству и всему своему народу приговоръ на растлѣніе, упадокъ и исчезновеніе изъ среды свободныхъ народовъ міра.

При образованіи способныхъ дѣтей не столько заботьтесъ о сообщеніи имъ многостороннихъ познаній, сколько о развитіи силы сужденія и приобрѣтеніи ими правильнаго міросозерцанія. Распространеніе въ нашемъ отечествѣ такихъ дикихъ ученій, какъ социализмъ, ясно указываетъ на упадокъ силы мышленія и рациональныхъ познаній въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ. При практическомъ воспитаніи дѣтей приучайте ихъ больше къ простому и суровому образу жизни, нежели къ удобствамъ и роскоши, больше къ лишеніямъ, нежели къ наслажденіямъ. Въ первыхъ задатокъ силы для борьбы съ трудностями жизни и способности къ самоотверженію, въ послѣднихъ—сѣмена эгоизма, безсердечности, равнодушія къ чужимъ страданіямъ и нравственнаго безсилія.

Меньше заботьтесъ объ общественныхъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, особенно обставленныхъ блескомъ и роскошью и распалаяющихъ страсти. Послѣ нихъ люди нужды и труда, возвратившись домой, съ тоскою смотрятъ на свой убогій бытъ, и съ замираніемъ сердца помышляютъ о работѣ, предстоящей на утро. Изобрѣтайте для народа въ дни отдохновенія упражненія легкія и разумныя, согласныя съ требованіями чистой нравственности, питающія и развивающія силы души и тѣла. Не ставьте ему на глаза соблазновъ; всѣми средствами удерживайте его въ покорности и подчиненіи церковнымъ правиламъ и благочестивымъ обычаямъ: развязать нравственную свободу людей легко, но ввести потомъ въ законныя границы трудно. Соображайте строго законоположенія и учрежденія государственныя съ законами и правилами христіанской нравственности: никакое улучшеніе быта народнаго не поведетъ его къ гражданскому преуспѣянію и благополучію, если въ этомъ улучшеніи кроется что-либо стѣсняющее нравственную жизнь, или вредящее ей. Христіанское чувство бодро должно стоять на стражѣ въ нашъ матеріалистическій вѣкъ: все дающее плоти перевѣсъ надъ духомъ убиваетъ нравственную, а съ нею и государственную силу народовъ.

Во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ нынѣ великая пропасть начинаетъ отдѣлять людей богатыхъ отъ бѣдныхъ:

это—роскошь, съ каждымъ днемъ возрастающая. Если желаете блага своему отечеству, спѣшите зарывать эту пропасть, сближаясь съ народомъ въ правилахъ и порядкѣ жизни. Это безконечное умноженіе прихотливыхъ удобствъ жизни, эти дворцы вмѣсто приличныхъ домовъ, эти праздно стоящія дорогія украшенія, эта непрестанная смѣна и бросаніе цѣнныхъ одеждъ, эти роскошные столы, за которыми въ одинъ день поѣдается годовое содержаніе нѣсколькихъ семействъ,— все это перѣдко раззоряетъ и богатыхъ, а главное, нравственно оскорбляетъ и раздражаетъ противъ богатыхъ бѣдныхъ людей, а людей средняго состоянія увлекаетъ къ гибельному для нихъ подражанію. Философы древняго Рима и Отцы Церкви цвѣтущихъ временъ Византіи на подобную роскошь указывали, какъ на признакъ злокачественный относительно силы народной и прочности государствъ. Можетъ ли этотъ признакъ не быть такимъ и для насъ?

Историки говорятъ, что для всякаго народа есть время юности, зрѣлости, состарѣнія и смерти. Это вѣрно, если счастье всѣхъ народы, сошедшіе съ поприща міровой жизни. Что же? Подчиняться ли намъ молча, и съ покорностію склонивъ голову, этому роковому закону при мысли о судьбѣ нашего великаго отечества? Нѣтъ! Для частнаго человѣка борьба со смертію невозможна, но она возможна для народа. Народъ живетъ въ будущихъ поколѣніяхъ, въ нихъ падаетъ или возвышается, возраждается или умираетъ; онъ можетъ продлить свою жизнь до конца міра, если пойметъ, что эта жизнь въ его рукахъ, что отъ его ума зависитъ понять во-время грозящаго ему нравственнаго опасности, и отъ его свободы—избѣжать ихъ. Аминь.

С Л О В О

по случаю празднованія

ДВУХСОТЛѢТІЯ СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ ХРАМА

ПОБРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

ПРИ ИЗМАЙЛОВСКОЙ ВОЕННОЙ БОГАДѢЛЬНѢ,

1 октября 1879 года.

О Православной вѣрѣ, какъ главнѣйшей нравственной силѣ
русскаго воина.

Мы сегодня празднуемъ двухсотлѣтній юбилей этого святаго храма. Кромѣ внутренняго, духовнаго своего значенія, этотъ величественный храмъ есть драгоцѣнный для насъ историческій памятникъ. Онъ основанъ, какъ извѣстно, Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ память рожденія Преобразователя Россіи, перваго ея Императора Петра Великаго, освященъ 1 октября 1679 года, въ присутствіи Царя Θεодора Алексѣевича, однимъ изъ послѣднихъ нашихъ патріарховъ—Иоакимомъ. Въ настоящее время онъ служитъ мѣстомъ молитвъ и источникомъ духовныхъ утѣшеній для отслужившихъ героевъ нашихъ, воиновъ здѣсь призрѣваемыхъ. Какъ соотвѣтствуетъ это его назначеніе первоначальной мысли о построеніи его и первымъ годамъ его существованія! Не Петромъ ли созданы наши новыя военныя силы? Не здѣсь ли, въ Измайловѣ и въ сосѣднемъ Преображенскомъ, въ виду этого храма, отрокъ Петръ обучалъ свои дѣтскіе полки новому военному строю? Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ,

пока стоялъ этотъ храмъ, какія великія событія совершились въ нашемъ отечествѣ! На какое необозримое пространство раздвинуты его предѣлы, сколько великихъ войнъ выдержано, сколько славныхъ подвиговъ совершено войсками нашими! И съ того времени доселѣ наши воины всегда одинаковы: въ великихъ войнахъ Петра, Екатерины, Александра I, Николая и въ послѣднюю Восточную войну—вездѣ они герои, безза-вѣтно храбрые, мужественные, неустрашимые, терпѣливые, великодушные и челоуѣколюбивые. На нихъ зиждется и ими охраняется могущество и слава нашего отечества.

На юбилей храма, основаннаго въ память рожденія Великаго Императора-воина, въ виду стоящихъ здѣсь воиновъ-предводителей и отслужившихъ ветерановъ, я увлекаюсь мыслию о войнахъ, которые въ послѣдніе годы особенно стали близки нашему сердцу по своимъ изумительнымъ подвигамъ. Да будетъ мнѣ позволено исключительно имъ посвятить мое слово.

По смыслу праздника, теперь естественно намъ желать сохраненія этого храма еще на многія столѣтія; но не свойственно ли еще болѣе желать сохраненія на вѣки вѣчные въ нашихъ несравненныхъ войнахъ тѣхъ высокихъ качествъ, которыя составляютъ силу и славу нашего отечества, которыми они изумляютъ весь міръ? И если одно изъ условій сохраненія древнихъ зданій есть защищеніе ихъ отъ вивѣтриванія и перемѣнъ воздушныхъ: то и средствомъ сохраненія вѣковыхъ доблестей нашихъ воиновъ не должно ли быть защищеніе ихъ отъ перемѣнъ, наносимыхъ разрушительнымъ духомъ нашего времени?...

Что же особенно должно быть сохраняемо въ нашихъ войнахъ? То, что составляетъ главную основу ихъ высокихъ качествъ. А что составляетъ эту основу? Не ошибемся, если скажемъ: *вѣра Православная*.

Святая вѣра наша своимъ ученіемъ прежде всего устанавливаетъ въ нашихъ войнахъ истинный взглядъ на войну. Они не смотрятъ на нее, какъ на случайное событіе, а какъ на дѣло великое и страшное, которое не можетъ быть начато безъ особенной воли Божіей и не можетъ быть окончено

такъ или иначе безъ водительства Божественнаго Промысла. Наши воины вѣруютъ, что если безъ воли Божіей и воробей не упадетъ съ вѣтки дерева, то тѣмъ болѣе безъ этой Вседержащей воли не могутъ быть поля и горы обливаемы кровію и устилаемы костями человѣческими. Они вѣруютъ, что *сердце царево въ руцѣ Божіей*, что и самыя кажущіяся ошибки властителей въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ война, не могутъ быть безъ Божія поущенія, испытующаго народы и наказующаго грѣхи человѣческіе. Потому, когда Государь объявляетъ войну, не смущаютъ, не расслабляютъ ихъ духа противорѣчивыя мнѣнія, недоумѣнія, колебанія; они единомысленно и единодушно, какъ одинъ человѣкъ, идутъ по данному указанію. И когда святая Церковь, помолившись вмѣстѣ съ ними, предастъ имъ свое напутственное благословеніе, они, подчиняясь велѣніямъ власти земной и небесной, вступаютъ въ великій подвигъ войны съ яснымъ сознаниемъ лежащаго на нихъ святаго долга. Оттого ихъ не нужно возбуждать къ подвигу искусными рѣчами, а довольно указать, какъ и гдѣ они должны исполнить свою обязанность. Они чувствуютъ себя орудіями въ рукахъ Божіихъ; вѣруютъ, что Богъ ихъ предводитель, хранитель и помощникъ. Оттого они не боятся, когда слышатъ, что нѣсколько народовъ идетъ противъ нашего Царя, не считаютъ враговъ, противъ которыхъ ведутъ ихъ. Умереть надо, а Богъ силенъ дать и побѣду: вотъ ихъ убѣжденіе, ведущее ихъ къ побѣдамъ. Оттого они послѣ неудачнаго сраженія не теряютъ бодрости, не упадаютъ духомъ; они переносятъ несчастіе со смиреніемъ, какъ посланное Богомъ. Оттого послѣ побѣды первое ихъ движеніе—благодареніе Богу. Оттого они не тщеславны, не мстительны, не злопамятны, не оскорбляютъ побѣжденнаго врага, не обижаютъ безоружнаго; они съ раненымъ или плѣннымъ врагомъ раздѣляютъ послѣдній сухарь, послѣдній глотокъ воды. Они исполнили свой долгъ и счастливы внутренно, а потому благодущны и человѣколюбивы. Да, только вѣра и Божія благодать могутъ воспитывать въ войнахъ такія свойства!

Православная вѣра сообщаетъ нашему воину особый, возвышенный взглядъ на его отечество. Дорога ему его родина

не по привязанности только къ ней, какъ къ мѣсту рожденія и жительства, но и по священнымъ предметамъ его вѣры и благоговѣнїя. Православная Церковь своими святынями, храмами, праздниками, богослуженїями, обрядами, такъ многосторонне объемлетъ нашу жизнь, такъ осязательно вводитъ насъ въ чистую область духа, такъ проникаетъ насъ благодатными ощущенїями общенїя съ Богомъ, что при разставанїи съ родиной сердце русскаго человѣка вдвойнѣ страдаетъ, отрываясь отъ предметовъ человѣческой и духовной привязанности. Извѣстно, что всякій истинно русскій человѣкъ на чужой сторонѣ считаетъ время по своимъ праздникамъ и тоскуетъ безъ храмовъ Божїихъ. И нашъ воинъ въ чужой землѣ, выходя изъ лагерной палатки, творитъ на себѣ крестное знаменіе, обращаясь мысленно ко святымъ храмамъ и золотымъ крестамъ, сіяющимъ на свѣтломъ горизонтѣ его родины. Поэтому онъ идетъ сражаться не только за свою любимую, великую, славную Россїю, но и за Церковь Божїю; онъ чувствуетъ на себѣ обязанность службы не только Царю и Отечеству, но и Богу. Онъ жертвуетъ своею жизнїю за все, что есть для человѣка на землѣ дорогаго, великаго и святаго. Здѣсь источникъ его несокрушимаго мужества и безграничнаго самоотверженїя!

Отсюда происходитъ и особенный взглядъ нашего воина на свою судьбу. Онъ живо чувствуетъ, что, разставаясь съ отечествомъ, не прерываетъ съ нимъ своей внутренней связи, своего духовнаго общенїя. Онъ знаетъ, что на родинѣ не только вспоминаютъ о немъ, но и молятся за него, и не родные только, но и сограждане, и вся Церковь. Его объемлетъ незнающая границъ и разстоянїй духовная христіанская любовь, сильная силой Вездѣсущаго Бога; онъ чувствуетъ себя духовно въ лонѣ Церкви, въ объятїяхъ матери. Онъ знаетъ, что въ случаѣ его смерти и о душѣ его помолится Церковь, что Господь проститъ ему грѣхи его, и онъ умираетъ, перекрестясь, съ несомнѣнною надеждой вѣчнаго успокоенїя... Вотъ почему въ пылу битвы наши воины такъ безстрашно смотрятъ въ лице смерти.

Удивляются иностранцы терпѣливости, умѣренности, выносливости нашего воина. Объясняютъ эти качества простой жизни нашего народа, суровостію воспитанія нашихъ поселянъ. Безспорно, все это имѣетъ значеніе въ перенесеніи трудностей военной жизни; но русскому воину на нашей памяти и еще такъ недавно приходилось выносить лишения, превышающія силы человѣческія, и онъ выносилъ ихъ съ терпѣніемъ и безропотною покорностію. Для этого мало физической привычки къ лишеніямъ; для этого нужна сила духа, преобладающая страданія, для этого нужны опоры, поддерживающія самый духъ человѣка, слѣдовательно опоры нравственныя. Ими нельзя запастись мгновенно въ минуты воодушевленія; здѣсь нуженъ также и навыкъ, поддерживающій духъ человѣка изо дня въ день, на цѣлыя недѣли и мѣсяцы голода, жажды, мороза, или зноя. Здѣсь-то во всей силѣ обнаруживаются плоды уроковъ Церкви, тѣхъ уставовъ о бдѣніи, говѣніи, которыхъ мы въ слѣпотѣ нашей образованности такъ чуждаемся, тѣхъ постовъ, противъ которыхъ мы такъ возстаемъ. И здѣсь главное значеніе получаетъ не тѣлесное воздержаніе, а безропотное послушаніе правилу, долгу, приобрѣтаемое съ дѣтства. Для нашего воина, по духовному его настроенію, и подвигъ войны имѣетъ значеніе труда Богоугоднаго, спасительнаго, на который послало его отечество и благословила Церковь. Потому онъ и не волнуется, когда нѣтъ того или другаго; потому онъ и въ лишеніяхъ умираетъ съ тѣмъ же покорнымъ и неропущимъ духомъ, какъ и среди ужасовъ битвы. Для нашего Православнаго воина съ дѣтства слышанныя имъ дома слова: „нельзя, грѣшно“, и слова, слышимыя на войнѣ: „нѣтъ, взять негдѣ“,—равносильны, и имѣютъ одинаковое нравственное значеніе. Они завершаются общимъ глубокимъ убѣжденіемъ: „знать, такъ Богу угодно“. Вотъ гдѣ источникъ его терпѣнія!

Подъ сѣнію древняго храма; одного изъ свидѣтелей молитвъ и духовныхъ подвиговъ нашихъ предковъ, помолимся, какъ молился нѣкогда Самъ Спаситель нашъ за Симона-Петра, *да не оскудѣетъ вѣра наша* среди всѣхъ искушеній и гибельныхъ вліяній нашего времени. Во главѣ

всѣхъ нашихъ уставовъ и программъ для народнаго образованія, такъ-сказать, на дверяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ, гражданскихъ и военныхъ заведеній, напишемъ крупными буквами эту непререкаемую истину: *„до тѣхъ поръ будетъ велико и славно наше отечество и непобѣдимы наши арміи, пока крѣпка въ насъ вѣра Православная, и мы сами послушны руководству Церкви“*. Аминь.

Р Ъ Ч Ъ

по совершениі молебствія

ВЪ СОБРАНИИ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСТВА ПО СЛУЧАЮ ИЗБАВЛЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

19 ноября 1879 года,

ОТЪ УГРОЖАВШЕЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ОПАСНОСТИ.

Мы въ исторіи ищемъ чудесъ для подкрѣпленія нашей вѣры; мы ищемъ въ наукахъ основаній для вѣры въ самую возможность чудесъ; но вотъ, по выраженію нашего наблюдательнаго народа, *чудеса воочию совершаются* предъ нами. Остается вѣровать.

Въ четвертый разъ, при величайшихъ опасностяхъ, противъ всѣхъ вѣроятностей человѣческихъ, Господь особымъ Своимъ промышленіемъ, по слову Псалмопѣвца, *вельчественно спасаетъ Помазанника Своего* (Пс. 17, 51).

По ученію вѣры, Господь творить чудеса только по особымъ причинамъ и для особыхъ цѣлей. Какія же въ настоящемъ случаѣ могутъ быть причины и цѣли чудеснаго дѣйствія? Вопросъ дерзновенный, но не для вѣрующаго. Вѣрующему само слово Божіе повелѣваетъ *испытывать въ чемъ состоитъ воля Божія* о насъ, *благая и совершенная* (Рим. 12, 2).

Пророкъ Давидъ въ одномъ изъ псалмовъ своихъ (71), описывая высокія качества истиннаго, богоугоднаго царя, говоритъ между прочимъ: *Онъ избавитъ нищаго, вопіющаго,*

зунетеннаго, у котораго нѣтъ помощника, и затѣмъ удостовѣряетъ, что эта царственная добродѣтель будетъ особымъ образомъ награждаема. Какимъ же? И будетъ онъ жить, и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его (ст. 12 и 15). Вотъ одна изъ тайныхъ причинъ чудеснаго избавленія Государя нашего отъ опасности. О Немъ молятся миллионы нашихъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, миллионы Славянъ, изведенныхъ Имъ изъ рабства и нищеты, ободренныхъ, утѣшенныхъ, *у которыхъ не было помощника*; они каждый день благословляютъ Его. *И Онъ живетъ*,—не взирая на всѣ хитрыя злоумышленія враговъ: *милость и истина*, по слову Премудраго, *охраняютъ царя* (Прич. 20, 26). И да живетъ Онъ, нашъ человѣколюбивый Царь, окруженный любовію и осѣняемый благословеніями, до послѣднѣйшихъ предѣловъ жизни человѣческой!

Иисусъ Христосъ—Мессія, или Помазанникъ, свое служеніе спасенію человѣковъ называлъ *волею и дѣломъ посланшаго Его* (Іоан. 4, 34), и совершеніемъ этого дѣла опредѣлялъ *послѣдній часъ свой* (Мар. 14, 41). Помазанники-Цари, называемые *соучастниками Христовыми* (Евр. 1. 9), также совершаютъ дѣла, возлагаемая на нихъ волею Божіею относительно правленія и судебъ народныхъ, и этими дѣлами Божіими болѣе чѣмъ другими условіями человѣческой жизни опредѣляется *часъ ихъ*. Они живутъ доколѣ Богу нужны, какъ его орудія на землѣ. Великія дѣла Богомъ суждено совершить Государю нашему, и всѣ они еще нуждаются въ Немъ; таковы между прочимъ: устройство быта освобожденныхъ крестьянъ, неумѣющихъ пользоваться своею свободою и ожидающихъ просвѣщенія; приведеніе въ порядокъ воспитанія молодыхъ поколѣній, о которыхъ Онъ говоритъ съ такою жалостію и любовію; утверженіе безопасности на раздвинутыхъ Имъ отдаленныхъ границахъ нашего отечества и, наконецъ,—переустройство распатаннаго Его могучею рукою ветхаго сосѣдняго царства невѣрныхъ въ царство свободныхъ, полныхъ силъ, единовѣрныхъ намъ народовъ. О, живи нашъ Великій Царь, и да увѣнчается чело Твое вѣнцомъ торжества на всѣхъ поприщахъ Твоей дѣятельности ко благу человѣчества!

Ветхозавѣтный мудрецъ, восхваляя древнихъ Пророковъ, говоритъ объ одномъ изъ нихъ, Исаи: *онъ прибавилъ жизни царю* (Сир. 48, 8. 26). Итакъ, въ числѣ наградъ, даруемыхъ отъ Господа благочестивымъ царямъ, есть не только охраненіе, но и *прибавленіе жизни*. Посему дивно ли, что Царь нашъ,—нашъ Давидъ по кротости и смиренію, нашъ Езекиа, по духу вѣры и благочестія,—имѣеть отъ Господа, въ воздаяніе за попеченіе о благѣ народовъ, *Ангела Господня, ополчающагося вокругъ Его и избавляющаго Его отъ опасности смерти* (Пс. 33, 8)? Да даруетъ Ему Господь съ продолженіемъ жизни радость узрѣть Своими очами полные плоды Его великихъ начинаній и дѣяній!

Пусть другіе просвѣщенные народы ухищряются въ изобрѣтеніи новыхъ видовъ правленія и самоуправленія! Изобрѣтенія человѣческія не имѣютъ за себя ручательства прочности и несомнѣнной благодѣтельности; только Божіе вѣчно, прочно и всегда благотворно. Видя на Царѣ своемъ чудныя дѣйствія милости и промысленія Божія, мы счастливы сознаниемъ, что живемъ подъ кровомъ Божіимъ, живя подъ рукой Царя Православнаго и Самодержавнаго.

РѢЧЬ

произнесенная 14 ноября 1880 года

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ
въ состоящемъ подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ
МАРІИ ФЕОДОРОВНЫ

пріютѣ для воспитанія дѣтей лицъ ссылаемыхъ по судебнымъ
приговорамъ въ Сибирь.

О СОЮЗѢ ГОСУДАРСТВА СЪ ЦЕРКОВІЮ.

Подобно ѣсть цѣрствіе некое зерно гор-
рѣшично (Матѣ. 13, 13).

Вотъ, благодареніе Господу, и храмъ величественный и
благолѣпный въ пріютѣ, при зарожденіи котораго девять лѣтъ
тому назадъ мы присутствовали. Этотъ пріютъ напоминаетъ
намъ притчу Христа Спасителя о зернѣ горчичномъ.

Былъ онъ малъ и едва замѣтенъ, какъ это зерно „мень-
шее всѣхъ сѣмянъ“; но вотъ онъ возросъ въ древо, и эти дѣти
какъ птицы небесныя, птицы распуганныя и сиротствующія,
уже въ значительномъ количествѣ, по выраженію притчи,
„прилетаютъ и укрываются въ вѣтвяхъ его“ (Матѣ. 13, 32).
Да будутъ благословенны тѣ, которые взяли зерно благой мысли
объ учрежденіи такого пріюта и „посѣяли его на полѣ сво-
емъ“,—на полѣ сердце челоуѣколюбивыхъ и благотворитель-

ныхъ. Да будетъ благословенно Солнце съ высоты царственнаго величія осіявающее и согрѣвающее его лучами своей милости и благоволенія. Да будутъ благословенны люди, *сущіе во власти* и обладающіе средствами благотворенія, которые „поливали“ его своею попечительностію, любовію и сердечнымъ участіемъ. Остается молиться, да будетъ неотступна отъ этого заведенія, какъ источникъ жизни внутренней и внѣшней, вселившаяся нынѣ въ его храмъ благопромыслительная благодать все „возвращающаго“ Бога (I Кор. 3, 6).

Но притча, которую напомнилъ намъ этотъ пріютъ своимъ быстрымъ возрастаніемъ и развитіемъ, сказана Спасителемъ собственно о Церкви Его. Церковь есть то необозримо великое древо, возросшее изъ малаго зерна первыхъ учениковъ Христовыхъ, раскинувшее вѣтви свои по всему міру и служащее пристанищемъ миллионовъ людей, ищущихъ спасенія. Ей, Церкви Божіей, дана эта великая растительная или жизненная сила, эта широта, вмѣщающая всѣхъ къ ней притекающихъ, эта благотворная сѣнь, дающая всѣмъ успокоеніе и миръ. Не ея ли вѣтви—учрежденія подобныя этому пріюту? Не ея ли соками они питаются? Не она ли—та плодотворная почва, на которой у насъ доселѣ всякое дѣло вѣры и любви, по слову Апостола, *плодоносно и растимо* (Кол. 4, 6)?

Многіе нынѣ почитаютъ лишнимъ участіе Церкви въ учрежденіяхъ подобнаго рода. Многіе даже думаютъ, что Церковь, устроенная Богомъ для вѣчнаго спасенія людей, не должна имѣть никакихъ отношеній къ жизни гражданской или общественной. Правда, составляя сама въ себѣ особое духовное царство, Церковь не беретъ на себя устроенія внѣшняго, земнаго, человѣческаго общежитія. Она не предлагаетъ никакихъ законовъ и постановленій относительно научнаго, или, по древнему выраженію, *внѣшняго* образованія, государственнаго управленія, суда, войны, охраненія народнаго здравія, условныхъ общественныхъ приличій и т. под. Но значитъ ли это, что она должна быть совершенно устранена отъ всякаго соучастія въ подобныхъ законоположеніяхъ и соотвѣтствующихъ имъ учрежденіяхъ? На западѣ имѣютъ основаніе такъ

думать, но не должны такъ думать христіане Церкви Восточной, или Православныя. Ученіе Православной вѣры видитъ въ этомъ взглядѣ несообразность, или очевидное противорѣчіе. Кто составляетъ видимую на землѣ Церковь? Вы сами, члены общества, исповѣдующіе Православную вѣру совокупно со священствомъ, служащимъ дѣлу вашего спасенія. Какъ же вы можете раздѣлиться въ самихъ себѣ? Какъ вы можете быть христіанами въ духѣ, какъ члены Церкви, и переставать быть ими всякій разъ, когда обращаетесь ко благоустройству общественной жизни? Чтобы быть вѣрными себѣ, цѣльными, послѣдовательными, вы вездѣ должны быть христіанами. Въ противномъ случаѣ одно изъ двухъ: или вы перестаете быть христіанами въ духѣ, или руководитесь нехристіанскими воззрѣніями въ общественной жизни. Такое положеніе неестественно и опасно. Противорѣчія въ воззрѣніяхъ производятъ разладъ и нестроеніе въ жизни.

Въ какихъ же отношеніяхъ должны стоять къ Церкви государственныя и общественныя дѣятели и ихъ постановленія и учрежденія? Они должны быть *въ союзѣ съ церковію*. Какъ этотъ союзъ достигается? Свободнымъ примѣненіемъ началъ христіанскаго міросозерцанія и опытовъ жизни къ общественной дѣятельности. Кто это примѣненіе или соглашеніе долженъ дѣлать? Сами общественныя и государственныя дѣятели. Въ какое же положеніе становится при этомъ Церковь? Она предлагаетъ имъ сокровища своего вѣдѣнія и опыта, ничего не навязывая насильно, никого ни къ чему не принуждая, никого ничѣмъ не стѣняя. Православная Церковь ничего отъ своихъ членовъ не скрываетъ, затаенныхъ мыслей и цѣлей не имѣетъ, тайныхъ пружинъ, или происковъ въ обществѣ для достиженія своихъ выгодъ не употребляетъ, все предоставляетъ свободному изслѣдованію и испытанію желающихъ.

Гдѣ же точки соприкосновенія церковной и государственной жизни? Въ чемъ долженъ состоять ихъ союзъ? Въ единствѣ взглядовъ и понятій о благѣ народовъ и о средствахъ для его достиженія.

Во-первыхъ, общественныя дѣятели, согласно съ Церковію, должны быть убѣждены, что люди не могутъ совершенство-

ваться и быть счастливыми безъ развитія въ себѣ жизни духовной, когда они трудятся только для земнаго благосостоянія, какъ кроты роются только въ землѣ и собираютъ въ свои норы нужные имъ запасы. Безъ мысли о вѣчности, безъ взора на небо они не могутъ быть сами собою, то-есть людьми, и одна жизнь животная не удовлетворитъ ихъ; она сдѣлаетъ изъ нихъ только самыхъ вредныхъ и опасныхъ животныхъ. Возбужденіе и развитіе въ людяхъ духовной жизни, охраненіе въ нихъ человѣческаго достоинства и есть первая услуга Церкви человѣческому обществу. Государство своими средствами можетъ устроить и охранять только внѣшнюю безопасность людей; наука развиваетъ только умы и обогащаетъ ихъ познаніями, и даже не въ силахъ дать имъ единство въ направленіи самыхъ познаній; искусства ведутъ только къ утонченнымъ наслажденіямъ и легко могутъ ниспасть въ область грубой чувственности. Обнимаетъ духъ человѣка со всѣхъ сторонъ, поднимаетъ глубочайшія его силы—совѣсть, свободу, любовь, чувство истины и правды, способность самоотверженія, всесторонняго саморазвитія и даетъ всѣмъ этимъ силамъ должное направленіе, крѣпость и взаимное согласіе—только Церковь. У нея одной есть для этого нужныя средства, данныя ей отъ Господа, ей одной извѣстны нужныя для этого способы и приемы. Поэтому общественные дѣятели не должны относиться къ Церкви горделиво, смотрѣть на нее какъ на какую-то старинную общину, которую каждый въ правѣ понимать какъ хочетъ, и преобразовывать какъ ему заблагоразсудится. Христіанскій дѣятель, исповѣдующій съ дѣтства догматы: „вѣрую во святую Церковь“, долженъ глубоко знать ея достоинство, строеніе, права, законы, и всѣми своими распоряженіями и учрежденіями давать ей свободу воспитывать духъ народа и сообразовать съ этою ея задачей свои цѣли и средства для устроенія общественнаго благосостоянія. Всякое законоположеніе, не приведенное въ согласіе съ цѣлями, съ дѣятельностію Церкви, будетъ бесплодно или вредно въ дѣлѣ развитія и совершенствованія народа. Рознь съ нею въ мѣропріятіяхъ для развитія умовъ породитъ заблужденія, направленіе человѣческихъ склонностей и стремленій, несогласное съ

ея приѣмами, въ общемъ развитіи духа расплодить страсти и преступленія.

Наше время представляетъ намъ въ этомъ отношеніи поучительные опыты. Многіе мыслители и общественные дѣятели сначала на Западѣ, а потомъ и у насъ, отрѣшились отъ Церкви, тяготясь ея вліяніемъ и указаніями. Съ Евангеліемъ въ рукахъ, питая уваженіе къ просвѣтительнымъ началамъ христіанства, они взяли самыя высшія истины изъ ученія Христова и принялись примѣнять ихъ по своему къ различнымъ планамъ и предположеніямъ относительно устройства блага народовъ. Опыты не удались. Что можетъ быть выше ученія Христа Спасителя и Его Апостоловъ о различныхъ видахъ свободы человѣческой? Но въ ихъ рукахъ изъ свободы испытующаго разума вышла свобода отрицанія, изъ свободы воли—необузданное своеволіе, изъ свободы совѣсти—распущенность и безстрашіе по отношенію ко грѣху, изъ свободы вѣроисповѣданій—безразличіе въ вѣрѣ и покровительство ложнымъ религіямъ, изъ свободы въ выборѣ супруговъ—безнравственныя перемѣны связей. Что можетъ быть благотворнѣе для человѣческихъ обществъ ученія Христова объ отреченіи отъ своей собственности для блага другихъ, объ уваженіи къ человѣческой личности и многообразныхъ видахъ благотворительности? Но у нихъ изъ добровольнаго отреченія отъ правъ собственности вышло право насильственнаго отнятія чужой собственности; уваженіе къ личности породило возмущеніе дѣтей противъ родителей, служителей—противъ господъ, работниковъ—противъ хозяевъ; а къ чистымъ видамъ благотворительности привились увеселенія, порождающія въ бѣдныхъ притязанія не только на пропитаніе, но и на увеселенія, доступныя богатымъ. И оправдалась на нихъ глубокая притча Христа Спасителя: „не вливаютъ вина молодого въ мѣхи ветхіе, а иначе и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадають“ (Матѳ. 9. 17). Расторгаются общественныя связи, какъ ветхіе мѣхи, отъ непосильнаго возбужденія высокими Евангельскими истинами развращенныхъ умовъ и растлѣнныхъ сердець человѣческихъ. Тайною истолкованія высокыхъ истинъ христіанства, приученіемъ къ ихъ созерцанію умствен-

ныхъ очей человѣческихъ, примѣненіемъ этихъ истинъ къ жизни—владѣтъ только Церковь. Она же одна имѣтъ отъ Господа дары возрожденія растлѣнной природы человѣческой и способы укрѣпленія человѣческихъ силъ для осуществленія въ жизни ученія Христова.

Въ наше время совершенно справедливо основаніемъ общественнаго благосостоянія признается трудъ: жить на чужой счетъ и поѣдать чужія средства почитается унижительнымъ. Церковь давно это знаетъ. Апостоль Павелъ говоритъ: „кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ (2 Сол. 3, 10). Церковь заставляетъ трудиться и бѣднаго, и богатаго. Но вотъ великое различіе во взглядѣ на трудъ Церкви и современной науки о народномъ хозяйствѣ. Наука цѣлю труда поставляетъ только довольство частныхъ лицъ и развитіе богатства страны, и въ трудѣ указываетъ право на удобства жизни и наслажденія. Но Церковь даетъ труду высшее значеніе: она требуетъ отъ человѣка труда для развитія души и тѣла, для устраненія вредныхъ послѣдствій праздности, для приученія человѣка къ исканію утѣшеній ума и совѣсти въ сознаніи честнаго и полезнаго труда. Здѣсь воспитывается потребность дѣятельности, чистое желаніе приложить свои силы къ устройству общаго блага, и отсюда получается высокое понятіе о трудѣ безкорыстномъ. Это понятіе не устраняетъ вознагражденія за трудъ въ смыслѣ средствъ содержанія, но не даетъ ему преобладающаго значенія, не дѣлаетъ плату единственною и вышею цѣлю труда. Оттого трудъ по взгляду Церкви всегда даетъ въ сокровищницу общаго блага избытокъ отъ ревности и самоотверженія трудящихся по внутренней потребности и по совѣсти. Напротивъ, при трудѣ по понятіямъ науки, всегда будетъ въ суммѣ общаго блага недочетъ, потому что трудъ продается, за него торгуются, и сами предлагающіе трудъ обыкновенно цѣнятъ его очень дорого, имѣя въ виду приобрести имъ большее количество удобствъ и наслажденій, и затѣмъ плоды своихъ трудовъ поѣдаютъ большею частію сами безъ остатка. Отсюда происходитъ въ молодыхъ людяхъ пренебреженіе къ скромнымъ занятіямъ, чувство обиды отъ вознагражденія не дающаго желательныхъ

удобствъ и наслажденій, а за нимъ склонность, подъ предлогомъ обиженной гордости и неопѣннаго достоинства, всеѣмъ бросить трудъ, или щедро наградить самого себя похищеніемъ казенной или общественной собственности. И сюда общество должно призвать помощь Церкви, чтобъ облагородить трудъ сознаниемъ его высшаго значенія, развитъ въ трудящихся внутреннюю потребность труда и сохранить плоды его отъ употребленія не нуждою, а прихотливостію и страстію къ наслажденіямъ.

Общественный порядокъ и благосостояніе держатся на чувствѣ зависимости, подчиненности, повиновенія властямъ. Церковь воспитываетъ въ своихъ членахъ это чувство пробужденіемъ сознанія о собственной слабости, склонности къ ошибкамъ и проступкамъ, о волѣ Промысла, дающаго каждому въ мірѣ свое мѣсто, о значеніи земной власти какъ права, дарованнаго отъ Верховнаго Правителя міра однимъ людямъ для охраненія порядка и безопасности между другими. Нынѣ, при отрицаніи этого ученія о поврежденіи человѣка, о Промыслѣ, о происхожденіи власти, все чувства зависимости, подчиненности, почтенія къ высшимъ получили названіе рабскихъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Отсюда произошли устремленія цѣлыхъ массъ ко власти; возмущенія противъ властей законныхъ и появленіе властителей самозванныхъ. Правда, политическія и научныя воззрѣнія могутъ по времени измѣниться, умы могутъ получить иное направленіе, но ни наука, ни государственное законодательство не успокоятъ поднятаго нынѣ въ просвѣщенномъ мірѣ возбужденія страстей человѣческихъ. Это можетъ сдѣлать только Церковь своимъ вліяніемъ на сердца и совѣсти человѣческія всевластвующей силой Того, Кому „и вѣтры, и море повинуются“ (Мат. 8, 27).

Чтобы на этихъ указанныхъ нами точкахъ сопривосновенія могло произойти сближеніе Церкви и государства и могъ быть заключенъ между ними крѣпкій союзъ, для этого нужно разсѣять господствующіе у насъ предрассудки и устранить препятствія.

Первый предразсудокъ, это—ученіе, что Церковь сама по себѣ, а государство и наука сами по себѣ, что у нихъ совершенно разныя задачи, что послѣднія могутъ только тогда самостоятельно дѣлать свое дѣло, когда не стѣснены стороннимъ вліяніемъ Церкви. Какъ будто религія стороннее дѣло для человѣчества, какъ будто Церковь, хранительница религіи и ея нравственно-воспитательныхъ средствъ, дѣлаетъ не одно дѣло съ наукой и государствомъ! Церковь совершенствуетъ людей изъ глубины ихъ душъ, во всѣхъ отрасляхъ ихъ духовной жизни, подготавливаетъ ихъ ко всякому роду дѣятельности—ученой, общественной, государственной. Только воспитанные ею люди, умиротворенные въ умахъ, воздѣланные въ нравахъ, отрезвленные въ совѣсти, могутъ быть вездѣ благонадежными, а главное, въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности согласными между собою и *единомысленными*, что составляетъ необходимое условіе при устроеніи благосостоянія человѣческихъ обществъ.

Второй предразсудокъ,—это опасеніе преобладающаго вліянія Церкви, это страхъ порабощенія государства Церковію. Но это опасеніе навѣяно намъ со стороны: у насъ нѣтъ для него основаній, не таковы каноны нашей Церкви. У насъ нѣтъ, какъ мы сказали, плотно составленнаго своекорыстнаго общества церковниковъ (клерикаловъ), съ которыми борются на Западѣ. Наша Церковь—вы, Православное Русское царство, великая часть Церкви Вселенской. Призывайте на дѣло служителей вашей Церкви, входите съ ними въ общеніе, раздѣляйте трудъ. Если мы, наличные служители Церкви, недостаточны, восполняйте наши ряды изъ своей среды; удѣлите намъ, по примѣру древней Церкви, изъ вашихъ силъ, изъ вашихъ дарованій; если мы оскудѣли познаніями, подѣлитесь съ нами вашимъ умственнымъ богатствомъ. Насъ всѣхъ, по случайнымъ причинамъ, происходящихъ изъ одного сословія, замѣните людьми изъ своей среды, лишь бы они были приготовлены *право править слово истины* (2 Тим. 2, 15). Тогда вамъ не будетъ причины бояться самихъ себя.

Но скажемъ правдивое слово и нашимъ общественнымъ дѣятелямъ. Устраните препятствія къ сближенію съ Церко-

вію, существуючія въ васъ самихъ. Соглашеніе своихъ воззрѣній съ церковными начните въ глубинѣ своихъ душъ, и потомъ плоды его изнесите на общественное дѣло. Церковь есть царство духа:—пробудите въ себѣ духъ и его внутреннюю жизнь, его потребности и стремленія; *взыщите Господа* (Пс. 104, 4), просвѣщающаго духъ человѣческой Своею истиною и благодатію. Для этого нужно изучать Его святое слово, для правильнаго разумѣнія его искать руководства святыхъ истолкователей Писанія, познакомиться съ опытами и правилами духовной жизни, почувствовать на себѣ ихъ благотворную силу, увѣровать *сердцемъ въ правду* (Рим. 10, 10) Православной Церкви, узнать ея исторію, ея борьбу съ врагами и силу ея оружія. Тогда причины возникновенія враждебныхъ ей ученій, ихъ источники, свойства, ихъ внутренняя ложь и зло, вносимые ими въ человѣческое общество, будутъ для васъ совершенно ясны. Только тогда недоразумѣнія между вами и Церковію исчезнутъ совершенно. Сомнѣнія и разногласія, основанныя на незнаніи и поддерживаемыя нежеланіемъ знать,—самыя непобѣдимыя препятствія къ познанію истины.

Будемъ надѣяться, что опытъ жизни приведетъ нашихъ общественныхъ дѣятелей къ тщательному изученію нашей Церкви; но и разсѣяніе предразсудковъ относительно ея—великое дѣло. Много мы погрѣшили противъ нашей Матери-Церкви въ послѣднее время. Будемъ молиться, „да дастъ намъ Богъ покаяніе къ познанію истины“ (2 Тим. 2, 23), да соберетъ всѣхъ насъ воедино, и да поможетъ намъ обрѣсти подѣсьнію Церкви успокоеніе отъ всѣхъ тревоженій нашихъ умовъ и нашей общественной жизни“. Аминь.

РѢЧЬ

въ день тезоименитства

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

послѣ молебствія при сборѣ войскъ на Ходынскомъ полѣ въ
1880 году.

О ЧУВСТВѢ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА.

Молю васъ, братіе, азъ оузникъ ѿ Господѣ,
достѣйно ходити званіа, въ неже звани бы-
сте со всѣкимъ смиренномудріемъ (Ефес. 4, 1).

Подъ словомъ *звание* св. Апостоль разумѣеть вообще при-
звание христіанина къ наслѣдію жизни вѣчной во Христѣ
Иисусѣ, и умоляетъ насъ поступать во всемъ достойно этого
призванія. Но такъ какъ путь къ царствію Божію пролегаетъ
для каждаго изъ насъ въ томъ родѣ жизни, который мы про-
ходимъ на землѣ, то и этотъ самый родъ жизни, указываемый
намъ Промысломъ Божіимъ, справедливо называется призва-
ніемъ, или званіемъ, таковы званія: духовное, военное, граж-
данское и т. п. Достойно проходить служеніе, требуемое отъ
насъ нашимъ званіемъ или общественнымъ положеніемъ, значи-
тъ вмѣстѣ соотвѣтствовать и призванію христіанина.

Напоминать Православному русскому воинству о достой-
номъ прохожденіи своего званія нѣтъ надобности. Его исто-

рическая слава, его неисчислимыя побѣды, его недавніе подвиги и труды,—все это составляетъ честь, славу, радость и утѣшеніе нашего Государя и Отечества. Но чѣмъ выше и славнѣе подвиги христіанина въ родѣ его служенія, тѣмъ нужнѣе для него напоминаніе о прохожденіи его званія *со всякимъ смиренномудріемъ*. Правда, и эта черта—скромность и смиреніе при совершеніи величайшихъ подвиговъ есть, такъ-сказать, природное свойство русскаго воина; но наша забота о будущемъ. Мы молимъ Бога, чтобъ это драгацѣнное христіанское свойство, вмѣстѣ съ другими высокими качествами, сохранилось неповрежденнымъ въ русскіихъ войнахъ среди угрожающихъ имъ, какъ и всѣмъ намъ, нравственныхъ опасностей нашего времени.

Нашъ вѣкъ не отличается смиренномудріемъ. Успѣхи просвѣщенія, всякаго рода открытія и изобрѣтенія надмеваютъ его до крайности. Безпрестанно слышимъ и читаемъ въ печати выраженія: „мы справедливо можемъ этимъ гордиться; мы съ гордостію можемъ сказать о себѣ“... Какъ это неприятно возмущаетъ христіанское чувство! Но есть нѣчто худшее въ образѣ мыслей многихъ изъ образованныхъ людей нашего времени,—это убѣжденіе, что гордость можетъ быть *благородною*, что она есть необходимый и благотворный дѣятель въ нашей нравственной жизни въ качествѣ чувства, побуждающаго къ совершенству, поддерживающаго соревнованіе, охраняющаго честь. „Я настолькоъ гордъ“, многіе говорятъ нынѣ, „что никогда себѣ такого дурного дѣла не позволю“. Но гордость не можетъ быть благородною; она есть порокъ, какъ преувеличенное понятіе о себѣ, соединенное съ высокоуміемъ, тщеславіемъ и крайнею обидчивостію. Она не можетъ быть источникомъ чистаго соревнованія въ добрыхъ дѣлахъ, а только острымъ побужденіемъ къ исканію отличій; она не охраняетъ отъ ошибокъ и паденій, а ведетъ къ нимъ, такъ какъ неразлучна съ самообольщеніемъ, самоувѣренностью и самонадѣянностью.

Есть другое человѣческое чувство, чистое и возвышенное, могущее быть вѣрнымъ и надежнымъ двигателемъ людей къ совершенству безопаснѣе гордости,—это *чувство собственнаго*

достоинства. Что же это за чувство? Сознание дарованій и ощущеніе силъ, которыя мы имѣемъ? Отчасти такъ: нельзя скрыть отъ себя своихъ дарованій, нельзя братья и за дѣло, не чувствуя въ себѣ способностей къ нему; но христіанское ученіе повелѣваетъ намъ не услаждаться мыслию о своихъ дарованіяхъ, а помнить, что они не наша собственность, а Божіи дары, и что за употребленіе ихъ мы дадимъ Богу отвѣтъ. Сознание своихъ заслугъ? И этого нельзя отрицать, но намъ не вѣдно заглядываться на свои заслуги, а заднее забывая, простираться впередъ (Филипп. 3, 13), чтобы прежде времени не счесть себя окончившими нравственный подвигъ жизни, и не ослабѣть въ стремленіи къ цѣли.

Молю васъ, братіе, достойно ходити званія. Очевидно, въ христіанскомъ ученіи о чувствѣ собственнаго достоинства какъ бы устраняется наша личность, а обращается все наше вниманіе на положеніе, въ какое мы поставлены нашимъ служеніемъ, т.-е. Слово Божіе пріучаетъ насъ думать не о томъ, чего мы *достойны*, а о томъ, чего *удостоены*.

Такимъ образомъ, въ составъ этого чувства входитъ, во-первыхъ, сознание высоты и важности нашего призванія. Здѣсь, какъ поучаетъ Апостоль, первое мѣсто занимаетъ призваніе христіанина—развить въ себѣ совершенства и добродѣтели, указанныя намъ закономъ Христовымъ, и дѣлающія насъ способными къ вѣчному усовершенствованію и достойными вѣчно-блаженной жизни. Это призваніе уравниваетъ всѣ земныя званія, и всякаго христіанина на всѣхъ степеняхъ отличій одинаково должно озабочивать тѣмъ, какъ бы недостойною жизнію и пороками не уронить своего высокаго *небеснаго званія*, котораго *причастниками* всѣхъ насъ называетъ Апостоль (Еф. 3, 1). Это сознание нашего высшаго призванія кладетъ свою печать и на всякое наше земное служеніе. Оно отъ простаго работника и слуги требуетъ служенія честнаго и усерднаго, „какъ Господу, а не чловѣкамъ“ (Еф. 6, 7), отъ гражданина—съ тѣмъ же расположеніемъ сердца, неустанной дѣятельности на пользу общества, отъ судіи—неуклонной справедливости, отъ воина—мужества и неутомимости, отъ правителя—мудрости и бдительности, отъ священ-

послужителя—чистоты, ревности и благоговѣнія. Постоянная память о важности своего званія, или о томъ чего оно отъ насъ требуетъ, дѣйствительно можетъ сохранить насъ отъ всякаго поступка, унижающаго насъ. Поэтому мы, при видѣ всякаго соблазна или побужденія къ дурному дѣлу, съ достоинствомъ и безъ гордости можемъ о себѣ говорить: „какъ вѣрно-подданный, какъ гражданинъ, какъ судья, какъ воинъ, даже какъ честный слуга,—я не могу себѣ этого позволить“.

Сюда же приводить чувство долга, или сознание обязанностей, сопряженныхъ съ нашимъ званіемъ. Чѣмъ обязанности наши важнѣе, тѣмъ мы должны быть къ нимъ внимательнѣе и въ дѣлахъ нашихъ исполнительнѣе. Строго относясь къ своимъ обязанностямъ, мы естественно становимся требовательными и по отношенію къ людямъ, которые должны намъ содѣйствовать въ исполненіи ихъ, и строгими ко всякому, кто отвлекаетъ насъ отъ нашего дѣла или препятствуетъ намъ честно его исполнить. Заносчивая и безпрестанно раздражающаяся личность человѣка гордаго никогда не можетъ имѣть такого благотворнаго вліянія на окружающую его среду, какъ личность человѣка спокойнаго и твердаго, ясно сознающаго и неуклонно исполняющаго свой долгъ. Гордость шумлива и щедро расточаетъ обиды и оскорбленія; а чувство долга выражается въ поведеніи обдуманномъ и ровномъ, которое примѣромъ честной и неутомимой дѣятельности оживляетъ слабыхъ, поощряетъ медлительныхъ, пристыжаетъ нарушителей закона и порядка.

Въ чувствѣ собственнаго достоинства имѣетъ великое значеніе и сознание правъ, какія даетъ намъ наше званіе. Довѣренность, какую мы пользуемся отъ людей выше насъ поставленныхъ, власть, которая намъ дана по нашему знанію, начальствованіе намъ порученное,—все это, не составляя части насъ самихъ и не давая намъ повода къ превозношенію, должно, однакоже, возвышать насъ въ духѣ и поощрять насъ въ дѣятельности, чтобъ оправдать довѣренность, быть достойными власти, сдѣлать благотворнымъ и плодоноснымъ наше начальствованіе. Кто защищаетъ свои права и имущества, и дорожитъ ими какъ средствами и силами для

дѣланія добра, тому, по слову Спасителя, „дастся и приумножится“; а кто, почитая ихъ своими личными принадлежностями, горделиво и бесплодно носить ихъ на себѣ, какъ внѣшнія украшенія, у того, какъ не имѣющаго, отнимется и то, что *мыслится имѣя* (Матѳ. 26, 29).

Присоедините ко всему этому столь свойственный честной христіанской душѣ страхъ отвѣтственности предъ совѣстью, предъ людьми и предъ Богомъ—за опущенія и ошибки, за вольные и невольные проступки въ дѣлахъ званія и въ пользованіи правами и преимуществами, и вы не найдете въ такой душѣ мѣста для горделиваго самодовольства и самоуслажденія. Но тѣмъ не менѣе, сознание собственнаго достоинства, смиряя христіанина страхомъ отвѣтственности, открываетъ въ душѣ его неизсякающій источникъ чистой радости и истинныхъ утѣшеній въ сознаніи совершаемыхъ имъ добрыхъ дѣлъ и приобретаемыхъ успѣховъ—при непремѣнномъ условіи во всемъ видѣть милость Божию и за все благодарить Бога. Св. Апостоль Павелъ открыто говорилъ о своихъ правахъ, что онъ „призванный Апостоль, избранный къ благовѣстію Божию“ (Римл. I, 1), не скрывалъ отъ себя, что онъ потрудился больше всѣхъ своихъ собратій, указывалъ для пользы вѣрующихъ на свои дарованія и подвиги, питалъ въ сердцѣ своемъ несомнѣнную надежду, что ему соблюдается вѣнецъ правды; но чѣмъ онъ завершалъ сужденіе о самомъ себѣ и своей дѣятельности? Что онъ „помилованъ отъ Господа быть Ему вѣрнымъ“ (I Кор. 7, 25).

Воззримъ съ благоговѣніемъ и радостью и на живой примѣръ смиренномудрія на высотѣ призванія и при величій дѣлъ—въ Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ. Онъ ли не властенъ? Онъ ли не великъ и не славенъ? Но по примѣру Христа Спасителя, Онъ „трости надломленной не преломить и льна курящаго не угасить, пока не доставить суду (т. е. правдѣ) побѣды“. Потому и на Немъ исполняется пророчество: „и на имя Его будутъ уповать народы“ (Матѳ. 12, 20). Аминь.

РѢЧЬ

произнесенная

ВЪ СПАССКОЙ, НА СРѢТЕНКѢ, ЦЕРКВИ

ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТІЯ ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧЕНІЯ О ДѢТЯХЪ ПРОСЯЩИХЪ МИЛОСТЫНИ,

27 ДЕКАБРЯ 1879 ГОДА.

Мы испрашивали въ общей молитвѣ Божія благословенія на дѣятельность нашего новаго Общества попеченія о дѣтяхъ, просящихъ милостыни; остается тщательно вникнуть въ сущность обязанностей, которыя мы на себя принимаемъ, и воодушевиться ревностію къ ихъ исполненію.

Гдѣ же намъ искать руководственныхъ наставленій и воодушевленія? Для воспитанія дѣтей, извлекаемыхъ изъ нищеты, и устройства судьбы ихъ мало одного человѣческаго благоразумія и опытности; здѣсь нужно содѣйствіе Божественнаго руководства и промышленія. Для того, чтобы ревность наша въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ не ослабѣвала, мало нашего естественнаго человѣколюбія; надо, чтобы намъ были открыты небесные, благодатные источники для умягченія и оживотворенія нашихъ сухихъ человѣческихъ сердецъ. Итакъ, нужно искать и наставленій и воодушевленія у единаго нашего Учителя и Источника любви—Христа Спасителя.

Есть въ Евангеліи изреченіе нашего Господа, относящееся къ нашему настоящему положенію—краткое, но столь обильное содержаніемъ, что наставленій и побужденій къ ис-

полненію нашего долга, какія мы можемъ извлекать изъ него, достаточно будетъ не только для нашего Общества, но и для всего христіанскаго міра. „Смотрите“, говорилъ Онъ, указывая на дѣтей, „не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо сказываю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго (Матѳ. 18, 10).

Это слово Господне указываетъ намъ на необозримое количество высокихъ, непремѣнныхъ и неизмѣнныхъ членовъ и покровителей нашего Общества въ свѣтломъ сонмѣ Ангеловъ Божіихъ. Чтобы мы не сомнѣвались, что къ нашему земному дѣлу обращено сочувствіе небожителей, Господь приводитъ и основаніе для нашего убѣжденія: „Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“ (Матѳ. 18, 5). Общія принимать все, что дѣлается для бѣдныхъ дѣтей такъ, какъ бы это дѣлаемо было для Него Самого, Господь даетъ намъ понять, что на подобныя дѣла всегда будетъ обращено Его особенное благоволеніе и промышленіе. Могутъ ли поэтому не обращаться туда же и заботливые взоры „служебныхъ духовъ, посылаемыхъ, по ученію Апостола, на служеніе для дѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе“ (Евр. 1, 14)?.

„Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ“. Наставленіе настоящее, и дается намъ не безъ причины. Господь знаетъ, что разныя земныя отношенія полагаютъ великія преграды между людьми, препятствующія ихъ взаимному попеченію другъ о другѣ: богатые чуждаются бѣдныхъ, великіе малыхъ, образованные необразованныхъ. Что замѣчается по отношенію ко взрослымъ, то же и къ дѣтямъ. Дѣтей благородныхъ, благонравныхъ, красивыхъ, изящно одѣтыхъ ласкаютъ; бѣдныхъ, растущихъ безъ надзора, непривлекательныхъ чуждаются. „Смотрите, говоритъ Господь, не презирайте ни одного изъ нихъ“, слѣдовательно, и бродячаго по улицамъ, просящаго милостыни. Почему? Потому что и такія дѣти имѣютъ покровителей выше, лучше, благороднѣе всѣхъ васъ, —это ихъ Ангелы на небесахъ. Что же видятъ въ нихъ Ангелы достойнаго ихъ вниманія и попеченія? Образъ Божій напечатлѣнный въ ихъ природѣ, благодать искупленія и усыновленія Богу, духовные задатки, права и си-

ды для возвращенія изъ нихъ людей добрыхъ и наслѣдниковъ царствія Божія. Эти дары Божіи и насъ должны привлекать къ бѣднымъ дѣтямъ. Въ томъ и состоитъ задача нашего Общества, чтобы въ нихъ отыскивать и развивать эти природныя и благодатныя дарованія, и чрезъ то со временемъ дѣлать ихъ добрыми людьми. И свѣтлые Ангелы ждутъ, чтобы мы, люди, прежде начинали это благое дѣло, какъ ближайшіе приставники къ дѣтямъ и тѣмъ дали имъ, самимъ Ангеламъ, возможность къ усердію человѣческому приложить помощь небесную.

Не безъ особенной цѣли прибавлено: „Ангелы ихъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“. Этимъ дается намъ понять, что небесные покровители дѣтей не только любвеобильны и сильны сами по своей природѣ, но непрестанно находятся при безконечномъ Источникѣ любви и силы, предъ лицомъ Верховнаго Промыслителя о мирѣ и спасеніи людей,— Отца Небеснаго. Изъ этого видно, что о судьбѣ несчастныхъ дѣтей изъ чистыхъ ангельскихъ устъ непрестанно возносятся молитвы Отцу ихъ Небесному, у Него Самого испрашиваются наставленія и средства для устроенія ихъ участи. Ему приносится благодареніе за людей, которые подъ руководствомъ Ангеловъ заботятся о бѣдныхъ дѣтихъ, и этимъ людямъ испрашивается помощь въ ихъ трудѣ и благословеніе на нихъ самихъ и ихъ собственныя семейства. Такимъ образомъ, чрезъ посредство бѣдныхъ дѣтей мы вступаемъ въ живую связь со святыми Ангелами, и сами становимся подъ ихъ покровительство.

Эта невидимая, но существенная связь налагаетъ на насъ обязанность тщательно блюсти въ нашемъ новомъ Обществѣ духъ и характеръ истинно-христіанскій, дѣлать наше дѣло по примѣру Ангеловъ предъ лицомъ Отца Небеснаго, *на землѣ, яко на небеси*: съ любовію и неутомимостію, со смиреніемъ и упованіемъ на бога, безъ зависти и соперничества, безъ самонадѣянности и самовосхваленія.

При этихъ условіяхъ столько же обезпеченъ и вѣренъ успѣхъ нашего дѣла, сколько вѣренъ Господь во всѣхъ словахъ Своихъ.

С Л О В О

на день рожденія

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ¹⁾.

О ВНУТРЕННЕМЪ ОПЫТѢ.

Ище кто хощетъ колю Бг҃а творити, раздѣлетъ ѿ оученіи, кое ѿ Бг҃а есть (Іоан. 7, 17).

Это слово Христа Спасителя, по обстоятельствамъ нашего времени, имѣетъ для насъ особенное значеніе. Нынѣ весьма многіе изъ людей мыслящихъ вѣрятъ только въ то, что видятъ и осязаютъ, что утверждается на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ внѣшняго опыта. Все отвлеченное, тѣмъ болѣе относящееся къ области вѣры, изъясняемое по началамъ разума путемъ созерцательнымъ, многими почти исключается изъ области достовѣрныхъ познаній. Но все ли, относящееся къ области отвлеченныхъ познаній и вѣры, такъ удалено отъ дѣйствительной жизни, что не имѣетъ за себя никакого свидѣтельства несомнѣннаго опыта? Нашъ положительный вѣкъ забываетъ, что есть другой, столь же несомнѣнный и надежный, какъ и внѣшній опытъ, изъ глубокой древности извѣстный источникъ убѣжденій въ предметахъ вышечувственныхъ,

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 21 апрѣля 1880 года.

это, такъ называемый, *опытъ внутренній*. Его всегда признавала философія, онъ составляетъ, по слову Иисуса Христа, и въ области вѣры одинъ изъ главныхъ и несомнѣнныхъ источниковъ убѣжденія. „Кто хочетъ волю Отца небеснаго творить, говоритъ Господь, тотъ узнаетъ и объ ученіи, отъ Бога ли оно“.

Ученіе, исходящее отъ Бога, это и есть то, что мы называемъ истиной. Къ какой бы области знанія истина ни принадлежала, если только она примѣнима къ жизни, испытаетъ ея вліяніе на себѣ, и убѣдишься, точно ли она есть истина. Истина есть основа жизни. Когда наши познанія приводятъ жизнь въ благоустройство и порядокъ, сообщаютъ ей правильное развитіе и преуспѣяніе, тогда они истинны, въ противномъ случаѣ—ложны. Если это вѣрно по отношенію къ познаніямъ, примѣняемымъ къ жизни внѣшней, то также должно быть справедливо и относительно познаній высечувственныхъ, осуществляемыхъ въ жизни внутренней.

Посему слово Христа Спасителя: „испытай ученіе, и узнаешь отъ Бога ли оно“, разрѣшаетъ для насъ величайшія затрудненія. Оно указываетъ самое вѣрное средство къ исцѣленію нашего главнаго современнаго недуга,—этой неустойчивости и розни въ возрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, которыя господствуютъ преимущественно въ нашемъ образованномъ обществѣ. Оно возвращаетъ насъ на прямой путь, который мы оставили, и съ котораго разбрелись въ разныя стороны, на путь *внутренняго опыта*. На этомъ пути мы сойдемся въ убѣжденіяхъ относительно предметовъ вѣры, нравственности, воспитанія, жизни семейной и общественной; мы будемъ опять единымъ, цѣльнымъ, нравственно крѣпкимъ народомъ.

Что же такое *опытъ внутренній*? Опытъ внутренній есть дѣятельное прохожденіе различныхъ душевныхъ перемѣнъ и состояній, отражающееся въ свидѣтельствѣ сознанія, сердца и совѣсти. Такъ мы знаемъ изъ этого опыта душевное состояніе знанія и невѣдѣнія, радости и печали, мужества и страха, бодрости и унынія, добра и зла. Матеріалисты признаютъ этотъ душевный опытъ тождественнымъ съ внутреннимъ чувствомъ тѣлесной жизни и происходящихъ въ тѣлѣ перемѣнъ:

здоровья, болѣзни, тепла, холода, жажды, голода и т. п., но это несправедливо. Какъ бы они ни называли нашу душу, какъ бы ни объясняли ея природу и строеніе, внутренняя жизнь ея, по свидѣтельству того же самого опыта, всегда будетъ оказываться особою, отличною и вышею жизни тѣлесной. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ этому служить свободное движеніе жизни душевной по высшимъ требованіямъ ума и совѣсти, вопреки тѣлеснымъ ощущеніямъ. Таковы опыты ограниченія тѣлесныхъ потребностей и страстей для сохраненія мира и чистоты душевной; таковы дѣйствія по долгу чести, вопреки внѣшнимъ выгодамъ; таковы примѣры самоотверженія и самопожертвованія за ближняго, за Отечество; таковы преимущественно страданія за истину, не обѣщающую вещественной пользы. Но это ученіе о внутреннемъ опытѣ души въ естественномъ ея состояніи собственно принадлежитъ философіи, намъ же оно нужно только для того, чтобы на его основаніяхъ приступить къ изясненію другаго христіанскаго ученія—о внутреннемъ *духовномъ опытѣ*.

Христіанство, принимая и вводя въ свою область естественнаго человѣка, не отрицаетъ ни одного изъ свидѣтельствъ его душевнаго опыта, не уничтожаетъ и не обрекаетъ на бездѣйствіе ни одной изъ его душевныхъ силъ; но открывая душѣ путь къ самостоятельному развитію и высшему совершенству до уподобленія Богу и общенія съ міромъ чистыхъ духовъ въ жизни вѣчной, вводитъ ее въ новыя состоянія и степени жизни, въ новыя ощущенія, въ дѣйствительности которыхъ удостоверяетъ тотъ же внутренній опытъ. Мы бесѣдуемъ съ христіанами, людьми возрожденными благодатію Христовою и призванными къ жизни духовной; потому при изложеніи опытовъ этой жизни, или исторіи развитія духа и различныхъ его состояній, мы не будемъ приводить никакихъ доказательствъ. Мы знаемъ, что собственные сердца и совѣсти ваши скажутъ: „Да, это правда; это я знаю по опыту; это во мнѣ есть или было“.

Начнемъ съ дѣтства. Мы не знаемъ, что происходитъ въ душѣ нашей отъ рожденія нашего и призванія ея въ жизнь духовную благодатію святыхъ Таинствъ Крещенія и Муропо-

мазанія до пробужденія нашего сознанія. Но мы убѣждены, что это время для души младенца, осѣняемаго благодатию Божіею, питаемаго духовно приобщеніемъ Крови Христовой, ограждаемаго отъ вредныхъ вліяній Ангеломъ Хранителемъ,— не проходитъ бесплодно. Тотчасъ съ пробужденіемъ умственныхъ силъ и сознанія, дитя оказывается готовымъ и способнымъ къ Богопознанію. Здѣсь исполняется пророчество Іереміи о временахъ новозавѣтныхъ: „Не будутъ учить другъ друга, братъ брата, и говоритъ: познайте Господа, ибо всѣ сами будутъ знать Меня отъ малаго и до большаго“ (Іерем. 31, 34). Поэтому дитя христіанское, съ пробужденіемъ его сознанія, нужно только поставить предъ Богомъ въ молитвѣ, оно узнаетъ Его, потому что Богъ невѣдомо для него самого уже обиталъ въ его сердцѣ. Что бы вы ни стали говорить ему о Богѣ, о Христв Спасителѣ, объ Ангелахъ и святыхъ Божіихъ,—все это, если не было понятно его уму, то знакомо его сердцу: весь этотъ міръ духовный оно предчувствовало и уже любило, прежде нежели стало постигать умомъ. Мы помнимъ, какъ мы любили Христа Спасителя въ дѣтствѣ, съ какимъ услажденіемъ слушали исторію Его жизни, какъ воодушевлялись ревностію при повѣствованіяхъ о подвигахъ святыхъ и страданіяхъ мучениковъ, съ какимъ усердіемъ участвовали въ священннхъ обрядахъ Церкви, какъ легко вѣрилось, какъ чиста была наша молитва, какъ близко было и доступно нашему сердцу все святое и благородное... Это было время невинности, это былъ рай души, о которомъ мы вспоминаемъ съ умиленіемъ, но чаще со скорбію, какъ о потерянномъ. Только позднѣйшій опытъ раскрываетъ намъ истинный смыслъ слова Христова: „Кто не приметъ Царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“ (Марк. 10, 15).

Мы помнимъ это жадное любопытство отрочества, это стремленіе ранней юности все узнать и испытать скорѣе. Но съ этого времени, для однихъ раньше, для другихъ позднѣе, начинается обозначаться глубокая черта, раздѣляющая жизнь на двѣ полосы: свѣтлую и темную, добра и зла. На одной стоитъ стыдливость невинности, строгость совѣсти, страхъ грѣха, на другой—пробуждающіяся страсти, прельщенія со-

блзновъ, картины украшеннаго порока, льстивые голоса искусителей. Намъ памятны страданія сердца и совѣсти при первыхъ паденіяхъ, но большею частію уже поздно мы начинаемъ сознавать, какъ незамѣтно и много съ годами набралось всякаго зла въ нашу душу: въ умъ—сомнѣній, въ сердце—страстей, въ жизнь—порочныхъ привычекъ. Въ минуты честнаго самоиспытанія и самообсужденія, мы съ горестію спрашиваемъ самихъ себя: куда дѣвались въ насъ прежняя чувствительность къ чистымъ впечатлѣніямъ истины и добра, благородныя стремленія къ честной дѣятельности, горячіе порывы къ безкорыстному служенію благу ближнихъ? Плевелы грѣховъ и страстей перемѣшались съ чистыми ростками пшеницы, а по мѣстамъ и совсѣмъ задавили ихъ.

Время юности большею частію даетъ рѣшительное направленіе всей послѣдующей жизни нашей. Утвердившіяся въ это время склонности къ добру и злу начинаютъ находить полное приложеніе и проявленіе въ свободной дѣятельности зрѣлаго возраста. Кто не сохранилъ чистыхъ впечатлѣній истины и добра, полученныхъ въ дѣтствѣ и юности, кто утратилъ страхъ предъ Богомъ и Его Закономъ, кто заглушилъ пороками голосъ совѣсти, тотъ постепенно погружается въ бездну зла и пороковъ и составляетъ бремя для семействъ общества и человѣчества. Но большею частію мы представляемъ изъ себя въ это время разноцвѣтную смѣсь добра и зла, нѣчто похожее на картину великаго художника, обезображенную и изорванную рукой завистливаго и озлобленнаго врага истинной красоты и изящества. Кто изъ людей неразвращенныхъ окончательно не испытываетъ во всю остальную жизнь этой печали о грѣхахъ и растлѣніи своей души, этихъ общаній исправленія предъ Богомъ и самимъ собою и непрестаннаго ихъ нарушенія, этой пробуждающейся по временамъ ревности къ борьбѣ со страстями и постыдныхъ поражений отъ утвердившихся грѣховныхъ привычекъ, этихъ воздыханій и молитвъ о высшей помощи и произвольныхъ отреченій отъ той самой благодати Божіей, которой просимъ? Всю жизнь нашу проникаетъ недугъ: „добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю“ (Рим. 7, 19). И въ

старости возникаетъ въ сердцѣ страхъ при мысли: въ чемъ застигнетъ меня смерть, и что будетъ со мною тамъ, въ этомъ загробномъ мірѣ, къ которому приближаюсь?...

Есть, однако, счастливые люди, у которыхъ жизнь идетъ иначе. Опишемъ ихъ, если не по своему, то по чужому опыту. Охраненные въ дѣтствѣ Божіею благодатіею и попеченіемъ родителей и христіанскихъ воспитателей, они избѣжали соблазновъ и ранняго развращенія. Чистыя радости жизни пришли къ нимъ въ свое время, и въ видѣ дозволенномъ совѣстію и Закономъ Божіимъ. И ихъ касались искушенія, но были отражаемы силою воли, укрѣпляемой соблюденіемъ Закона Божія и уставовъ Церкви. Эти же законы и уставы охранили ихъ и отъ излишествъ, поражающихъ дурные навѣки и страсти. Имъ навсегда осталось любезнымъ и пріятнымъ только чистое, святое и благородное. Они до старости сохраняютъ стыдливость и цѣломудріе юности. Въ душахъ ихъ осталась та же вѣра, дѣтская по искренности и цѣльности, но уже просвѣщенная познаніями и утвержденная опытами; то же довѣрчивое послушаніе, но не по чувству только зависимости отъ чужой воли, а по сознанію его благотворности; та же чувствительность къ страданіямъ человѣческимъ, но уже находящая въ служеніи людямъ дознанную опытомъ радость о счастья ближняго. Они во всемъ поступаютъ безъ хитрости, своекорыстія—честно и справедливо, но не по одному простосердечію, а потому, что подъ влияніемъ Закона Божія силою свободной дѣятельности это вошло въ ихъ природу, что поступать иначе составляетъ для нихъ нравственную невозможность, равносильную невозможности физической. У нихъ та же чистая молитва, но уже какъ обычное, не требующее понужденій, устремленіе души къ Богу и горнему міру съ исканіемъ озаренія и высшей помощи въ трудѣ жизни. Они знаютъ борьбу, имъ извѣстны скорби больше чѣмъ кому-нибудь другому; они плачутъ какъ всѣ, но безъ горечи, безъ порывовъ отчаянія; сквозь ихъ слезы, какъ лучи солнца сквозь дождь, просвѣчиваютъ спокойное сознаніе неизбѣжности скорбей въ земной жизни, тихая покорность волѣ Божіей и надежда увидѣть жизнь, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Въ ихъ сердцахъ водворился миръ, какъ свѣтъ, какъ теплота, свидѣтельствующіе о пребываніи въ нихъ Божіей благодати. Это избранники Божіи, которыми миръ стоитъ. Но и намъ ихъ внутренняя жизнь понятна по тѣмъ проблескамъ духовнаго свѣта, котораго иногда удостоиваемся и мы; и для насъ въ лучшія минуты она представляется не невозможною, и никогда не перестаетъ быть вождельбною.

Эти свидѣтельства опыта могутъ отвергать или перетолковывать по-своему только люди, у которыхъ, подъ гнетомъ чувственности, совершенно угасла духовная жизнь, или утрачена всякая память о раннихъ ея проявленіяхъ. Это указанные Спасителемъ нравственные *мертвецы*; оставимъ ихъ погребать другъ друга (Матѳ. 8, 22). Но у кого душа нравственно жива,—невинная, или падшая, борющаяся со зломъ, или побѣждаемая имъ, мирная, или страждущая, достигающая совершенства, или далекая отъ него,—для того эти опыты такъ же убѣдительны и доказательны какъ и различныя состоянія внѣшней жизни, переживаемыя на глазахъ всѣхъ. Посему, какъ изъ опытовъ внѣшней жизни мы дѣлаемъ нужные намъ выводы и заключенія, такъ съ тою же увѣренностію можемъ ихъ дѣлать и изъ опытовъ жизни внутренней.

И первое, что мы чувствуемъ, смотря съ точки зрѣнія этого опыта на наше разномысліе, о которомъ мы говорили, есть изумленіе,—какъ могли получить значеніе въ христіанскомъ обществѣ вопросы: есть въ насъ душа, какъ отличное отъ другихъ земныхъ созданій, высшее существо, или нѣтъ? Что мы: животныя, подобныя безсловеснымъ, или нѣчто лучшее? Самосознаніе, объемлющее нашу душу, обходящее ее, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ и обозрѣвающее ея внутреннюю жизнь во всѣхъ движеніяхъ и проявленіяхъ, дѣлаетъ безразсудными всякіе подобные вопросы, раскрывая намъ въ подробностяхъ этотъ особый внутренній міръ, эту дѣятельность, превышающую все земное, отъ правильнаго теченія которой зависитъ и весь порядокъ въ жизни внѣшней. Естествоиспытатели нашего времени съ похвальною настойчивостію и наблюдательностію при помощи орудій изучаютъ микроскопическій міръ, и къ удивленію всѣхъ открываютъ,

какія великія бѣдствія происходятъ для насъ изъ этого міра мелкихъ существъ. Еслибы съ тою же добросовѣтностью они изучали и нашъ внутренній міръ, они сами изумились бы, какія ими забыты великія существа, называемыя душами человѣческими, какъ жалко ихъ нравственное искаженіе, и какъ послѣдовательно исходятъ изъ этого міра всѣ наши современные недуги и бѣдствія.

Человѣка, живущаго духовною жизнію, еще болѣе удивляетъ, какъ христіанинъ можетъ задумываться надъ вопросомъ: есть ли Богъ на небесахъ, и нужно ли съ нашей стороны общеніе съ Нимъ и служеніе Ему духомъ и истиною, или мы должны довольствоваться отъ рожденія до могилы этимъ круженіемъ, этою мелкою суетною жизнію, которая кипитъ и волнуется предъ нашими глазами? Опытъ внутренній раньше и сильнѣе всякихъ доказательствъ удостовѣряетъ насъ, что безъ Бога и Христа Спасителя нѣтъ для духа нашего ни цѣли, ни идеала совершенства, къ которому онъ такъ стремится по своей природѣ, ни закона для внутренней жизни, ни побужденій къ его исполненію, ни силы, ни надежды, ни утѣшенія. Это древнія истины; но замѣчательно, что одинъ изъ современныхъ просвѣщеннѣйшихъ людей, котораго раннюю смерть еще многіе оплакиваютъ, и имя котораго произносится съ уваженіемъ, говорилъ: „кто съ дѣтства не чувствовалъ Бога въ своемъ сердцѣ, тотъ не можетъ истинно въ Него вѣровать“. Это и естественно: когда вся душа съ дѣтства обращена къ міру внѣшнему и развивается исключительно подъ его впечатлѣніями, тогда тупѣетъ внутреннее духовное зрѣніе, предназначенное для созерцанія Бога, и замираетъ чувство необходимое для принятія впечатлѣній изъ міра горняго. Прибавимъ, однако, что такимъ людямъ, по свидѣтельству того же опыта возможно исцѣленіе отъ Единаго Врача душъ—Иисуса Христа.

Опытъ внутренній, для того, кто его имѣетъ, какъ нельзя лучше, объясняетъ недостатки и ошибки въ нашемъ современномъ воспитаніи. Это оставленіе дѣтей безъ духовныхъ упражненій подъ предлогомъ ихъ умственной неразвитости, это наряжаніе ихъ дѣлающее изъ нихъ игрушки для родите-

лей и между тѣмъ такъ рано пробуждающее въ нихъ тщеславіе и зависть, эти дѣтскіе балы, подготовляющіе ихъ заранѣе ко всѣмъ страстямъ и порокамъ взрослыхъ, это пустое и разсѣвающее чтеніе разныхъ сказокъ, иногда соблазнительныхъ,—что все это какъ не систематическое развращеніе ихъ? Пророкъ Исаія, предсказывая рожденіе отъ Дѣвы Божественнаго Младенца Иисуса, совершеннѣйшую чистоту Его изображаетъ такъ: „Онъ будетъ питаться молокомъ и медомъ, доколѣ не будетъ разумѣть: отвергать худое и избирать доброе“ (Ис. 7, 15). Это означаетъ охраненіе младенческой души отъ всего, что для нея преждевременно, и поставленіе ея подъ вліяніе однихъ чистыхъ и благодатныхъ впечатлѣній. Вотъ идеаль для воспитанія христіанскихъ дѣтей! А мы какъ будто намѣренно спѣшимъ наполнить воображеніе и сердца ихъ всякимъ зломъ, прежде нежели они достигли способности „отвергать худое и избирать доброе“, и потомъ предоставляемъ имъ самимъ бороться съ этимъ зломъ и страдать отъ него цѣлую жизнь. Тѣ же ошибки мы продолжаемъ и въ воспитаніи отроковъ и юношей. Мы надѣемся на обиліе и многосторонность познаній, которыми обогащаемъ ихъ; но этого мало. Надобно утвердить юношей въ доброй жизни, а этого мы не достигнемъ однимъ ученіемъ даже о вѣрѣ и Законѣ Божіемъ. Нравственную жизнь, какъ и всякую другую, нельзя втолковать словами; надобно ввести въ нее молодыхъ людей и дать имъ опытомъ извѣдать различныя состоянія этой жизни. Надобно, чтобъ отроки и юноши почувствовали въ себѣ движенія жизни духовной и влеченіе къ ней въ размышленіи о Богѣ и въ молитвѣ; оцѣнили чистоту и миръ сердца въ борьбѣ съ приражающимися порочными помыслами; сознали въ себѣ силу духа въ перенесеніи лишеній и борьбѣ со страстями; испытали радость торжества въ нравственныхъ побѣдахъ и успѣхахъ, и полюбили красоту добродѣтели или внутреннее счастье и гармонію жизни при постепенномъ воплощеніи добра въ своей природѣ, съ помощію добрыхъ навыковъ, что только и можетъ поставить ихъ въ нравственную невозможность совершать преступленія. Гдѣ у насъ школы

для обученія этой жизни? Гдѣ проходятся эти курсы воспитанія? Прежде всякая семья была подобною школой; родители и воспитатели входили въ нравственную жизнь дѣтей и юношей и были руководителями въ ней, пользуясь сами наставленіями, учрежденіями и уставами Церкви. Нынѣ это почитается лишнимъ; дѣло оканчивается одними научными уроками, то есть словами. Оттого люди труда, подвига, терпѣнія, самоотверженія, высокой честности рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ. Если мы признали дѣятельное обученіе юношей добродѣтели дѣломъ лишнимъ, то и самыя добродѣтели молодыхъ поколѣній не будутъ нашимъ достояніемъ.

Припомните изъ своего опыта, съ какимъ трудомъ приобрѣтали вы расположеніе къ молитвѣ, побуждали лѣность тѣла, разсѣянность ума, холодность сердца, и какъ вы были счастливы, когда успѣвали провести одинъ часъ въ усердной сосредоточенной молитвѣ. Въ трудѣ молитвы вы убѣждались, что для успѣха въ ней нуженъ навыкъ, а для поддержанія этого навыка нужно постоянное упражненіе, въ чемъ особенно содѣйствуетъ посѣщеніе церковнаго богослуженія. Этотъ собственный опытъ покажетъ вамъ, что значитъ для нашей нравственной жизни посѣщеніе театральныхъ представленій, концертовъ и вечеринокъ подѣ праздники и особенно въ Великій Постъ, это самое важное время для упражненій духовныхъ. Опускается всенощная, просыпается литургія, и такъ у многихъ часто, у иныхъ постоянно, и къ этому мы привыкаемъ какъ къ дѣлу обыкновенному. Чтѣ же это однако значить? То, что новые обычаи отнимаютъ у насъ послѣднее средство для поддержанія духовной жизни—богослуженія, и такимъ образомъ погашаютъ послѣдніе остатки этой жизни. Многіе въ оправданіе себѣ говорятъ, что театральныя представленія въ Великій Постъ разрѣшены правительствомъ. Но въ отечествѣ нашемъ много народовъ и разныхъ вѣрѣ. Для тѣхъ, кому ихъ религія и совѣсть не препятствуютъ быть въ театрѣ во время нашего поста они и открыты, тѣ пусть посѣщаютъ ихъ; а намъ никто не предписываетъ нарушать уставы нашей Церкви, и никто не увлекаетъ насъ силою къ

нравственному разращенію. Нѣкоторые благомыслящіе родители чувствуютъ несообразность этихъ новыхъ обычаевъ съ христіанскимъ долгомъ, но оправдываютъ себя тѣмъ, что не имѣютъ силы остановить молодыхъ людей, увлекаемыхъ общимъ потокомъ и не находящихъ ничего предосудительнаго въ такъ называемыхъ художественныхъ наслажденіяхъ. Но здѣсь-то и кроется злокачественный признакъ нравственнаго упадка. Родители, получившіе христіанское воспитаніе, сидя наканунѣ праздниковъ въ концертахъ и на зрѣлищахъ, чувствуютъ угрызеніе совѣсти, вспоминая о томъ, что въ это время дѣлается въ Церкви, а молодые люди этого уже не чувствуютъ. Ясно, что у нихъ начинается преобладать влеченіе къ наслажденіямъ художественнымъ. Дальнѣйшая жизнь и покажетъ, что чувство изящнаго—источникъ наслажденій—разовьется въ нихъ до страсти къ удовольствіямъ, а чувство религіозное—источникъ всякаго добра—погаснетъ.

Люди зрѣлаго возраста, получившіе христіанское воспитаніе, помнятъ, чего стоило имъ охранять умъ и сердце отъ впечатлѣній и помысловъ оскорбляющихъ чувство цѣломудрія, какъ тяжела была борьба со страстію, какъ болѣзненны были для души паденія. Они цѣнили мирное пристанище законнаго супружества. Они знали, что семейная жизнь не безъ трудностей; при невзгодахъ они съ утѣшеніемъ вспоминали, что Церковь устами священнодѣйствующаго молится о нихъ Господу въ самое важное время Божественной литургіи: „супружества ихъ въ мирѣ и единомысліи соблюди, младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утѣши“¹⁾. Но вотъ новыя воззрѣнія разрушаютъ и эту ограду доброй нравственности. Ученіе о свободѣ чувства нынѣ открываетъ широкія двери къ развращенію. И эти, безпрестанно видимые нами, разрывы супружескихъ союзовъ оправдываются такими предлогами, изъ которыхъ ясно видно, что

¹⁾ Молитва по предложеніи Св. Даровъ на литургіи Василя Великаго.

супруги новаго склада не признають и не имѣютъ даже начальныхъ правилъ и добродѣтей общежитія: вѣрности данному слову и обѣту, склонности изучать характеры людей, съ которыми живутъ, терпѣнія, снисходительности, прощенья обидъ, и что всего ужаснѣе—заботы о судьбѣ собственныхъ дѣтей. Если такъ складывается у новыхъ поколѣній быть семейный, этотъ питомникъ общественныхъ добродѣтелей, то чего отъ такихъ семействъ общество можетъ ожидать въ будущемъ? Какихъ намъ еще нужно болѣе очевидныхъ признаковъ современнаго упадка нравственности въ нашемъ обществѣ?

Мы не должны упускать изъ виду, что мы современники Великаго Императора Александра II, даровавшаго въ первое двадцатипятилѣтіе своего славнаго царствованія новую жизнь нашему отечеству. Правда, восторженные привѣтствія, которыя мы приносили и продолжаемъ приносить Ему по случаю совершенія этого перваго періода Его Царственной дѣятельности, свидѣтельствуютъ о нашей благодарности и любви къ Нему; правда, мы счастливы мыслію, что когда потомство будетъ обсуждать Его славныя дѣла и великія событія Его царствованія, оно отмѣтитъ, что и мы, Его современники, цѣнили Его, понимали, любили и были Ему благодарны. Но это не все, чѣмъ мы обязаны предъ Царемъ и потомствомъ. До нашего времени русскій народъ во всей своей исторіи шелъ путемъ одного послушанія власти, подчиняясь ея велѣніямъ. А намъ нынѣ дано право свободно думать, говорить и дѣйствовать. Намъ указаны новые пути дѣятельности, и мы отвѣтствуемъ предъ царемъ и потомствомъ за первыя движенія по этимъ путямъ. Жизнь нами ложно направленная отразится бѣдствіями въ дальнѣйшей исторіи нашего отечества, и не будетъ намъ чести предъ потомствомъ, если мы заставимъ его исправлять посѣянное нами зло, и тѣмъ болѣе терпѣть бѣдствія отъ зла не поправимаго. Исторія назоветъ настоящее царствованіе временемъ самосознанія нашего народа, и потому съ нашей стороны первымъ главнѣйшимъ актомъ этого самосознанія должно быть возвращеніе нашей жизни къ вѣчно истиннымъ началамъ христі-

анства и къ вѣчно благотворнымъ уставамъ Православной Церкви. Только чистая струя христіанской жизни въ совокупности съ благотворными государственными учрежденіями принесетъ счастье нашему потомству, и сохранить въ немъ чуткое пониманіе истины и правды и любовь ко всему доброму, истинно прекрасному и святому. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ВЫПУСКѢ

ВОСПИТАНИЦЪ МОСКОВСКАГО НИКОЛАЕВСКАГО ИНСТИТУТА ¹⁾

Объ истинномъ достоинствѣ женщины.

Вамъ, благородныя дѣвицы, окончивающія нынѣ курсъ ученія, вашему личному желанію я обязанъ утѣшеніемъ совершить нынѣ Божественную литургію въ благолѣпномъ храмѣ вашего заведенія, при вашемъ прекрасномъ пѣніи, при молитвенномъ соучастіи столькихъ чистыхъ, юныхъ сердець. Въ наше время для служителей Церкви не часто достается радость видѣть въ молодыхъ людяхъ благочестивое желаніе выйти въ свѣтъ изъ учебнаго заведенія не послѣ шумнаго веселья, такъ свойственнаго юности, а послѣ торжественнаго Богослуженія, и притомъ съ напутствіемъ епископскаго благословенія. И да благословитъ васъ Господь! Да будутъ для васъ памятны навсегда эти чувства умиленія, эти молитвенныя движенія сердець вашихъ, волнуемыхъ радостію и страхомъ въ настоящіе часы вашей жизни, столь для васъ знаменательныя.

Но мнѣ хотѣлось бы, въ благодарность за ваше приглашеніе, заложить на память въ ваши добрыя души нѣчто болѣе прочное и болѣе плодотворное, чѣмъ одни пріятныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ вашего пребыванія подъ бла-

¹⁾ Произнесена въ Церкви Московскаго Воспитательнаго дома, 31 мая 1880 года.

годѣтельнымъ кровомъ этого заведенія. Вы выходите на широкое поле жизни. Вамъ, въ вашемъ возрастѣ, свойственно ожидать на этомъ полѣ цвѣтовъ и радостей; но оно само, это трудовое поле, ждетъ отъ васъ прежде всего трудовъ, тщательнаго воздѣлыванія участка каждой изъ васъ Промысломъ Божиимъ предназначеннаго; ждетъ и достоинствъ ума и сердца, ждетъ нравственной красоты, чтобы вы сами, какъ цвѣты, были украшеніемъ этого поля и бросали отъ себя во всѣ стороны добрыя сѣмена. Васъ снабдили здѣсь орудіями для труда—образованіемъ, познаніями, добрыми правилами и навыками; но уже вамъ самимъ предстоитъ объединить черты требуемыхъ отъ васъ достоинствъ въ одинъ образъ совершенства, носить его въ своемъ воображеніи и съ нимъ сообразовать свои склонности, мысли и дѣйствія. Это называется—создать для себя идеаль той личности, какую желаете воплотить въ себѣ силою свободной дѣятельности для собственнаго счастья и для блага и утѣшенія общества.

Нынѣ вообще жалуются на утрату людьми нашего времени идеаловъ человѣческаго совершенства; но всего замѣтнѣе, и особенно достойно сожалѣнія, если не совершенное исчезновеніе, то искаженіе идеала истинной женщины, и тѣмъ болѣе женщины-христіанки. Его-то въ чистомъ видѣ мнѣ желательнѣе оставить на память въ вашемъ умѣ и сердцѣ.

И намъ нѣтъ надобности искать, или вновь составлять его. Въ свѣтлыхъ, прекрасныхъ чертахъ онъ всегда хранится въ Божественномъ Откровеніи. Ясный очеркъ его мы имѣемъ въ словахъ св. Апостола Петра, обращенныхъ къ женамъ-христіанкамъ: „Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (1 Петр. 3, 3, 4).

Здѣсь прежде всего мы видимъ, что слово Божіе представляетъ женщинѣ какъ право, какъ существенную принадлежность, красоту и украшенія: „да будетъ украшеніемъ вашимъ“. Женщина, пока остается дѣвицей, на нее, какъ существо, требующее особаго охраненія, обращено преиму-

щественное вниманіе и нѣжность родителей и братьевъ; когда она становится женой, въ ней заключается сила тяготѣнія, удерживающая мужа при домѣ и сосредоточивающая всѣ его заботы на семьѣ; когда она стала матерью, на ней покоятся взоры дѣтей, и подъ ближайшимъ ея вліяніемъ раскрываются ихъ души. Женщина, служащая средоточіемъ столькихъ привязанностей, должна быть прекрасна, потому что должна быть любима; а любить непрекрасное несвойственно человѣку. Но по тому самому, что на любви къ женщинѣ опирается столько основъ для развитія и благосостоянія человѣчества, черты красоты ея должны быть истинны, существенны и долговѣчны. Въ чемъ же онѣ состоятъ?

„Да будетъ украшеніемъ вашимъ, продолжаетъ Апостоль, не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы, или нарядность въ одеждѣ“. Этими словами, очевидно, только устраняется черта, не входящая въ составъ истиннаго идеала женщины, и часто несправедливо къ нему присоединяемая, такъ какъ внѣшнее убранство не составляетъ собственно человѣка. Образованныя христіанки знаютъ это. Для нихъ нѣтъ надобности объяснять, что излишняя роскошь и изысканность въ нарядахъ, даже при богатомъ состояніи, несоотвѣтствіе ихъ съ возрастомъ, достаткомъ, общественнымъ положеніемъ, обстоятельствами времени, всегда обнаруживаютъ недостатокъ въ женщинѣ ума, вкуса и должнаго пониманія нравственнаго и общественнаго приличія. Онѣ знаютъ, что Апостоль своимъ замѣчаніемъ предостерегаетъ христіанокъ отъ унижающей ихъ суетности, тщеславія, соперничества, зависти и другихъ пороковъ, которые плодитъ въ женскомъ полѣ пристрастіе къ нарядамъ. Намъ нѣтъ нужды распространяться и о томъ, какъ это вредитъ истинному достоинству женщины. Но мы не можемъ не указать на одно современное явленіе, относящееся къ нашему предмету, котораго не было при Апостолахъ, но которое легко оцѣнить подъ руководствомъ ученія апостольскаго. Мы говоримъ о *модѣ*, этой деспотической влательницѣ, которая нынѣ поработила міръ христіанскій. У насъ съ вами нѣтъ силъ поставить преграду этому всезаливающему потоку новостей и непрестанныхъ церемѣнъ въ укра-

шеніяхъ всякаго рода. Но не давайте ему уносить васъ, какъ несутся по теченію воды ладьи безъ кормила и кормчаго. Призывайте свой здравый смыслъ, устанавливайте свой взглядъ какъ на моду вообще, такъ и на ея произведенія, и да не будутъ—скажемъ примѣнительно къ выраженіямъ Апостола—любимымъ, страстно желаемымъ украшеніемъ вашимъ эти наряды и уборы, которые надѣваетъ на васъ невѣдомо кто, перемѣняетъ невѣдомо зачѣмъ, разнообразить не справляясь ни съ вашимъ вкусомъ, ни съ вашими потребностями, ни съ вашими средствами. Но, если уже вы порабощены общему обычаю, то не миритесь въ душѣ съ этимъ рабствомъ, а обсудите его унизительную тягость и желайте освобожденія. И это уже много будетъ значить.

Въ числѣ внѣшнихъ украшеній Апостоль не упоминаетъ о природной тѣлесной красотѣ женщины. Это, конечно, потому, что она есть даръ Божій, хотя сама по себѣ и не долговѣчна. Къ ней женщина, когда ее имѣетъ, должна и относиться какъ къ особенному дару Божію: не примѣшивать къ нему прикрасъ искусственныхъ, не гордиться имъ предъ другими, не употреблять его на соблазнъ людямъ, заботиться, чтобы не повредили его такъ легко отпечатлѣвающіяся на лицѣ душевныя страсти, возвышать его цвѣтами скромности, стыдливости и цѣломудрія. Но истинная, *нетлѣнная*, способная къ безпредѣльному развитію красота человѣка заключается въ его духѣ. Ее составляютъ добродѣтели или совершенства, приобретаемые нами подъ руководствомъ Заповѣдей Божіихъ, по примѣру Спасителя Нашего,—по слову пророческому, „прекраснѣйшаго паче сыновъ человѣческихъ“ (Ис. 44, 3). Только эта красота и *многочынна* предъ Богомъ, какъ образъ Единороднаго Сына Его. Она общая для всѣхъ христіанъ. Всѣ черты этой красоты, во всѣхъ видахъ и степеняхъ, доступны и духу женщины. Но въ женскомъ духѣ, имѣющемъ всѣ общечеловѣческія свойства, Апостоль желаетъ еще видѣть *человѣка сердца*: „да будетъ украшеніемъ вашимъ въ нетлѣнной красотѣ духа сокровенный сердца человѣкъ“. Что это за особенность? Это—преимущественно свойственное женщинѣ, своеобразное развитіе духа подъ вліяніемъ присущаго

женской природѣ обилія любви, дарованнаго ея сердцу по особенному ея назначенію. Объ этомъ качествѣ женской природы свидѣтельствуется исторія всего міра. Женщина есть по преимуществу челоѣкъ сердца. Сердцемъ вѣрующимъ, покорнымъ, смиреннымъ, преданнымъ, долготерпѣливымъ, относится она къ Богу; тѣмъ же сердцемъ довѣрчивымъ, сострадательнымъ, выносливымъ, всепрощающимъ—относится она и къ людямъ. Этого челоѣка сердца въ отношеніи къ Богу мы видимъ въ мужественной Саррѣ, по повелѣнію Божію, оставившей родину и послѣдовавшей за Авраамомъ въ землю неизвѣстную; въ Аннѣ, матери Самуила, изливавшей предъ Богомъ душу свою въ молитвѣ о дарованіи сына; въ женѣ грѣшницѣ, обливавшей слезами ноги Спасителя; хананеянкѣ, силою дерзновенія исторгающей слово милости изъ устъ Господа, отвергавшаго ее; въ кровоточивой, тайно касающейся ризы Христовой; въ Муроносицахъ, съ трепетомъ сердца поспѣвающихъ на восходѣ солнца ко гробу Господню, чтобы только помазать муромъ тѣло возлюбленнаго Учителя; въ высочайшемъ же совершенствѣ—въ Препоблагословенной Дѣвѣ Маріи, изрекшей въ великія минуты Благовѣщенія свое чудное „буди“, слагавшей всѣ глаголы въ сердцѣ своемъ, стоявшей въ безмолвныхъ страданіяхъ при крестѣ Иисусовѣ. По отношенію женщины къ людямъ мы не имѣемъ такого обилія историческихъ примѣровъ, въ которыхъ бы съ такою силою проявлялся челоѣкъ ея сердца, но для того, чтобы ясно видѣть и здѣсь его черты довольно опытовъ обыкновенной жизни. Мы видимъ его въ вѣрѣ женщины, не подозревающей лукавства челоѣческаго, въ слезахъ и порывахъ скорби при видѣ страданій ближнихъ, въ бессонныхъ ночахъ, проводимыхъ у колыбели младенца и постели больнаго, въ прощеніи горькихъ обидъ отъ несправедливаго мужа, въ неистощимой любви и заботѣ о бездарныхъ и даже преступныхъ дѣтяхъ, отвергаемыхъ цѣлымъ міромъ, въ готовности раздѣлить печальную участь погибающаго любимаго челоѣка, въ способности отдать все и все вынести по завѣту любви.

Не трудно понять, почему этотъ челоѣкъ сердца, или любви, можетъ получить полное и правильное развитіе только

при общей *красотѣ духа*, или при другихъ добродѣтеляхъ христіанскихъ. Любовь, какъ всякое свойство нашей души, можетъ быть направлена и въ добрую, и худую сторону. Для направленія ея къ предметамъ достойнымъ, нужно хранить христіанскія понятія о Богѣ, о людяхъ, о нашемъ назначеніи и обязанностяхъ; нужно имѣть бдительную и твердую совѣсть, чистоту сердца и помысловъ. Только при такихъ условіяхъ любовь можетъ развиваться въ высокую и благотворную силу; напротивъ, не ограждаемая истиною и не направляемая добродѣтелію, можетъ перейти въ страстную и разрушающую энергію. Ложныя ученія и дурныя совѣты могутъ направить самопожертвованіе женщины къ цѣлямъ нечистымъ, страсти превратятъ мужество любви въ дерзость и озлобленіе; столь драгоцѣнныя въ женскомъ сердцѣ довѣрчивость и сила привязанности могутъ быть похищены людьми порочными, ввести женщинъ въ кругъ преступниковъ и сдѣлать ихъ участницами преступленій. Нашему времени выпала печальная судьба дать всему этому множество потрясающихъ опытныхъ доказательствъ.

Но почему Апостоль требуетъ, чтобъ этотъ *человѣкъ сердца* въ женщинѣ былъ непременно *сокровенный*? Многимъ изъ современныхъ людей это требованіе покажется совпадающимъ со свойственною варварскимъ временамъ и народамъ замкнутостію и запуганностію женщины, съ желаніемъ скрывать ее отъ свѣта, не давать ей свободнаго и дѣятельнаго участія въ жизни общественной. Нынѣ такъ стараются освободить женщину ото всякаго стѣсненія, раскрыть передъ цѣлымъ міромъ сокровища ея сердца и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Но есть великое различіе между насильственнымъ отчужденіемъ женщины отъ общества и сохраненіемъ въ сокровенности ея внутренней жизни среди самаго общества. Преимущество женщины есть обиліе любви. Но что такое любовь? Она есть способность духа усвоить себѣ другое существо и отдавать себя ему, когда оно гармонируетъ съ его природой и восполняетъ его жизнь. Такъ духъ нашъ соединяется съ Богомъ и въ Немъ находитъ свое блаженство; такъ человѣкъ узамы любви соединяется съ человѣкомъ, и въ этомъ союзѣ нахо-

дить свое счастье, или восполнение и расширение своей жизни. Очевидно, что это составление связей по закону любви, выбор людей, возрастание, или ослабление привязанности к нимъ есть глубокий, многосторонний, сложный и, что всего важнѣе, свободный процессъ развитія духа. Можно ли допустить, чтобы всякій желающій любопытнымъ глазомъ заглядывалъ въ этотъ тайникъ нашей души? Можно ли дозволить вмѣшательство чужаго вліянія въ эту внутреннюю жизнь нашу? Молитва къ Богу есть изліяніе любви къ Нему, и Господь требуетъ, чтобы мы приносили ее въ уединенной клѣткѣ и затворяли за собою двери. Тотъ смутитъ горячо молящагося, кто подсмолитъ его молитву. Правила нашей Церкви не допускаютъ, чтобы при общественной молитвѣ сильныя душевныя движенія молящихся были обнаруживаемы выходящими изъ общаго порядка внѣшними дѣйствіями; такія движенія души во всей силѣ должны быть видимы Единому Богу. Самую милостыню, какъ дѣло любви къ ближнимъ и вмѣстѣ служеніе Богу, Господь повелѣваетъ творить втайнѣ, чтобы душа благотворящая ничѣмъ не была смущаема. Того же требуетъ самая природа любви и по отношенію къ людямъ. Кто подслушалъ бесѣду искреннихъ друзей, или супруговъ, тотъ у всѣхъ народовъ почитается похитителемъ чужой тайны. Тотъ, кого любятъ, оскорбляется даже тѣмъ, когда безъ его позволенія разсматриваютъ вещи, подаренныя ему любящимъ его человѣкомъ. Ясно, что тайна есть существенная принадлежность любви. Поэтому какъ не желать, чтобы человѣкъ сердца въ духѣ женщины, этотъ нѣжный, робкій, стыдливый человѣкъ, возросталъ и развивался на свободѣ отъ непрощенныхъ свидѣтелей въ тайнѣ и сокровенности? Но не повредить ли эта сокровенность дѣятельному выраженію любви женщины въ опытахъ жизни? Нѣтъ! Любовь—сила живая. Она скажется, но тамъ, гдѣ нужно, насколько нужно, и предъ кѣмъ нужно. Можетъ быть, женщина, не открывающая предъ всѣми своихъ чувствъ, останется незамѣченною и потому бесполезною для общества? Нѣтъ! Люди знаютъ, что гдѣ крѣпко стерегутъ, тамъ есть сокровища, а гдѣ двери отворены настежь,—тамъ пусто.

Отсюда понятно, почему Апостоль необходимыми свойствами истинно достойной женщины признает *кротость и молчаливость*. Любовь не уживается съ надменностію, гнѣвливостію и раздражительностію. Сама кротость, соединенная съ неліцемерною тихостію и мягкостію нрава, есть принадлежность любви, такъ какъ любовь по существу своему не взыскательна и не требовательна, но всегда склонна къ уступкамъ и жертвамъ. Самъ Сынъ Божій—Сама любовь—говорить о Себѣ, что Онъ пришелъ не для того, чтобъ Ему служили, но чтобы послужить (Мат. 20, 28). Если жена создана на помощь и утѣшеніе мужа: то пойдемъ ли мы искать этого утѣшенія тамъ, гдѣ всегда угрожаютъ вспышки гнѣвливости, гордости и тщеславія? Кротость, какъ выраженіе души мирной и любящей, всегда отпечатлѣвается и на лицѣ женщины и служить наилучшимъ ея украшеніемъ. Это выраженіе и не прекрасное отъ природы лицо дѣлаетъ прекраснымъ. Нынѣ требуютъ, чтобы женщина сама заявляла и защищала свои права. Но не на борьбу создана женщина. Для того, чтобы права женщины были неприкосновенны, нужно, чтобы въ другой половинѣ рода человѣческаго были умѣряемы страсти, чтобы мужчины умѣли, по слову того же Апостола, *женамъ какъ немогущішему сосуду оказывать честь* (1 Пет. 3, 7). Гдѣ понимаютъ истинное достоинство женщины, тамъ, когда ее оскорбляютъ въ ея чести и правахъ, довольно одного выраженія печали на лицѣ ея, довольно одной слезы, чтобы нашлись для нея надежные защитники. Скорбь и негодованіе, выражающіяся на лицѣ достойной женщины, скорѣе смирятъ ея обидчиковъ, чѣмъ шумныя заявленія правъ съ ея стороны.

Наконецъ, при кротости, для истиннаго достоинства женщины требуется еще и *молчаливость*. Это свойство еще мнѣе, чѣмъ кротость, согласно съ духомъ нашего времени. Скажутъ, что это опять отзывается отчужденіемъ женщины отъ общества, обреченіемъ ея на молчаніе. Но молчаливость есть особенная осторожность въ словѣ, а не постоянное молчаніе. Это свойство женщины дѣлаетъ ее сосредоточенною, ко всему внимательною, наблюдательною, осторожною, способною изучать людей и вѣрно опредѣлять свое мѣсто и зна-

ченіе между ними; тогда какъ излишняя говорливость, обнаруживая тайны ея сердца, дѣлаетъ ее предметомъ празднаго любопытства, а иногда и жертвою человѣческой хитрости. Еще древніе говорили, что сосудъ съ благовоніями часто открываемый выдыхается, что нѣжные и дорогіе плоды на деревьяхъ отъ птицъ закрываютъ сѣтью. Нынѣ мы и видимъ, какъ отъ излишней развязности теряется въ женщинахъ скромность и стыдливость, и жадными птицами расхищаются лучшіе плоды незащищаемаго молчаливостію женскаго сердца. Хранить свою любовь для людей достойныхъ и дѣль благахъ, меньше высказываться, но *славать въ славы въ сердце своемъ*— вотъ правила для охраненія истиннаго достоинства женщины. Къ женщинѣ такого характера лучшіе люди всегда отнесутся съ довѣріемъ; ей охотно откроютъ свою тайну, ей скорѣе, чѣмъ кому другому, сообщать свою радость, предъ нею, въ надеждѣ искренняго участія, съ отрадой выплачутъ свое горе. Человѣкъ сердца,—глубокій, искренній, надежный—вотъ что истинно драгоцѣнно для всѣхъ въ женской природѣ.

Да поможетъ вамъ Господь приближаться въ вашихъ мысляхъ, чувствахъ, дѣйствіяхъ и во всемъ вашемъ поведеніи къ этому свѣтлomu идеалу женщины-христіанки. Имѣя его предъ собою, идите бодро на трудъ жизни. Съ любовію встрѣтите васъ общество. Вы будете имѣть и среди трудовъ, и среди лишеній истинныя утѣшенія и истинныхъ друзей. Да сопутствуетъ вамъ всѣмъ и всюду Божіе благословеніе.

РѢЧЬ

предъ совершеиіемъ

БЛАГОДАРСТВЕННОГО ГОСПОДУ БОГУ МОЛЕБСТВІЯ

ПО СЛУЧАЮ ИЗБАВЛЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

5 ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА,

ОТЪ УГРОЖАВШЕЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ОПАСНОСТИ ¹⁾.

Опять преступное покушеніе на жизнь Благочестивѣйшаго Государя нашего; еще тонко разсчитанный замыселъ, но на этотъ разъ приведенный въ исполненіе уже не на городской улицѣ, не въ полѣ, не на желѣзномъ пути, а въ самомъ жилищѣ Царей нашихъ. Царскій Дворецъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ; страждущая Государыня Императрица, наша сердобольная Мать, предметъ нашихъ молитвъ и печали, не пощажена на одрѣ болѣзни. Царственная Семья поражена ужасомъ!.. Но что же Онъ, Кого такъ упорно преслѣдуютъ враги, за Кого такъ дрожить наше сердце? Онъ, какъ всегда, сохраняетъ спокойствіе духа, ободряетъ испуганныхъ, посѣщаетъ Своихъ воиновъ невинно за Него пострадавшихъ. И опять исполняются на Немъ съ изумительною точностію слова Псалмопѣвца о помазанникахъ Божіихъ: „Царь уповаеть на

¹⁾ Произнесена въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, 8 февраля 1880 года.

Господа, и по благости Всевышняго не поколеблется. Онъ просить у Тебя жизни: Ты даль Ему долгоденствіе. Велика слава Его во спасеніи Твоемъ“ (Псал. 20).

Истинно, велика слава Его, въ пятый разъ спасаемаго чудеснымъ дѣйствіемъ Промысла Божія при величайшихъ опасностяхъ. Изумляется этому міръ, самыя разнообразныя чувствованія волнуютъ сердца Его подданныхъ. Мы слышимъ, какъ отдаленные раскаты грома, движенія народнаго гнѣва и негодованія противъ тайныхъ враговъ нашего Царя и Отечества; мы видимъ рыданія, не женщинъ только добросердечныхъ и впечатлительныхъ, но крѣпкихъ духомъ мужчинъ, поражаемыхъ необычайностію событій; мы получаемъ отовсюду требованія общественныхъ молитвъ, не въ смыслъ только благодаренія Богу, но какъ торжественнаго исповѣданія нашей вѣры, нашего убѣжденія, что среди насъ, какъ древле среди Израиля, открывается и дѣйствуетъ дивная Десница Божія, что посѣщаетъ Господь и насъ людей Своихъ; мы всѣ нетерпѣливо желаемъ возгласить предъ всѣмъ міромъ устами Церкви: *Господи! исповѣдуемъ благодать, проповѣдуемъ милость, не таймъ благодѣянія.*

Но самыя лучшія, самыя священныя чувствованія, чтобъ они могли принести плодъ, должны уступать мѣсто размышленію. Мы переживаемъ знаменательное время: Господь, при охлажденіи нашемъ и невниманіи къ святому Слову Его, поучаетъ насъ событіями. Послушаемъ Пророка изъясняющаго смыслъ печальныхъ событій въ избранномъ народѣ Божиемъ, и поучимся у него пониманію событій нашего времени. „Внемли народъ Мой закону Моему, говоритъ онъ, приклоните ухо ваше къ словамъ устъ Моихъ. Чтѣ слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали намъ, не скроемъ отъ дѣтей ихъ, возвѣщая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которыя Онъ сотворилъ. Онъ постановилъ уставъ въ Иаковѣ, и положилъ законъ въ Израилѣ, который заповѣдалъ отцамъ нашимъ возвѣщать дѣтямъ ихъ, чтобы зналъ родъ грядущій, дѣти, которыя родятся; и чтобъ они въ свое время возвѣщали своимъ дѣтямъ, возлагать надежду свою на Бога и не забывать дѣлъ Божіихъ, и хранить Заповѣди Его“

(Псал. 77, 1—7). Забвениемъ и пренебрежениемъ этого повелѣнія Божія—возвѣщать вновь раждающимся дѣтямъ дѣла Божіи, законъ положенный въ Израилѣ, утверждать въ нихъ упованіе на Бога и послушаніе Его Заповѣдямъ,—Пророкъ изъ поколѣнія въ поколѣніе изъясняетъ преступленія народа и постигавшія его бѣдствія.

Съ какаго года, съ какаго поколѣнія, въ какихъ семействахъ прежде у насъ пресѣклось это преемственное передаваніе вновь раждающимся дѣтямъ завѣтовъ Божіихъ: тамъ и ищите зародыша и начала настоящихъ печальныхъ событій. Гдѣ родители и воспитатели не умѣли, или не хотѣли просвѣтить дѣтей вѣрою въ Бога, тамъ привилось вольномысліе и ложныя ученія подъ именемъ просвѣщенія; гдѣ не внушили упованія на Бога, тамъ возникли гордость и самомнѣніе, ожесточеніе и отчаяніе; гдѣ не позаботились подчинить пробуждающіяся силы и стремленія дѣтей воли родительской, тамъ родилось неповиновеніе властямъ; гдѣ не покорили свободу юности Заповѣдямъ Божиимъ—о честности, любви, цѣломудріи, смиреніи, трудолюбіи, тамъ ввѣдрились пороки, и въ молодыхъ людяхъ открылась готовая почва для всякихъ злыхъ сѣмянъ и всякихъ не призванныхъ сѣятелей. Чему же мы, люди старыхъ поколѣній, должны удивляться? Собственной неосмотрительности. На кого должны больше гнѣваться? На самихъ себя. Съ чего начать поправленіе нашей разстроенной общественной жизни? Съ подчиненія самихъ себя и еще неиспорченныхъ дѣтей нашихъ уставу поставленному въ Иаковѣ, и закону положенному въ Израилѣ. Церковь и Церковь—вотъ наше спасеніе! Всякое уклоненіе наше изъ-подъ ея руководства есть шагъ къ погибели; всякое необдуманное общественное движеніе и учрежденіе, вредящее ея вліянію на народъ, есть ударъ нравственной жизни народа, сбивающій его съ пути закона на путь развращенія.

Какой же урокъ мы получаемъ изъ этихъ многократныхъ случаевъ чуднаго избавленія отъ опасностей нашего Великаго Государя? Господь напоминаетъ намъ завѣтъ отцовъ нашихъ о преданности царямъ самодержавнымъ, и охраняетъ насъ отъ искушеній и увлеченій чуждыми ученіями о властяхъ и

народныхъ правительствахъ. Мы издали слышимъ, какъ въ странахъ. просвѣщенныхъ волнуются народныя массы, борются партіи, разгораются страсти, подкапываются основанія подчиненности и повиновенія, какъ люди здравомыслящіе желаютъ власти цѣльной, единой, твердой. Господь вѣками утвердилъ въ нашемъ отечествѣ единую власть царей, и въ лицѣ Государя нашего, Богомъ хранимаго, въ Его благости, кротости, постоянной заботѣ дать свободное развитіе всѣмъ народнымъ силамъ ко благу отечества, мы видимъ живое опроверженіе всѣхъ когда-то бывшихъ въ народахъ поводовъ къ устроенію иныхъ способовъ правленія. На многіе вѣка Онъ будетъ идеаломъ царей самодержавныхъ. Въ Немъ наше народное единство, наше самосознаніе, наша честь, наша сила и слава. „Господи, спаси Царя и услыши насъ, когда будемъ взывать къ Тебѣ!“ (Псал. 19, 10).

Чувству праведнаго негодованія противъ тайныхъ враговъ Царя нашего дадимъ исходъ и дѣятельное приложеніе въ сильномъ для каждаго содѣйствіи правительствамъ, къ раскрытію ихъ замысловъ и козней. Наконецъ, утѣшимся словами Пророка, обращенными къ Богу вслѣдъ за ученіемъ о храненіи царя силою Божіей, въ которыхъ онъ враговъ царя называетъ врагами Божіими: „Рука Твоя найдетъ всѣхъ враговъ Твоихъ. Они предприняли противъ Тебя злое, составили замыслы, но не могли выполнить ихъ. Ты поставишь ихъ цѣлю, изъ луковъ Твоихъ пустишь стрѣлы въ лицо ихъ. Вознесись Господи силою Твоею: мы будемъ воспѣвать и прославлять Твое могущество“ (Пс. 20, 9, 19—14).

РѢЧЬ

произнесенная

ВЪ МОСКОВСКОМЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ,

НА ПАНИХИДѢ ВЪ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНѢ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

9 МАРТА 1881 ГОДА.

Мы всѣ скорбимъ и тужимъ о постигшемъ насъ несчастіи. Точно въ каждомъ семействѣ близкій сердцу покойникъ; такъ всѣхъ объяло уныніе, такъ обще, такъ глубоко чувство печали во всемъ народѣ о кончинѣ нашего возлюбленнаго Государя.

Но въ тяжкихъ бѣдствіяхъ полезно печаль растворять размышленіемъ. Мы спрашиваемъ себя: что это случилось? Какъ это могло быть? Да, совершилось у насъ дѣло великое, дѣло страшное; но по самой великой важности своей оно не могло совершиться безъ воли Божественнаго Провидѣнія. Кто, какъ не Господь Всеправедный, могъ поразить весь народъ нашъ такимъ ударомъ? Кто, какъ не Владыка міра, могъ взять жизнь у Благодѣтельнѣйшаго изъ Государей, и такимъ необычайнымъ образомъ? Итакъ, на нашихъ глазахъ совершилось таинственное дѣйствіе Промысла Божія, управляющаго судьбами народовъ. Кто объяснить намъ его значеніе и цѣль?

Только Самъ Владыка міра, допустившій совершиться этому страшному событію. Только въ Божественномъ откровеніи мы можемъ найти ключъ къ разрѣшенію тайны.

Однажды Іудеи, раздраженные непонятнымъ и неприятымъ для нихъ ученіемъ Спасителя, схватили камни, чтобы побить Его. Видя ихъ намѣреніе, Господь спокойно сказалъ имъ: „Много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего: за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“ (Іоан. 10, 32). Руки пристыженныхъ убійцъ опустились. Въ другой разъ, когда Господь самъ обнаружилъ имъ ихъ намѣреніе, они съ упрекомъ говорили: „кто ищетъ убить Тебя?“ (Іоан. 7, 20). Но тѣмъ не менѣе, они Его убили. Не много ихъ было; они боялись народа, преданнаго всѣмъ сердцемъ Великому Учителю, Благодѣтелю и Чудотворцу: но тѣмъ не менѣе они достигли своей цѣли. Враждовали противъ Господа только книжники и фарисеи, установившіе себѣ особыя понятія о Мессіи и благоустройствѣ и славѣ Израильскаго народа. Они употребляли разные происки, подкупы и другія тайныя средства, чтобы запугать, оболстить народъ и найти въ немъ себѣ соучастниковъ. Сколько они успѣли въ этомъ, мы видимъ изъ криковъ множества голосовъ предъ Пилатомъ: „распни Его“. Какъ хитро они дѣйствовали, это видно изъ того, что они нашли себѣ соучастника въ тѣсномъ кругѣ ближайшихъ друзей Господа, въ числѣ дванадцати избранныхъ учениковъ Его. Для чего же были допущены Промысломъ Божиимъ всѣ эти хитрые происки, всѣ эти темныя козни и это страшное убійство Спасителя міра, въ защиту Котораго даже разбойникъ почелъ своимъ долгомъ сказать: *Сей же ни единого зла сотвори?*

Здѣсь обнаружена предъ всѣмъ міромъ рѣшительная борьба Искушителя съ княземъ тьмы (Іоан. 16, 11), добра со зломъ—и открыто Самимъ Богомъ послѣднее средство, употребляемое Имъ для вразумленія и обращенія людей отъ заблужденій къ истинѣ, именно—смерть самого Проповѣдника истины, правды и любви, пролітіе на глазахъ всѣхъ неповинной крови, какъ послѣднее свидѣтельство истины съ одной, и крайняго ожесточенія съ другой стороны. Когда понятія людей до крайности извращаются; когда, при растлѣніи

правовъ и сердце, при помраченіи умовъ, преобладають софизмы, полуистины, насмѣшливыя или злобныя отношенія къ невинности, правдѣ и добродѣтели; когда не оказывается возможнымъ привести людей путемъ знанія и размышленія къ единству истинныхъ воззрѣній и убѣжденій: Господь попускаетъ совершиться между ними преступленію,—убіенію Праведника, въ которомъ всѣ чувствуютъ себя виновниками, одни по небреженію, другіе по ожесточенію, и по совершеніи котораго всѣ говорятъ: „что мы сдѣлали“! Это значитъ, что Промыслъ Божій, помимо омраченныхъ и извращенныхъ умовъ человѣческихъ, производитъ громовой ударъ *въ ихъ совѣсти*, чтобы дать почувствовать, въ какую глубину зла завело ихъ легкомысліе, небреженіе къ познанію истины, преступная игра знаніями и убѣжденіями, попраніе законовъ вѣры и нравственности и чувственная жизнь.

Мы знаемъ, какая перемѣна произошла въ расположеніи умовъ человѣческихъ послѣ смерти Спасителя. Самъ Иуда бросилъ свои сребренники, сказавъ: „согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную“—и весь міръ понялъ, что убили его Спасителя, Богочеловѣка, и затѣмъ настало нравственное обновленіе человѣчества. Съ тѣхъ поръ всѣ кающіеся гнѣшники любятъ шагъ за шагомъ проходить крестный путь Спасителя и обливать этотъ путь слезами, любятъ лобызать спасительныя язвы и животворящій крестъ Его.

Какъ это естественно человѣческой совѣсти, какъ свойственно человѣческому сердцу плакать надъ неповиннымъ страдальцемъ,—это мы нынѣ и испытываемъ. Неотступно и всюду съ нами этотъ величественный образъ нашего прекраснаго, добраго, Великаго Царя, Повелителя милліоновъ, павшаго подъ страшнымъ ударомъ, съ раздробленными голеними и окровавленнымъ лицомъ. Намъ слышатся Его кроткія слова, сказанція по минованіи первой опасности: „гдѣ убійца?“—„Посмотрю моихъ раненыхъ“,—такъ близкія къ словамъ Спасителя: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творятъ*. Его, Властителя необъятнаго царства, мы представляемъ себѣ безъ верхней одежды, съ непокрытою головою, поднимаемаго вѣрными руками въ простыя сани, и намъ видится,

какъ онѣ наполняются Его кровью. „Холодно“, говоритъ Онъ: какъ это похоже на слово Спасителя: „жажду!“ Последнія слова изнемогающаго Государя: „домой, умереть“— что это, какъ не отзвукъ послѣдняго слова Христова: „совершишася?“

Мы не желаемъ врагамъ почившаго нашего Государя отчаянія и гибели. Иуды, хотя многіе изъ нихъ кончаютъ свои преступленія самоубійствомъ, но желаемъ, чтобъ и они, обличаемые совѣстію, сказали: *согрѣшихомъ, предавши кровь неповинную!* Намъ же слезы, проливаемые надъ гробомъ нашего Государя, да будутъ банею очищенія и обновленія (Тит. 3, 5). Благо народамъ, которые вразумляются и исцѣляются подобными дѣйствіями Божественнаго Промышленія. Видно, Господь ожидаетъ отъ народа нашего, Имъ избраннаго и возвеличеннаго, пониманія его призванія и попеченія о немъ Божія. Господь, по слову Св. Писанія, бьетъ всякаго сына, котораго принимаетъ“ (Евр. 12, 6). А Царю—Освободителю Его мученической подвижъ, сопровождаемый нашимъ исправленіемъ, да усвоитъ еще имя спасителя своего народа изъ тьмы современныхъ лжеученій и развращенія.

РѢЧЬ

по принесеніи вѣрноподданнической присяги

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

И СОВЕРШЕНИИ УСТАНОВЛЕННАГО МОЛЕБСТВІЯ ¹⁾).

Глава и первообразъ Помазанниковъ Божіихъ, Господь Иисусъ Христосъ, во время Своего торжественнаго служенія спасенію людей, неоднократно подвергался опасности смерти отъ своихъ враговъ: то хотѣли свергнуть Его съ горы, то взять чрезъ тайно подсланныхъ воиновъ, но Евангелисты замѣчали: *никтоже возложи наъ руку, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (Іоан. 7, 30).

Но вотъ въ саду Геосиманскомъ, послѣ крѣпкой молитвы, Онъ будить спящихъ учениковъ Своихъ и говоритъ: *приспѣ конецъ, прииде часъ... се предаѣи Мя приближися* (Мар. 14, 41, 42).

Пять разъ Государь нашъ Александръ Николаевичъ подвергался опасности смерти отъ руки враговъ, но Промыслъ Божій чудесно спасалъ Его, потому что еще не пришелъ часъ Его. Но вотъ когда мы успокоились на упованіи, что Онъ огражденъ отъ враговъ, что всѣ опасности миновали, — *приспѣ конецъ, прииде часъ*. Чувствовало ли Его сердце, что, возвращаясь во Дворецъ послѣ обычныхъ мирныхъ занятій по службѣ и посѣщенія родственнаго семейства, онъ встрѣтитъ

¹⁾ Произнесена въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 2-го марта 1881 года.

на пути своемъ убійць со смертоносными орудіями въ рукахъ, и что часъ Его пробилъ?...

Мы сокрушаемся, что Онъ не довольно берегъ Себя, что мы не довольно тщательно Его охраняли; но оставимъ безплодныя сожалѣнія о томъ, чего не сдѣлали и не могли сдѣлать человѣческія силы и предусмотрительность. Онъ самъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ чувствовалъ себя орудіемъ Промысла Божія; Онъ съ вѣрою и сознаніемъ проходилъ Свой крестный путь; Онъ ожидалъ и былъ готовъ пасть искупительною жертвой за спасеніе отечества. И вотъ драгоцѣнная жизнь принесена, неповинная кровь пролита, Государь,—одинъ изъ величайшихъ,—Освободитель миллионовъ людей своихъ и чужихъ, непримѣрный благодѣтель своего царства и человѣчества, палъ отъ рукъ убійць,—и по землѣ Русской проходитъ то чувство ужаса и страданія, съ которымъ, по словамъ Евангелиста, расходились нѣкогда съ Голговы зрители страданій и смерти нашего Спасителя: *и вси пришедшии народи на позоръ сей, видяще бывающая, бѣюще перси своя возвращахуся* (Лук. 23, 48).

Онъ уничтожилъ у насъ рабство, отмѣнилъ позорныя тѣлесныя наказанія, далъ свободу мысли, свободу слова, свободу самоуправления, свободу правосудія, свободу составленія обществъ для дѣлъ благотворенія и пользы отечества; Онъ открылъ Своему великому царству всѣ пути къ истинѣ, справедливости, добру, чести, величію и славѣ. Но Онъ зналъ, что по этимъ путямъ къ совершенству нельзя вести людей насильно, что къ каждому гражданину не можетъ быть приставленъ сторожъ и руководитель, что свободные люди должны умѣть пользоваться свободой и защищать ее. И съ какою невозмутимостію и долготерпѣніемъ, съ какою неистощимою благодію Онъ смотрѣлъ на проявленія нашей новой жизни по новымъ, дарованнымъ намъ началамъ! Только что не говорилъ Онъ лично каждому изъ насъ: „смотрите, свободные люди, сколько у васъ недостатковъ, какіе у васъ недуги, сколько у васъ враговъ внутреннихъ, незримыхъ, отъ которыхъ не можетъ защитить васъ никакая внѣшняя власть,—враговъ истины, порядка, вашихъ отечественныхъ преданій,

вашей національной силы, вашего преуспѣянія и счастья! Становитесь сами на свои ноги; сами о себѣ заботьтесь, ищите истины, правды, добродѣтели; будьте счастливы, какъ Я этого вамъ желаю; а Я готовъ умереть за васъ“. И вотъ Онъ умеръ, напоивъ родную землю Своею кровію. И эта за-вѣтная кровь во всѣ грядущіе вѣка будетъ говорить нашему отечеству, что величіе и счастье свободныхъ народовъ достигается самосознаніемъ, самозащитой, трудомъ, подвигомъ.

И какъ ясны на самой кончинѣ нашего возлюбленнаго Государя, знаменія особаго промышленія о Немъ Божіа! Душа Его взята отъ земли въ лучшія минуты человѣческой жизни, очищенная говнѣніемъ, покаяніемъ, приобщеніемъ Тѣла и Крови Христа Спасителя, въ тихомъ и мирномъ настроеніи сердца и совѣсти. Возблагодаримъ Господа, что имѣли такого Великаго Царя, Отца и Благодѣтеля, что получили отъ Него неоцѣненные дары для благоустроенія отечества, что видѣли въ Немъ примѣръ любви, полагающей душу за други своя. Утѣшимся мыслію, что, пріавъ кончину мученическую, сопровождаемый въ вѣчную жизнь молитвами облагодѣтельствованныхъ Имъ милліоновъ людей, Онъ станетъ предъ престоломъ Божіимъ, со Свв. Владиміромъ и Александромъ Невскимъ, ходатаемъ за землю Русскую, которюю возлюбилъ *даже до смерти*. Но да будетъ эта смерть чертою и гранію, отдѣляющею время нашихъ недоразумѣній, погрѣшностей и заблужденій отъ грядущаго времени нашего исправленія. Исторія нашего отечества отмѣчаетъ новую главу—новаго царствованія.

Мы дали присягу въ вѣрности нашему Благочестивѣйшему Государю Александру Александровичу, мы клялись именемъ Божіимъ служить Ему съ нелицемѣрною вѣрностію до пожертвованія за Него жизнию. Дадимъ еще обѣтъ надъ священной кровію почившаго Отца Его и нашего, за насъ пролитую,—всѣми силами и средствами содѣйствовать новому Государю нашему въ возстановленіи здравомыслія, порядка и мира въ нашемъ отечествѣ.

Ободримся. Почившій Государь оставилъ намъ Сына, унаслѣдовавшаго отъ Него и всего Своего рода высокія каче-

ства,—царственныя и человѣческія. Мы присягнули Императору зрѣлому возрастомъ, пріобывшему къ правленію, испытанному въ бояхъ, крѣпкому духомъ и характеромъ, знающему и любящему свой вѣрный, покорный и великій народъ. Будемъ молить Господа, да благословитъ Его и насъ на грядущіе труды и подвиги для чести и блага отечества.

РѢЧЬ

произнесенная

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОВОРѢ

по прочтении Высочайшаго манифеста, отъ 29 апрѣля 1881 г.

Со слезами на глазахъ мы выслушали обращенное ко всѣмъ намъ, вѣрноподаннымъ, доброе, сердечное и мощное слово Благочестивѣйшаго Государя нашего. Какъ обильный и прохладный дождь на жаждущую землю, падаетъ оно на удрученныя и изнуренныя скорбію сердца наши.

Это слово есть высокій даръ любви Царя Русскаго къ Его народу. Какъ родной отецъ съ дѣтьми говоритъ Онъ съ нами о Своихъ и нашихъ страданіяхъ, опасеніяхъ и заботахъ, сливая во едино въ Своемъ сердцѣ Свое и наше благо, спокойствіе и счастье. Это голосъ Сына, достойнаго Своего Родителя, Царя-Мученика.

Государь вѣритъ намъ. Онъ называетъ насъ „народомъ во всемъ свѣтѣ извѣстнымъ любовію и преданностію своимъ Государямъ“. Онъ вѣритъ, что „наши горячія молитвы привлекутъ благословеніе Божіе на Него и на предлежащій Ему трудъ правленія. „Усугубимъ же наши о Немъ молитвы; дадимъ Ему доказательства вѣрности и любви нашей прежде всего ревностію „къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую“.

Государь ободряетъ насъ. „Да ободрятся, говоритъ Онъ, пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ

подданных“. Онъ Самъ становится, по Божію велѣнію, бодро на дѣло правленія, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти. Онъ призываетъ насъ подъ сѣнь ея, чтобы мы могли въ неразрывномъ союзѣ съ нею, по примѣру предковъ нашихъ, пережить современныя смуты и испытанія и вывести наше отечество въ новую силу и славу. О, да скажетъ Ему собственное Его сердце, съ какою радостью мы отвѣтствуемъ на Его призывъ; съ какою несокрушимою силою убѣжденія въ истинѣ самодержавія мы готовы всегда стоять подъ сѣнію Его власти и вмѣстѣ съ Нимъ охранять эту священную власть отъ всякихъ на нее „поползновеній“. Мы съ горестію смотрѣли на эти поползновенія. Мы видѣли, какъ легкомысленные послѣдователи новыхъ ученій, развивая предъ нами чуждыя нашей исторіи системы управленія, какъ буйныя дѣти въ чужомъ саду, въ потьмахъ, подсаживая другъ друга, лѣзли на многовѣтвистое древо нашей общественной и государственной жизни, и протягивали дерзкія руки къ плодамъ вѣками укорененной и Богомъ покровительствуемой власти. Но вотъ раздался мощный голосъ Хозяина земли Русской,— и намъ предстоитъ радость наблюденія какъ эти дѣти вѣка исчезнуть изъ среды нашей. Отнынѣ всѣмъ подобнымъ покушеніямъ дано самую Верховною Властью точное опредѣленіе и всѣмъ понятное названіе, которымъ всѣ мы можемъ пользоваться, отвѣчая на всякія ложно-свободныя рѣчи: „Это поползновенія на власть самодержавную“.

Государь ограждаетъ ото всякихъ недоразумѣній и ложныхъ сужденій дарованныя въ Бозѣ почившимъ Родителемъ Его нашему Отечеству учрежденія, которыми Онъ „всѣхъ безъ различія сдѣлалъ навсегда свободными и призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь призываетъ всѣхъ насъ на труды къ утверженію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, истребленію неправды и хищенія, водворенію порядка и правды въ дѣйствіи самыхъ учрежденій Россіи, дарованныхъ въ Бозѣ почившимъ Его Родителемъ. Ясно, что за нашими дѣйствіями въ предѣлахъ дарованныхъ намъ правъ будетъ бдительно смотрѣть Его не-

дремлющее око, и направлять их будетъ Его единая, нераздѣльная, неприкосновенная, самодержавная власть.

Заключимъ молитвою Псалмопѣвца: Господь, крѣпость народа Своего и спасительная защита Помазанника Своего! Спаси народъ твой и благослови наслѣдіе Твое; паси ихъ и возвышай ихъ во вѣки! (Пс. 27, 8. 9).

РѢЧЬ

при торжественномъ открытіи

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ ¹⁾).

Мы испрашиваемъ въ молитвѣ Божіа благословенія на наше новое Общество. Чтобъ имѣть надежду получить Божіе благословеніе на какое-либо дѣло, какъ залогъ несомнѣннаго его успѣха, для этого надобно имѣть убѣжденіе, что дѣло наше честно, согласно съ волею Божіею и служить къ славѣ Божіей и пользѣ человѣчества. Всѣ эти качества несомнѣнно имѣютъ за собою церковное пѣніе, и слѣдовательно, оно можетъ быть достойнымъ предметомъ и нашей любви, и нашихъ занятій; а если мы будемъ понимать его и упражняться въ немъ какъ должно, то можемъ надѣяться и благословенія Божія на труды наши.

Церковное пѣніе—небеснаго происхожденія. Пророкъ Исаія „видѣлъ Господа сѣдящаго на Престолѣ высокомъ и превознесенномъ. Его окружали шестокрылые Серафимы и зывали другъ къ другу и говорили: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ! Полна вся земля славы Его“ (Ис. 6, 2. 3). Серафимы—бестѣлесные, чистые духи; въ ихъ царствѣ нѣтъ звуковъ подобныхъ нашимъ, и хотя содержаніе ихъ пѣснопѣнія переведено было Пророку на языкъ человѣческій, но въ чемъ собственно состояло ихъ зываніе, или пѣніе, мы не можемъ себѣ представить, какъ и Апостолъ Павелъ говорить, что въ

¹⁾ Произнесена на литургіи въ Церкви Дванадцати Апостоловъ въ Кремль, 26 апрѣля 1881 года.

томъ же царствѣ чистыхъ духовъ онъ „слышалъ неизреченные глаголы, которыхъ человѣку нельзя пересказать“ (2 Кор. 12, 4). Но они зывали другъ къ другу: слѣдовательно, передавали другъ другу свои ощущенія и, возбуждая другъ друга къ славословію величія Божія, взаимнымъ соучастіемъ умножали свою внутреннюю радость и блаженство. Но не зная серафимскаго пѣнія, мы знаемъ серафимскія ощущенія гармоніи духа, благодатнаго мира и радости о Господѣ при созерцаніи величія Божія, и учимся въ самыя великія минуты нашего богослуженія славословить Господа ихъ же словами: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ!“

Но вотъ другой опытъ небснаго пѣнія въ иномъ родѣ. Къ Ангелу, возвѣстившему Виелеемскимъ пастырямъ радость рожденія Спасителя міра, слетаетъ на землю многочисленное воинство небсное, славить Бога и зываетъ стройнымъ хоромъ и уже земными звуками и голосами человѣческими: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“ (Лук. 2, 13. 14), что поемъ и мы часто, по примѣру Ангеловъ.

Замѣтимъ, что какъ Серафимы на небесахъ, такъ и Ангелы на землѣ славословятъ Бога за благодѣянія, являемыя Имъ у насъ, въ нашемъ земномъ мірѣ: „Полна вся земля славы Его“, восклицаютъ они,—„на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Итакъ, они учатъ насъ созерцать славу Божию, возвышаться умомъ и сердцемъ къ чистымъ духовнымъ утѣшеніямъ, долженствующимъ составить для насъ со временемъ въ мірѣ чистыхъ духовъ источникъ вѣчнаго блаженства. Совершенства Божія, явленныя намъ въ природѣ, благодѣянія Божіи дарованныя въ искупленіи—вотъ предметы, доступные на землѣ для нашего созерцанія. Не постигая гармоніи небсной, возбуждающей Ангеловъ къ созерцанію, мы понимаемъ Богомъ устроенные законы гармоніи земной въ природѣ и въ искусствахъ намъ доступныхъ: гармоніи линий и пропорцій—въ архитектурѣ, гармоніи формъ и цвѣтовъ—въ живописи, гармоніи звуковъ—въ музыкѣ и пѣніи. Всѣми этими средствами для возвышенія нашего духа пользуется Церковь Божія, руководимая небсными откровеніями.

Наше дѣло держаться въ пользованіи искусствами на той высотѣ, которая Богомъ и Его Церковію намъ указана.

Мы знаемъ по опытамъ, что внутреннія движенія счастья и радости человѣкъ любитъ самъ выражать во внѣшнихъ гармоническихъ произведеніяхъ и что, наоборотъ, со стороны ощущаемая гармонія также производитъ на насъ пріятныя, услаждающія душу впечатлѣнія. Но созданіе искусства только тогда производитъ полное впечатлѣніе на созерцающаго, питаетъ и возвышаетъ его душу, когда при внѣшней гармоніи формъ даетъ понятъ и внутреннее его содержаніе; въ противномъ случаѣ оно производитъ въ душѣ хотя и возбужденное, но смутное настроеніе. Поэтому музыка инструментальная, не обладающая средствами выраженія мысли, производя въ духѣ нашемъ пріятныя ощущенія, оставляетъ ихъ неопредѣленными, безпредметными, и путемъ наслажденій не возводитъ насъ къ совершенству, потому что не оставляетъ въ нашемъ сознаніи яснаго представленія объ искомымъ нами состояніяхъ счастья и блаженства; оттого она и не принята въ богослуженіе нашею Православною Церковію. То же происходитъ въ насъ и при наслажденіи пѣніемъ, когда слишкомъ изысканное его построеніе застилаетъ отъ насъ содержаніе пѣснопѣній и оставляетъ насъ подъ вліяніемъ тѣхъ же неопредѣленныхъ впечатлѣній. Поэтому Серафимы обращаются другъ къ другу и поютъ ясными голосами: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ“, поэтому и Ангелы, обращаясь къ пастырямъ, даютъ понятъ имъ, за какое великое благодѣяніе, оказанное людямъ, славятъ они Бога: „На ‘землѣ’ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“; поэтому и учредители Церкви, Пророки и Апостолы, требуютъ отъ поющихъ прежде всего пониманія содержанія возносимыхъ къ Богу пѣснопѣній. Псалмопѣвецъ говоритъ: „пойте Богу нашему; Богъ Царь всей земли, пойте всѣ разумно“ (Пс. 46, 7. 8). Апостоль Павелъ пѣніе безъ пониманія его содержанія сравниваетъ съ молитвой на незнакомомъ языкѣ и даетъ понятъ, что подобныя упражненія могутъ дать участвующему въ нихъ общее со всѣми возбужденное настроеніе духа, но безсодержательное, при которомъ, по его выраженію, „умъ остается безъ плода“.

Поэтому, говорить онъ: „стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ“ (1 Кор. 14, 14. 15). Именно такими пѣснопѣніями, какихъ требуетъ Апостоль, т. е. при изящной музыкальной мелодіи сохраняющими ясность и понятность содержанія, богата наша Православная Церковь. И вотъ первая цѣль нашего новаго Общества—достойнымъ исполненіемъ этихъ пѣснопѣній доставлять своимъ членамъ истинно-духовное, назидательное утѣшеніе и наслажденіе.

Мы не привыкли соединять въ одно понятіе слова: наслажденіе и назидательность. Но въ смыслѣ духовномъ они легко соединяются. Подъ словомъ *воспою и умомъ* Ап. Павелъ именно разумѣетъ окрыляемое пѣніемъ созерцаніе пути, ведущаго къ совершенству и блаженству. Въ церковномъ пѣніи высшій интересъ—отдать свою душу подъ впечатлѣнія благодатнаго содержанія пѣснопѣній, удобнѣе приемлемыхъ съ помощію размягчающихъ наше сердце музыкальныхъ мелодій. Возвыситься къ созерцанію Бога, Его совершенствъ и благодѣяній, проникнуться воспоминаніями великихъ событій изъ исторіи вѣры, одушевиться примѣрами Святыхъ, Церковію прославляемыхъ, почувствовать очищеніе помысловъ и облегченіе сердца въ отдѣленіи отъ мірской суеты, или услажденіе высшею духовною жизнію, это значитъ, по выраженію Апостола, имѣть *плодъ духовный*, т. е. нѣкоторое возрастаніе въ духѣ, достигаемое посредствомъ духовнаго опыта. Мы очень будемъ счастливы, если подобные опыты послужатъ хотя для немногихъ въ воскресные и праздничные дни средствами отвлеченія и охраненія ихъ отъ чувственныхъ удовольствій и нравственно расслабляющихъ наслажденій, такъ овладѣвшихъ нами въ послѣднее время.

Намъ скажутъ, что это дѣлается въ храмахъ именно въ праздничные дни; но, во-первыхъ, по Заповѣди Божіей отъ насъ требуются не посѣщеніе только богослуженія въ праздники, но и соотвѣтствующія имъ домашнія упражненія. А какое упражненіе, послѣ поученія въ словѣ Божіемъ, болѣе церковнаго пѣнія соотвѣтствуетъ значенію дней праздничныхъ? Во-вторыхъ, къ великому сожалѣнію, многіе не успѣ-

вають понять въ храмахъ смысла церковныхъ пѣснопѣній, многіе не посѣщаютъ всенощныхъ бдѣній на праздники и будничныхъ богослуженій, на примѣръ, въ Великій Постъ, и поэтому вовсе не слышатъ многихъ прекраснѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній; эти недостатки могутъ быть хотя отчасти восполняемы нашими хоровыми исполненіями. Наконецъ, всюду слышны жалобы, что пѣніе въ нашихъ Церквахъ такъ неудовлетворительно, что, поэтому, трудно выдержать наше продолжительное богослуженіе. На этихъ жалобахъ слѣдуетъ остановиться. Кто долженъ, по нашимъ понятіямъ, пѣть для насъ въ храмахъ и удовлетворять нашимъ музыкальнымъ вкусамъ? Немногочисленные клирики, или же не на нашъ счетъ нанимаемые пѣвцы? А что же мы сами, особенно когда имѣемъ для этого нужные таланты? Зачѣмъ мы утратили добрый обычай нашихъ предковъ пѣть во храмахъ вмѣстѣ съ церковнымъ клиромъ? зачѣмъ мы потеряли и самую память о древнемъ обычаѣ пѣть всею Церковію? Отчего мы не стыдимся отдавать свои голоса на служеніе театральнымъ зрѣлищамъ, а стыдимся, или лѣнимся посвятить ихъ во славу Божію на служеніе Церкви? Пора намъ понять, что упадокъ церковнаго благолѣпія есть одно изъ свидѣтельствъ нашего собственнаго нравственнаго упадка. Улучшенію нашего церковнаго пѣнія во храмахъ, между прочимъ, и желаетъ отъ всего сердца помочь наше новое Общество, предлагая свои услуги для обученія желающихъ церковному пѣнію и для упражненія въ немъ. Если изъ членовъ Общества появятся пѣвцы по приходскимъ Церквамъ,—это будетъ исполненіе одного изъ лучшихъ его желаній.

Наконецъ, у насъ нынѣ замѣчается и еще великій недостатокъ въ умѣнніи пѣть въ удобное время лично для себя, для своего утѣшенія, или для утѣшенія своего семейства. Апостоль Іаковъ говоритъ: „Весель ли кто изъ васъ, пусть поетъ псалмы“ (Іак. 5, 13). А намъ и пѣть нечего, въ смыслѣ духовномъ, ни въ радости, ни въ печали; большая часть изъ насъ не знаетъ ни одного псалма, ни употребительныхъ для псалмовъ напѣвовъ, въ чемъ далеко превосходятъ насъ многіе христіане иныхъ исповѣданій. Апостоль Павелъ совѣту-

еть: „Научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, во благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу“ (Кол. 3, 16). А мы большею частію не знаемъ какъ и взяться за исполненіе этого наставленія. Между тѣмъ еще не такъ давно, на нашей памяти, въ семействахъ и въ кружкахъ знакомыхъ было въ употребленіи въ свободное время духовное пѣніе. Какъ всѣ эти прекрасные обычаи у насъ быстро исчезаютъ! И между тѣмъ какъ желательно бы нашему Обществу, да я полагаю и всѣмъ добрымъ христіанамъ, содѣйствовать ихъ возстановленію! Духовное пѣніе въ семействахъ,—какое это было бы могущественное и вѣрное средство для воспитанія въ дѣтяхъ чувства благочестія! Мы видимъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно женскихъ, съ какимъ усердіемъ и одушевленіемъ поютъ церковныя пѣснопѣнія неиспорченныя дѣти. Смотри на нихъ поющихъ и въ семействахъ, родители, конечно, отъ всего сердца пожелали бы, чтобы Господь сохранилъ ихъ отъ пороковъ вѣка, и чтобъ они со временемъ были причислены къ лику небесныхъ пѣвцовъ, которые, обращаясь другъ къ другу, неустанно восклицаютъ: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ!“

Вотъ цѣли и желаніе нашего новаго Общества! Примемся съ усердіемъ за предстоящее намъ дѣло. Усердіе чистое и искреннее, и притомъ къ такому христіанскому дѣлу, надѣмся, привлечетъ къ намъ сочувствіе нашей Православной Москвы, многолюдной и богатой всѣми талантами и средствами, и при помощи Божіей мы не останемся безъ успѣха.

Р Ѣ Ч Ъ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ

Г Е Н Е Р А Л Ъ - А Д Ъ Ю Т А Н Т А

М. Д. С К О Б Е Л Е В А,

28 юня 1882 года.

Много возникаетъ въ умѣ вопросовъ и недоумѣній по поводу преждевременной и неожиданной кончины нашего знаменитаго героя, Михаила Дмитріевича Скобелева. Не былъ ли онъ еще такъ молодъ и полонъ силъ? Не были ли такъ нужны для отечества его дарованія? Не покоилось ли на немъ такъ много нашихъ надеждъ, не сопутствовали ли ему всюду наши благожеланія? Не былъ ли онъ видимо хранимъ Провидѣніемъ для будущаго, оставаясь невредимымъ среди тысячи опасностей и смертей? Зачѣмъ же и почему же все это такъ внезапно пало и рушилось?

Но, при возникновеніи подобныхъ вопросовъ, на уста всѣхъ благоговѣющихъ предъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Провидѣнія налагаетъ печать молчанія извѣстная притча Христа Спасителя: „вы знаете, говоритъ Господь, что если бы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ придетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой. Будьте же и вы готовы; ибо въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ Человѣческій“ (Лук. 12, 39. 40).

И вотъ домъ подкопанъ,—драгоцѣнная жизнь похищена. Великая утрата такъ внезапна, нравственное потрясеніе такъ сильно, что не знаешь, что сказать, при всемъ желаніи по-

читать благодарнымъ словомъ дорогую память почившаго. Какъ изъ глазъ матери, склонившейся надъ гробомъ юнаго сына, вперившей взоръ въ его милыя черты и отыскивающей въ потускнѣвшемъ лицѣ прежнихъ выраженій жизни, красоты, любви, незамѣтно для нея самой ручьями текутъ слезы, застилая и закрывая предъ нею туманомъ самый предметъ ея печальнаго созерцанія: такъ каждый изъ насъ теперь, предъ безжизненными останками нашего народнаго любимца, напрасно сталъ бы усиливаться возстановить для себя и другихъ въ цѣлости и полнотѣ его мужественный, свѣтлый, вдохновляющій, нравственный обликъ, какой при его жизни съ его именемъ возникалъ всегда въ нашемъ воображеніи. Все застилаютъ неудержимыя слезы: горько, жалко; отечество хоронитъ милаго сына; всѣ мы оплакиваемъ близкаго, роднаго по духу человѣка. Плачь о немъ русское воинство: онъ былъ твоею честью и украшеніемъ; плачьте крестьяне и крестьянки: онъ былъ отцомъ дѣтей вашихъ, этихъ дивныхъ нашихъ рядовыхъ воиновъ, съ которыми по-братски онъ дѣлилъ труды и лишенія; плачь Русскій народъ: въ немъ бился пульсъ твоей жизни, онъ былъ чуткимъ истолкователемъ твоего призванія, носителемъ твоихъ идеаловъ, ревнителемъ твоей чести и славы.

Предоставимъ времени раскрыть событія жизни, особенности талантовъ, тайны военныхъ успѣховъ, черты личной доблести и характера, убѣжденія, думы и помыслы этого замѣчательнаго русскаго человѣка, такъ рано похищеннаго смертію. Въ этомъ не оставяя, конечно, удовлетворить нашимъ справедливымъ желаніямъ безпристрастные и опытные цѣнители военныхъ дарованій и успѣховъ, боевые товарищи почившаго и друзья его, предъ которыми онъ открывалъ свою душу и ея завѣтныя стремленія. Но намъ желательно бы познать тайну той рѣдкой общеизвѣстности и той любви народной, которыя въ такіе молодые годы жизни успѣлъ пріобрѣсть почившій и которыя составляютъ высшую награду и утѣшеніе для всякаго общественнаго дѣятеля.

Намъ кажется, что тайна эта заключалась, главнымъ образомъ, не въ талантахъ его и побѣдахъ, не въ личныхъ

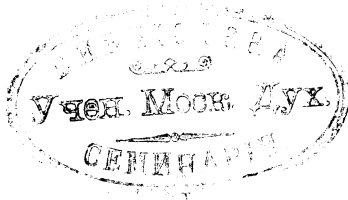
свойствахъ его характера, а въ его полной, всецѣлой, безграничной любви къ отечеству и къ Государю, которыхъ никогда не раздѣляетъ въ своемъ сознаніи истинно русскій человѣкъ. У него не было другой любви и привязанности, кромѣ любви къ отечеству; не было личныхъ интересовъ: его занимали только нужды отечества. О немъ онъ думалъ непрестанно; съ мыслию о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ. У него не было другихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о предстоящей отечеству будущности, объ угрожающихъ ему опасностяхъ и о способахъ предупрежденія ихъ. Онъ любилъ отечество съ *ревностью*; его оскорбляло все, что казалось ему въ сужденіяхъ другихъ непониманіемъ истиннаго блага отечества, или холодностью и равнодушіемъ къ судьбѣ его. Любовь къ отечеству была пламенемъ въ его сердцѣ, пожирившимъ его самого. Она была источникомъ и той беззавтѣной храбрости и безтрепетнаго мужества предъ лицомъ смерти, которыя сдѣлали его въ памяти народа героемъ легендарнымъ. Онъ вездѣ носилъ жизнь на своихъ рукахъ какъ готовую жертву, ожидая случая съ радостью и благоговѣніемъ возложить ее на алтарь любви къ отечеству. Любовь къ отечеству дѣлала его неутомимымъ въ трудахъ, нечувствительнымъ къ лишениямъ, неудержимымъ въ рѣчахъ. Ни въ пылу битвъ, ни въ борьбѣ партій, ни въ раздраженіи враговъ, онъ не видѣлъ, не признавалъ опасностей: онъ несся выше всего въ своемъ неудержимомъ стремленіи жить, дѣйствовать, жертвовать для блага, величія и славы отечества.

Но любовь къ отечеству есть сила живая, свѣтящая, согревающая. Она сообщаетъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ чистоту и возвышенность, словамъ искренность и правду, мыслямъ опредѣленность, намѣреніямъ крѣпость, отдаленнымъ планамъ и предположеніямъ близость и удобоисполнимость,— и на все кладетъ печать одной ей свойственной красоты и привлекательности. И народъ—не предубѣжденный, прямодушный,—сердцемъ понимаетъ эти возвышенныя качества дѣлъ изъ любви къ нему исходящихъ, и по чувству взаимности влечется къ человѣку, объемлющему его своею любовію. И самъ этотъ человѣкъ становится для него олицетвореніемъ

любви и совершенства и врѣзывается навсегда въ его воображеніи, увѣковѣчивается въ его памяти, и имя его переходитъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ.

Этого великаго счастья достигъ Михайлъ Дмитріевичъ въ немногіе годы своей непродолжительной жизни. Мы видѣли, какія массы народа наполняли улицу предъ домомъ, гдѣ лежало тѣло его въ первое время послѣ его смерти; на всѣхъ лицахъ были написаны скорбь и отчаяніе; народъ, казалось, хотѣлъ бы вырвать его изъ самыхъ челюстей смерти. Это—любовь за любовь. Но не забудьте, что это любовь народа христіанскаго, Православнаго. На слѣдующее утро мы видимъ иное ея проявленіе: ко всѣмъ алтарямъ Московскихъ Церквей принесены предъ литургіей во множествѣ просфоры и поминовенія: „о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Михаила“. И это пойдетъ изъ рода въ родъ. Что можетъ быть прекраснѣе и утѣшительнѣе этого выраженія любви народной?

Да будетъ, Господи, эта народная молитва очистительною жертвой за грѣхи почившаго! Ради любви его къ нашему Православному отечеству, ради любви къ нему народа Твоего, ради слезъ нашихъ и сердечной молитвы нашей о немъ, паче же ради Твоей безконечной любви, благоволительно приѣмлющей чистую любовь человѣческую во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ,—буди къ нему милостивъ на судѣ Твоемъ праведномъ!

РѢЧЬ

ПРИ ЗАКРЫТИИ

ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ,

1 октября 1882 года.

Мы принесли благодареніе Господу за благополучное окончаніе великаго труда по Всероссийской Промышленно-Художественной Выставкѣ и за дарованіе ей добраго успѣха. Утѣшены трудившіеся въ произведеніяхъ искусства общимъ къ нимъ вниманіемъ, утѣшенъ нашъ народъ широкимъ развитіемъ такой важной отрасли нашей народной жизни; а что особенно насъ радуетъ—утѣшенъ нашъ Благочестивѣйшій Государь, такимъ блистательнымъ явленіемъ предъ цѣлымъ свѣтомъ одной изъ многихъ сторонъ величія и славы Его великаго царства. Остается молить Господа о дальнѣйшемъ преуспѣяніи показанныхъ намъ здѣсь всѣхъ разнообразныхъ отраслей промышленности и искусства.

Но и мы сами должны обезпечивать зависящими отъ насъ средствами это преуспѣяніе. Промышленность и искусства—это цвѣты на великомъ древѣ народной жизни; а цвѣты пышно распускаются только тамъ, гдѣ здоровы вѣтки и корни. Эти вѣтви и корни суть духовныя силы и свойства народовъ. Да не оскудѣваетъ у насъ вѣра въ Бога и Его святое промышленіе, да укрѣпляется уваженіе и благоговѣйный страхъ къ законамъ божественнымъ и государственнымъ, да не ослабѣваемъ въ подвигахъ и трудахъ нравственныхъ и патріоти-

ческихъ, да укрѣпляется между нами единомысліе и единодушіе по всѣмъ вопросамъ и предпріятіямъ общественной жизни, да процвѣтаетъ доброе и благонадежное воспитаніе молодыхъ поколѣній, да не возобладаетъ надъ духомъ нашимъ и его жизнию чувственность и плотскія страсти, такъ легко развивающіяся на почвѣ промышленности и искусства, какъ сорныя травы на тучной нивѣ! При этихъ только условіяхъ все относящееся къ благоустроенію и украшенію нашей внѣшней народной жизни будетъ и благоуспѣшно, и благонадежно, и истинно прекрасно.

Миръ вамъ и Божіе благословеніе!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ОБЪДЪ

ДАННЫЙ ВЪ МОСКВѢ

ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АМВРОСІЮ,

10 ОКТЯБРЯ 1882 ГОДА ¹⁾.

Въ воскресенье, 10 октября, былъ данъ отъѣзжающему архипастырю прощальный обѣдъ. Прекрасная была мысль устроить эту трапезу въ домѣ Маріинскаго Приюта, созданнаго московскою благотворительностію при руководительномъ участіи преосвященнаго Амвросія,—приюта, гдѣ призрѣваются бѣдныя дѣти сосланныхъ преступниковъ, сироты изъ сиротъ. Къ изящному зданію этого благотворительнаго заведенія, скромно спрятавшемуся въ одномъ изъ захолустьевъ Москвы, близъ Прѣсни, около четырехъ часовъ стали съѣзжаться участники пиршества. Распорядители, именитыя лица московскаго купечества, С. Д. Ширяевъ, В. Д. Аксеновъ, С. И. Протопоповъ, А. Н. Дьячковъ, встрѣчая пріѣзжавшихъ, направляли всѣхъ въ домовую Церковь заведенія, гдѣ преосвященный Амвросій; только что возвратившійся съ преосвященнымъ Алексіемъ и съ архіепископомъ Фаворскимъ Никодимомъ съ крестнаго хода, былъ какъ бы хозяиномъ, принимавшимъ гостей. Прекрасная, въ художественной простотѣ своей, Церковь скоро наполнилась. Умилительное зрѣлище представляли выстроенныя въ рядъ ея воспитанники, мальчики и дѣвочки, прибыль князь В. А. Долгоруковъ, вслѣдъ за нимъ К. П. Побѣ-

¹⁾ Изъ № 283 Моск. Вѣдомостей 1882 года.

доносцевъ, наконецъ владыка-митрополить. Раздался хоръ воспитанниковъ, растворились царскія двери. Помолившись предъ престоломъ владыка благословиль собравшихся, и все общество отправилось въ залу трапезы.

Среди обѣда, Князь В. А. Долгоруковъ, вставъ, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы, покрытый восторженными, долго неумолкавшими кликами.

Затѣмъ, слѣдовали, принятыя съ большимъ одушевленіемъ, тосты за высокопреосвященнаго Іоанникія, за Князя В. А. Долгорукова, за К. П. Побѣдосцева. Наконецъ Владиміръ Андреевичъ, поднявъ тостъ за преосвященнаго Амвросія, сказалъ слѣдующее:

„Ваше преосвященство! Призванные всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ Государя Императора на самостоятельную кафедру, вы оставляете многочисленныхъ почитателей, которые навсегда сохранять о васъ самыя теплыя и благодарныя воспоминанія какъ о добромъ пастырѣ и краснорѣчивомъ наставникѣ.

„Для меня лично ваше отбытіе изъ Москвы составляетъ прискорбную утрату. Вы такъ долго были моимъ духовнымъ отцомъ, и въ вашемъ расположеніи, въ вашемъ пастырскомъ словѣ, я привыкъ обрѣтать духовную пищу истиннаго христіанина и нравственную помощь на чредѣ служенія моему Государю и Отечеству.

„Провожая васъ напутственными благожеланіями, я уповаю, что и на новой кафедрѣ ваше преосвященство не забудете въ своемъ сердцѣ и въ своихъ молитвахъ вашего духовнаго и преданнаго сына“.

Слова эти сопровождались горячими и единодушными изъявленіями сочувствія присутствовавшихъ.

Преосвященный Амвросій отвѣчалъ:

„Это сердечное прощальное слово вашего сіятельства, такъ открыто высказанное, доставляетъ мнѣ великое утѣшеніе. Оно есть итогъ семнадцатилѣтнихъ отношеній моихъ къ вамъ, которыя вы удостоили сдѣлать столь близкими. Когда я былъ еще мало извѣстнымъ приходскимъ священникомъ, вы, при

вашемъ высокомъ положеніи, своимъ христіанскимъ смиреніемъ сумѣли внушить мнѣ такую бодрость и смѣлость, что я въ свободныхъ рѣчахъ моихъ къ вамъ забывалъ, что имѣю дѣло не съ простымъ и бѣднымъ сыномъ духовнымъ, изъ какихъ въ большинствѣ состоялъ мой приходъ. Вашъ домъ былъ мнѣ открытъ, какъ и сердце ваше. Я входилъ въ него не со стѣсненіемъ и робостію, имѣя въ виду исполнить только долгъ урочнаго посѣщенія высокому лицу, а съ радостію, чтобъ у васъ за вашею трапезой отдохнуть душой и освѣжиться умомъ въ этихъ незабвенныхъ бесѣдахъ и живыхъ преніяхъ о предметахъ вѣры, которыя вы такъ любили въ кругу близкихъ къ вамъ людей. Ужъ если вы официальные отношенія ваши къ жителямъ управляемой вами столицы сумѣли сдѣлать столь добрыми и любовными, что овладѣли сердца́ми всѣхъ, то по одному этому можно судить, каковы вы въ вашихъ интимныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я имѣлъ честь быть принятымъ. Любить васъ и заботиться о васъ было моею отрадой, молиться о васъ—долгомъ моего сердца и моимъ утѣшеніемъ. При разставаньи съ Москвою разлука съ вами составляетъ для меня одно изъ самыхъ тяжелыхъ сердечныхъ ощущеній. Да хранить васъ Господь! Живите долго и счастливо на благо и утѣшеніе Москвы, которая васъ любить родственною сыновнею любовію!“

Когда умолкли клики, покрывшіе эту рѣчь, преосвященный Амвросій всталъ снова и сказалъ слѣдующее:

„Этою прощальной трапезой вы, м.м. г.г., конечно, желали по любви своей облегчить для меня разставанье съ Москвою, гдѣ я служилъ тридцать три года и провелъ лучшую и большую часть моей жизни. Дѣйствительно, это разставанье не легко, но вѣрно и то, что оно облегчается сочувствіемъ провожающихъ и надеждой сохранить навсегда съ Москвою связь умственную и нравственную.“

„Москва—чудный городъ. Изъ нея нельзя русскому человеку выѣхать и потомъ прекратить внутреннее общеніе и сердечную связь съ нею. Сложившись въ Москвѣ въ извѣстный типъ москвича, уѣзжайте вы на самую отдаленную окраину Россіи, вы все будете прислушиваться какъ движется

и бьется русская жизнь въ Москвѣ, и всякое болѣе или менѣе ясное выраженіе этой жизни будетъ находить отзвукъ въ вашемъ сердцѣ; вы всегда будете про себя говорить: да, это по нашему, по-московски, по-русски.

„Москву зовутъ сердцемъ Россіи, столицей Православія. Эти выраженія вѣрны, но они—образныя, сравнительныя и желательно выяснитъ и пополнитъ точныя и скрывающіяся подъ ними мысли. Дѣйствительно, мы видимъ, что ученые русскіе мыслители разсуждаютъ, пишутъ и спорятъ о вопросахъ религіи и внутренней и вѣшной политики, но независимо отъ нихъ умственная и нравственная жизнь народа, какъ кровь, переливается и движется отъ Москвы къ окраинамъ Россіи и отъ нихъ къ ней, какъ къ сердцу. Москва постоянно ведетъ торговыя и другія сношенія со всѣми городами Россіи отъ большого до малаго. Изъ нея къ нимъ и изъ нихъ къ ней притекаютъ массы даровитыхъ русскихъ людей—простыхъ, не знающихъ научнаго образованія, и образованныхъ, и притомъ не утратившихъ русской личности. И они всѣ думаютъ, судятъ, говорятъ, слагаютъ свое собственное общественное мнѣніе, и пока мы собираемся путемъ газетъ распространить по Россіи свои взгляды, мнѣніе народа по извѣстному вопросу (разумѣется для него близкому) уже сложилось и его не сломитъ никакая журнальная полемика. Эти два движенія русской мысли—новое письменное и древнее жизненное, похожи на два извѣстныхъ морскія теченія—верхнее и нижнее. Наша письменность, журналистика, течение верхнее, зависящее отъ времени года и воздушныхъ перемѣнъ, а движеніе жизни народной, направляемое изъ Москвы—теченіе нижнее, глубокое, постоянное и однородное. Къ нему всегда и прислушиваются мыслящіе истинно-русскіе люди и писатели, что и дѣлаетъ подобныхъ мыслителей популярными, отчего и принимаетъ народъ ихъ сужденіе съ восторгомъ, какъ угаданную и формулированную его собственную мысль.

„Народъ русскій—великій народъ. Мы знаемъ его глубокую вѣру и покорность Промыслу Божію, его доброту, благодущіе и способность къ величайшему воодушевленію, напряженію и самоотверженію подъ вліяніемъ событій, затроги-

вающихъ его вѣру и любовь къ Царю и Отечеству. Эти качества нашего народа безспорныя, они признаются всѣми, но также безспорно и доказано исторіей и то, что они находили всегда свое полнѣйшее выраженіе въ Москвѣ. Но признавая это, мы не должны забывать, что эти качества: любовь, героизмъ, самоотверженіе принадлежатъ человѣческому сердцу, но, чтобы въ ихъ обнаруженіяхъ соблюдены были мѣра и порядокъ, они должны быть руководимы и направляемы умомъ. Слѣдовательно, если эти свойства русскаго народа находятъ свое полнѣйшее и лучшее выраженіе въ Москвѣ, то они въ Москвѣ же и направляются русскимъ умомъ. И вотъ гдѣ, по моему мнѣнію, тайна великаго значенія Москвы: *она есть по преимуществу столица русскаго разума.*

„Позвольте мнѣ объяснить эту мысль съ нѣкоторою подробностію. Умъ или разумъ человѣческой есть сила души весьма обширная, многосторонняя и въ своихъ проявленіяхъ чрезвычайно разнообразная. Умы не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ имѣютъ свои особыя свойства, свой складъ и свои преобладающіе приемы въ возрѣніяхъ, мысленіи и въ способахъ рѣшенія вопросовъ. Русскій умъ, которымъ наши предки жили тысячу лѣтъ до европейской науки,—и большинство нашего народа живетъ доселѣ,—своеобразный и достойный изученія психологовъ. Онъ способенъ къ постиженію самыхъ высшихъ идей и глубокихъ мыслей, къ быстрому соображенію и точному опредѣленію понятій, но онъ не терпитъ отвлеченныхъ, сложныхъ, систематическихъ построеній, имѣющихъ притязаніе подчинить себѣ цѣлую область свободныхъ явленій жизни. Онъ называетъ ихъ „мутною водой“, гдѣ легко попадаетъ въ сѣти рыба, лишенная возможности далеко и ясно видѣть. Обезпеченный въ вѣрности рѣшенія высшихъ вопросовъ жизни и безъ философіи, вѣчно вѣрнымъ и неизмѣннымъ ученіемъ Православной Церкви, русскій умъ легко и свободно движется отъ началъ къ выводамъ и отъ причинъ къ послѣдствіямъ, съ постояннымъ требованіемъ приложенія отвлеченной мысли къ дѣлу, или теоріи къ опыту. „Выведи ты это мнѣ, говоритъ онъ, „на свѣжую воду“, то есть, покажи мнѣ отношеніе мысли къ жизни такъ ясно, какъ

на перекалъ рѣчки изъ темнаго омута на мелкое мѣсто видны на днѣ и рыбки, и камешки, и песчинки. Если мыслитель этого сдѣлать не можетъ, русскій человѣкъ смотритъ на него съ улыбкой, подозрѣвая запутанность понятій. Поэтому особенность русскаго ума состоитъ въ томъ, что называется *здравымъ смысломъ*, т. е. вѣрнымъ пониманіемъ отношеній отвлеченной мысли къ дѣйствительной жизни. Отсюда происходитъ всѣми признанная въ русскомъ человѣкѣ наблюдательность, смѣтливость и, при умѣннѣ замѣчать несообразности, насмѣшливость. Отсюда вѣрная оцѣнка людей, пониманіе всего фальшиваго, мечтательнаго, преувеличеннаго, хитросплетеннаго. Все это легко доказать опытами. Нашъ народъ всегда вѣрилъ, что ученье свѣтъ, а не ученье тьма, но онъ возненавидѣлъ современную науку за смуты, произведенныя учащимися молодыми людьми; онъ не вѣритъ въ благотворность космополитическихъ проэктовъ общественнаго благоустройства, когда не видитъ ближайшаго приложенія ихъ ко благу своего отечества; онъ негодуетъ, когда осложняютъ и запутываютъ учеными приѣмами практическіе вопросы о народныхъ нуждахъ, легко разрѣшаемые простымъ соображеніемъ; онъ оскорбляется, когда во имя отвлеченной любви ко всему человечеству жертвуютъ благомъ народовъ, близкихъ къ нему по племени и вѣрѣ; онъ сомнѣвается въ искренности вѣры и благочестія образованныхъ людей, когда не видитъ въ нихъ склонности къ благочестивымъ упражненіямъ и трудамъ, предписаннымъ Церковію; онъ не вѣритъ и въ благотворность современной цивилизаціи, питающей роскошь, праздность и легкомысліе. Этихъ примѣровъ довольно. Вотъ этимъ-то русскимъ умомъ на крѣпкихъ началахъ здраваго смысла обсуждаютъ здѣсь цѣльныя русскіе люди современныя явленія народной жизни; здѣсь оцѣниваются и получаютъ свою настоящую славу герои и подвижники за отечество; здѣсь возраждаются къ истинно русской жизни и разумѣнію русскіе люди, отуманенные чуждыми воззрѣніями и ученіями, но не утратившіе чуткости русскаго сердца.

„Счастливая Москва! Къ ней издавна съ любовью и нѣжностью, какъ къ матери, обращены взоры Русскаго народа

со всѣхъ концовъ Россіи. Не напрасно въ 1612 году Нижегородцы ринулись спасать Москву отъ нашествія Ляховъ; не напрасно, какъ рассказывали намъ отцы наши, въ 1812 году, за сто верстъ отъ Москвы, народъ собирался на возвышенностяхъ и, смотря на московское зарево, обливаясь слезами, говорилъ: „Москва горить!“ Народъ нашъ знаетъ за что любить *столицу своего сердца и своего разума*. Да хранять ее и защищать отъ современнаго растлѣнія умовъ и нравовъ молитвы Московскихъ святителей!

„Я не знаю какъ назвать чувство, наполняющее теперь мое сердце при видѣ этого публичнаго выраженія благосклоннаго вниманія ко мнѣ отъ истыхъ Москвичей. Назвать это чувство благодарностію,—мало; назвать утѣшеніемъ,—тоже мало. Это восполненіе моего сердца, какъ чаши, до краевъ тѣмъ чувствомъ счастья, которое испытывалъ я въ Москвѣ, руководясь ея разумомъ и живя съ нею однимъ сердцемъ, одною жизнію. И я уношу съ собою не воспоминанія только о Москвѣ, но живое не прекращающееся ощущеніе духовнаго общенія съ нею. Если Россія есть великое, многовѣтвистое дерево, а Москва ея корень, то я желаю быть хотя самымъ мелкимъ листкомъ на этомъ деревѣ, удаленнымъ отъ корня, но изъ него питающимся и крѣпко держащимся на своемъ мѣстѣ, не взирая на вѣтеръ, который порывается оторвать его“.

На эту рѣчь, выслушанную съ глубокимъ вниманіемъ и сопровождавшуюся изъявленіями сочувствія, отозвался городской голова, говорившій о значеніи русскихъ архипастырей въ жизни Россіи и заключившій сочувственнымъ отзывомъ о дѣятельности преосвященнаго Амвросія среди Московскаго общества.

Преосвященный Амвросій выразилъ желаніе, чтобы религиозно-нравственныя начала, проповѣдуемая духовенствомъ, были положены въ основаніе дѣятельности Московской Городской Думы, при ея заботахъ о народной нравственности и дѣлѣ воспитанія.

Владыка митрополить, въ сильныхъ, отъ души сказавшихся словахъ, указалъ на возбужденный въ послѣднее время

вопросъ о „клерикализмѣ“, который не имѣетъ смысла въ Россіи: Русское духовенство никогда не разбѣдилось съ Русскимъ государствомъ. Владыка выразилъ сожалѣніе, что еще не успѣлъ ознакомиться съ Московскимъ обществомъ. Слова архипастыря произвели глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, и всѣ въ единодушномъ движеніи спѣшили приблизиться къ владыкѣ и выразить ему свое сочувствіе. Преосвященный Амвросій присовокупилъ, что Москва всегда отличалась любовью къ своимъ архипастырямъ и единеніемъ съ ними и что новому владыкѣ, при его добротѣ, весьма легко будетъ установить душевныя отношенія къ его паствѣ. А что касается незнакомства его съ паствой, то преосвященный Амвросій указавъ на присутствовавшихъ, сказалъ: вотъ она здѣсь, въ этихъ представителяхъ, со всѣми качествами, съ сердечною вѣрою и съ склонностію ко всякимъ жертвамъ на пользу Церкви и въ дѣлахъ благотворительности.

Профессоръ Московской Духовной Академіи Н. И. Субботинъ, напомнивъ преосвященному Амвросію, какъ воспитаннику Московской Академіи, время его юности, замѣтилъ, что преосвященный оставилъ въ Академіи добрую память и упомянулъ притомъ о добрыхъ отношеніяхъ его за послѣднее время къ Александро-Маринскому дому призрѣнія при Троицкой лаврѣ. Преосвященный отвѣчалъ, что воспоминаніе о счастливомъ времени юности составляетъ утѣшеніе для старости, и благодарилъ за память Духовную Академію и просилъ заявить ея наставникамъ, особенно его современникамъ, глубочайшее уваженіе. Что же касается Дома Призрѣнія, то легко было о немъ заботиться, замѣтилъ преосвященный, при умной и благопопечительной начальницѣ, благонамѣренномъ Совѣтѣ и такомъ руководителѣ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, какъ самъ г. Субботинъ.

Въ одной изъ послѣднихъ рѣчей преосвященнаго была высказана просьба: поддержать юное Общество церковнаго пѣнія. При единодушномъ выраженіи отъ всѣхъ сочувствія этому Обществу, казначей Совѣта этого Общества, И. Н. Коншинъ, обращаясь къ преосвященному, сказалъ: „но вы насъ оставляете сиротами, укажите намъ предсѣдателя! Преосвя-

щенный указаль на преосвященнаго Алексія, епископа Можайскаго, который и былъ единодушно привѣтствованъ, какъ предсѣдатель Совѣта Пѣвческаго Общества.

Послѣдній тостъ былъ за процвѣтаніе пріюта Цесаревны Маріи и заботящагося о немъ Общества.

Послѣ обѣда почитателями преосвященнаго составлена была подписка и собрано было 4,000 руб. на учрежденіе двухъ стипендій имени преосвященнаго Амвросія, одной въ мужскомъ, а другой въ женскомъ отдѣленіяхъ Пріюта.

РѢЧЬ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

12 ОКТЯБРЯ 1882 ГОДА,

НА ПРОЩАЛЬНОМЪ ОБЪѢДѢ ВЪ ЧЕСТЬ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ

ОТЪ ОБЩЕСТВА ДѢТЕЙ ПРОСЯЩИХЪ МИЛОСТЫНИ.

Вы слишкомъ щедро, м.м. г.г., награждали меня вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ за ту малую долю участія, какую я успѣлъ принять въ дѣятельности вашего почтеннаго Общества. Отвѣчать вамъ на это могу только желаніемъ вамъ добрыхъ успѣховъ истинныхъ утѣшеній въ дальнѣйшихъ трудахъ вашихъ. Объ успѣхахъ вашихъ я молю Господа, Который Одинъ можетъ сдѣлать плодоносною нашу дѣятельность Своимъ вседѣйствующимъ благословеніемъ, а источникъ утѣшеній можетъ указать вамъ только Его Божественное ученіе.

Благотворительная дѣятельность, совершаемая въ духѣ Христовомъ, преисполнена утѣшеній.

Первое изъ нихъ есть сознаніе исполненнаго долга совѣсти и справедливости. Горька для честнаго человѣка обильная и вкусная пища, темно и мрачно роскошно убранное жилище, тяжелы красивыя и богатыя одежды при мысли, что многія тысячи братья его и голодны, и наги, и безпокровны. Только раздѣляя съ ними свой избытокъ, онъ можетъ сдѣлать его и законнымъ, и пріятнымъ, если онъ честно пріобрѣтенъ. Предоставляя Всевѣдущему и Премудрому Богу тайну

неравноѣрнаго распредѣленія состояній между людьми, онъ входитъ въ дѣло промышленія Божія, облегчая любовью бѣдствія ближнихъ и въ расширеніи этой любви признавая единственный законъ и вѣрное средство прогрессивнаго уменьшенія страданій человѣческихъ.

Второй источникъ утѣшеній въ дѣлахъ благотворенія—это доступная нашему сердцу ангельская, небесная радость о счастіи ближняго. Чтобы дать намъ опытно вкусить это счастье любви, Господь вселилъ въ сердца наши естественную любовь къ дѣтямъ, и Самъ въ словѣ Своемъ указываетъ намъ, какъ на лучшій опытъ этой любви, на любовь матери. Посмотрите на бѣдную мать, окруженную дѣтьми и успѣвшую при всѣхъ недостаткахъ дать имъ достаточную и пріятную пищу. Она не думаетъ о томъ, что сама еще не ѣла и что мало ей остается отъ недогадливыхъ дѣтей, а улыбается и радуется, видя, что они наслаждаются. Вотъ чувство, которое Господь желаетъ воспитать въ сердцахъ нашихъ по отношенію ко всѣмъ ближнимъ нашимъ. Ищи счастія въ некрадомоѣ радости духа о счастіи другихъ, а не въ своекорыстныхъ и мимолетныхъ наслажденіяхъ плоти.

Третій источникъ—есть благоговѣйное наблюденіе дѣйствій Промысла Божія, содѣйствующаго намъ въ дѣлахъ благотворенія. Благотворители суть Апостолы любви, подобные Апостоламъ истины, просвѣтившимъ міръ Христовымъ ученіемъ. Они имѣютъ и обѣтованія, подобныя тѣмъ, какія получили отъ Господа Апостолы Евангелія. Съ тѣми и другими Онъ обѣщаль быть Самъ; однихъ обнадѣжилъ просвѣщеніемъ благодати въ трудныхъ случаяхъ проповѣди, другихъ—умноженіемъ средствъ благотворенія по мѣрѣ увеличенія потребности въ нихъ: *дающая рука не оскудѣетъ*. И вотъ это утѣшеніе вы уже имѣете, видя какъ дѣло, начатое вами съ христіанскимъ смиреніемъ, не умираетъ, какъ Господь призываетъ къ вамъ помощниковъ и сотрудниковъ, какъ насажденіе ваше растетъ на глазахъ вашихъ. Наблюдайте,—и убѣдитесь, что Господь смотритъ за вами, поправляетъ ваши ошибки, устраняетъ встрѣчаемыя вами препятствія, благословляетъ ваши чистые помыслы и намѣренія, восполняетъ ваши недо-

статки. Не утѣшительно ли не только въ это вѣровать, но и видѣть на дѣлѣ оправданіе вѣры?

„Ближайшее же утѣшеніе есть общеніе любви, соединяющее богатыхъ съ бѣдными и между собою. Видѣть благоустроеніе жизни бѣдныхъ людей и слышать ихъ сердечныя слова признательности, получать отъ сотрудниковъ добрыя вѣсти объ успѣхахъ общаго дѣла, раздѣлять взаимно добрыя мысли и святыя чувства любви, возрастать и совершенствоваться въ любви—это значитъ начинать на землѣ жизнь небесную, гдѣ царствуетъ любовь, источникъ вѣчнаго блаженства.

„Да почиваетъ на дѣлѣ вашемъ Божіе благословеніе и да отвероетъ вамъ Господь всѣ источники благодатныхъ утѣшеній“.
